НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ПРАВОВѢДѢНІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
профессора Л. І. ПЕТРАЖИЦКАГО
при ближайшемъ участіи профессоровъ:
Д. А. КИСТЯКОВСКАГО, М. М. КОВАЛЕВСКАГО,
С. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, П. И. ЛЮБЛИНСКАГО,
Б. Э. Нольде, Н. Я. ПЕРГАМЕНТА и М. П. ЧУБИНСКАГО.

Сборникъ № 4.

Философія права и нравственности II.

Изд-ство „Образованіе“
Петроградъ. 1915.

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“, Петроградъ, Поварской, 12.—Телеф. 75-51.

Новыя идеи въ математикѣ.

Непериод. изд. выходящее подъ редакціей заслуженн. проф. А. В. Васильева.

Сборники: № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея.—№ 2. Пространство и время I.—№ 3. Пространство и время II. — № 4. Ученіе о числѣ — № 5. Принципъ относит. съ математ. точки зрѣнія I.—№ 6. Ученіе о множествахъ Георга Кантора I.—№ 7. Принципъ относит. съ математ. точки зрѣнія II.—8. Математика и философія I.—№ 9. Начала геометріи I.—№ 10. Математика и философія II.

Цѣна каждаго сборника 80 к.

Новыя идеи въ астрономіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора А. А. Иванова.

Сборники: № 1. Космогоническія гипотезы I.—№ 2. Земля. Ея внѣшняя форма и внутреннее строеніе.—№ 3. Космогоническія гипотезы II.—№ 4. Распред. звѣздъ въ простр. и ихъ движеніе.—№ 5. Кометы. Ихъ природа и происхожденіе.—№ 6. Марсъ и его каналы.

Цѣна каждаго сборника 80 к.

Новыя идеи въ физикѣ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслуженнаго проф. И. И. Боргмана †.

Сборники: № 1. Строеніе вещества. — Третье измѣненное изданіе. — № 2. Эѳиръ и матерія.—Второе дополненное изданіе.—№ 3. Принципъ относительности.—Второе изданіе.—№ 4. Дѣйствіе свѣта.—№ 5. Природа свѣта.—№ 6. Природа теплоты.—№ 7. Природа положительныхъ и рентгеновыхъ лучей.—№ 8. Строеніе атома (печ.).

Цѣна каждаго сборника 80 к.

Новыя идеи въ химіи.

Непериодическое изданіе. выходящее подъ редакціей профессора Л. А. Чугаева.

Сборники: № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. Второе дополненное изданіе.—№ 2. Радіоактивныя вещества I.—№ 3. Валентность.—№ 4. Радіоактивныя вещества II.—№ 5. Кристаллохимическій анализъ.—№ 6. Строеніе матеріи I.—№ 7. Ученіе о растворахъ.

Цѣна каждаго сборника 80 к.

Новыя идеи въ біологіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. проф. В. А. Вагнера.

Сборники: № 1. Что такое жизнь?—№ 2. Новое въ ученіи о нервной системѣ.—№ 3. Смерть и безсмертіе.—№ 4. Наслѣдственность I.—№ 5. Біохимія.—№ 6. Біо-психологія.—№ 7. Опредѣленіе пола.

Цѣна каждаго сборника 80 к.

Новыя идеи въ медицинѣ.

Непериодическое изданіе, выход. подъ ред. проф. А. М. Левина, при ближ. участіи проф. Л. В. Блуменау, проф. А. А. Кадьяна, д-ра Е. С. Лондона и акад. И. П. Павлова.

Сборники: № 1. Радіотерапія.—№ 2. Анафилаксія.—№ 3. Внутренняя секреція.—№ 4. Аритмія сердца (печ.).

Цѣна каждаго сборника 80 к.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ПРАВОВѢДѢНІИ.

Непеpіодическое изданіе, выходящее подъ редакціей
профессора Л. І. ПЕТРАЖИЦКАГО
при ближайшемъ участіи профессоровъ:
Б. А. КИСТЯКОВСКАГО, М. М. КОВАЛЕВСКАГО,
С. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, П. И. ЛЮБЛИНСКАГО,
Б. Э. НОЛЬДЕ, М. Я. ПЕРГАМЕНТА
и М. П. ЧУБИНСКАГО.

СБОРНИКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Философія права и нравственности II.

(Психологическая теорія нравственности).

Издательство „Образованіе“, СПБ.
1915.

ИСКЛЮЧЕН
КВ
1
190505. R
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
091
56

Типографія „Печатный Трудъ“, Прачешный пер., № 4, уг. Мойки.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

П. Е. Михайловъ. Проблема права. 1

Г. А. Ивановъ. Характерныя свойства и тенденціи права и нравственности 89

С. Рынкевичъ. О природѣ собственности. 115

П. Є. Михайловъ.

Проблема права.

(Съ точки зрѣнія психологической теоріи права).

„Юристы еще ищутъ опредѣленія для своего понятія права".

Кантъ.

„Почти столь же старымъ, какъ сама философія, является вопросъ о сущности права. Какъ только стала пробуждаться человѣческая мысль и человѣчество начало размышлять о себѣ и окружающемъ мірѣ, оно тотчасъ же вездѣ наталкивалось на само собой разумѣющееся и, тѣмъ не менѣе, таинственное, имъ самимъ осуществляемое, но непонятное, имъ же созданное, но какъ бы Богомъ данное, дѣйствіе и господство (Walten) права и порядка" [1]). Дѣйствительно, мнѣніе это не является гиперболическимъ, ибо нельзя себѣ даже представить никакого, хоть сколько-нибудь упорядоченнаго, общенія людей безъ дѣйствія права и наличности правопорядка, и, въ то же время, нельзя не признать, что самая проблема права занимаетъ и волнуетъ человѣческіе умы издревле, во всякомъ случаѣ,

[1]) Brodmann, Vom Stoffe des Rechts und seiner Struktur, 1897, стр. 5.

болѣе двухъ тысячелѣтій, исторически доподлинно извѣстныхъ современной наукѣ. Еще античные философы и юристы задумывались и работали надъ этой проблемой, а въ трудахъ, напримѣръ, римскихъ юристовъ, juris prudentes, право уже отчеканилось, окристаллизовалось въ строгія формулы и понятія и была создана цѣльная, стройная система права, наложившая свою авторитетную печать на всю послѣдующую юриспруденцію Западной Европы...

Однако, несмотря на затрату массы труда на рѣшеніе данной проблемы и постепенное накопленіе съ теченіемъ вѣковъ множества попытокъ опредѣленія существа права, до сихъ поръ еще не достигнуто ясное и согласное пониманіе права, и о существѣ права идутъ и теперь еще безконечные споры. „Юристы еще ищутъ опредѣленія для своего понятія права“ [1])— это указаніе Канта имѣетъ полную жизненность и силу по настоящее время.

„Къ сожалѣнію, какъ говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ ученыхъ юристовъ, даже о приблизительномъ согласіи (Gleichheit) представленій о правѣ между современными юристами не можетъ быть рѣчи. Напротивъ, понятіе права нынѣ колеблется еще болѣе, чѣмъ въ прежнее время, неувѣренность и непостоянство, если это еще возможно, только увеличиваются. Если вглядѣться ближе въ литературу, то нельзя не замѣтить тамъ лишь неувѣренныя попытки, движеніе наугадъ, (Fühlen und Tasten), установленіе провизорныхъ опредѣленій безъ дальнѣйшаго обоснованія, чаще же всего, просто, смущенный обходъ проблемы и eo ipso всякаго опредѣленія права даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ такового совершенно нельзя обойтись [2]).

---

[1]) „Noch suchen die Juristen eine Definition zu ihrem Begriff vom Recht“.—K a n t, Kritik der reinen Vernunft, стр. 488.

[2]) B e r g b o h m, Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. B. I. стр. 77—78. 1892.

И нужно сознаться, что эта пессимистическая оцѣнка современнаго положенія проблемы права отнюдь не произвольна и, къ тому же, не единична. Въ самое послѣднее время одинъ изъ виднѣйшихъ представителей науки права авторитетно подтвердилъ это, давъ отрицательную характеристику положенія дѣла въ современной юриспруденціи. „Современная наука о правѣ—указываетъ онъ—находится въ весьма безотрадномъ состояніи. Опредѣленныхъ научныхъ отвѣтовъ даже на такіе основные и элементарные вопросы, какъ, напр., что такое право, нормы права, права, которыя мы приписываемъ себѣ и другимъ и т. п.,—въ ея распоряженіи не имѣется. По этимъ и другимъ основнымъ вопросамъ идутъ безконечные и безрезультатные споры, и эта спорность основныхъ вопросовъ правовѣдѣнія съ теченіемъ времени не уменьшается, а увеличивается; хаосъ, здѣсь господствующій, только возрастаетъ и научнаго прогресса не замѣчается“ [1]). Такъ что „сфинксъ существа права остается и по сей день сфинксомъ“ [2]).

Такое печальное положеніе дѣла привело нѣкоторыхъ юристовъ даже къ сомнѣнію въ самой возможности рѣшенія проблемы права, и они, потерявъ надежду на измѣненіе положенія къ лучшему, просто, „обходятъ проблему“, иногда увѣряя, что „иначе и быть не можетъ въ области вопроса, тѣснѣйшимъ образомъ связаннаго съ глубочайшими проблемами человѣческой жажды познанія“ [3])...

---

[1]) Л. І. Петражицкій, Введеніе въ изученіе права и нравственности. 1905, стр. 1.

[2]) Петражицкій, Очерки философіи права, 1900, стр. 4.

[3]) Brodmann, Vom Stoffe des Rechts, стр. 5.

I.

Само собой разумѣется, что останавливаться на всей массѣ предложенныхъ опредѣленій существа права нѣтъ никакой возможности по размѣрамъ данной статьи и, даже, необходимости, ибо многія изъ нихъ уже окончательно сданы въ архивъ исторіи и снова отряхать съ нихъ вѣковѣчную пыль не представляетъ ни для кого никакого интереса. Мы хотимъ лишь выявить тѣ новыя идеи по вопросу о существѣ права, то новое рѣшеніе основной проблемы права, которое является пока, такъ сказать, послѣдней новостью въ наукѣ права, всколыхнувши снова юридическую научную мысль. Но предварительно необходимо, думается, остановиться нѣсколько и на традиціонныхъ рѣшеніяхъ проблемы права со стороны ученыхъ юристовъ, т.-е. на тѣхъ рѣшеніяхъ, которыя въ настоящее время имѣютъ наиболѣе актуальное значеніе, которыя нынѣ еще являются ученіями доминирующихъ школъ въ юриспруденціи. Такое разсмотрѣніе вырисуетъ намъ картину общаго состоянія современной юриспруденціи по вопросу о существѣ права, относительно основной проблемы науки права, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно рельефно оттѣнитъ и тѣ новыя идеи, которыя положены въ основаніе новаго рѣшенія проблемы права со стороны „психологической теоріи права".

Прежде всего, необходимо сдѣлать общее указаніе относительно того, что традиціонная юриспруденція вообще понимаетъ подъ „правомъ", какъ она ставитъ самый вопросъ о разрѣшеніи основной проблемы права.

Какъ извѣстно, въ настоящее время еще не существуетъ вполнѣ разработанной и общепринятой науки теоріи права, и еще недавно юристамъ приходилось бороться и отстаивать право гражданства самаго

термина „теорія права“ или „общая теорія права“. Общими вопросами правовѣдѣнія занимались до послѣдняго времени, поэтому не спеціалисты-теоретики въ собственномъ смыслѣ слова, а спеціалисты-догматики по разнымъ областямъ права, преимущественно цивилисты, занимающіеся современнымъ, или римскимъ, гражданскимъ правомъ (jus civile). Въ послѣднее время этой темой заинтересовались и публицисты, занимающіеся разработкой современнаго публичнаго, въ частности, государственнаго права разныхъ странъ. Но, собственно, теоретиковъ-спеціалистовъ нынѣ, за единичными исключеніями, пока еще почти не имѣется, ибо нельзя считать таковыми разныхъ философовъ, которые такъ или иначе занимались или занимаются проблемою права, такъ какъ они все же не являются спеціалистами-юристами.

Такое положеніе дѣла способствовало тому, что современная юриспруденція безсознательно находится въ догматической умственной зависимости отъ того правового (государственнаго, гражданскаго etc.) строя, толкованіемъ котораго занимаются юристы-догматики и на почвѣ котораго вырабатываются разныя привычки называнія и отнесенія разныхъ фактовъ или явленій къ праву или не-праву и т. под. Эта безотчетная умственная зависимость оказываетъ, въ свою очередь, сильнѣйшее вліяніе не только на тѣхъ ученыхъ юристовъ, которые имѣютъ дѣло съ практической задачею догматическаго толкованія и вообще разработки системы дѣйствующихъ правовыхъ нормъ, подлежащихъ офиціальной защитѣ, но и на тѣхъ, которые ставятъ предъ собою чисто теоретическую проблему опредѣленія природы права, какъ такового, теоретическаго изученія самаго существа права.

Такъ, напримѣръ, обычный рецептъ для устано-

вленія понятія права формулируется въ традиціонной юриспруденціи слѣдующимъ образомъ: „чтобы опредѣлить понятіе права, нужно исходить отъ права, которое существуетъ въ дѣйствительности“ [1]), т.-е. дѣйствуетъ въ государственномъ обиходѣ, примѣняется въ судахъ etc. Правда, нѣкоторые авторы сознаютъ, что въ данной формулѣ заложено уже предвзятое мнѣніе относительно того, что слѣдуетъ понимать подъ правомъ, ибо она рекомендуетъ „исходить отъ отдѣльныхъ предметовъ, которые уже существуютъ“, какъ говоритъ Бергбомъ, и называются обычно „правомъ“. Но, несмотря на такое „порочное“ съ логической точки зрѣнія опредѣленіе понятія права, юристы успокаиваютъ себя тѣмъ, что, „яко бы, подобный „порочный кругъ (circulus vitiosus) необходимо присущъ всякому образованію понятій“ [2]). Поэтому они и условливаются признавать, что „только то, что дѣйствуетъ въ качествѣ права, есть право, все же прочее къ нему не относится; съ другой стороны, все то, что функціонируетъ какъ право, есть право безъ исключенія“ [3]). Такъ рѣшается обычно постановка самой проблемы опредѣленія права и его дальнѣйшаго изученія. „И если мы хотимъ—признается Бродманъ на первой же страницѣ своего труда—преслѣдовать практическія цѣли, то намъ не остается ничего иного, какъ оставить всякія попытки разглядѣть то, что отъ насъ скрыто подъ землею“... И въ результатѣ,—„сфинксъ существа права и по сей день остается сфинксомъ“, ибо признавать, что „только то, что дѣйствуетъ въ качествѣ права, есть право“, значитъ, указать, что право=праву или $x = x$.

---

[1]) Ср., напр., B e r g b o h m, Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, I, стр. 79.

[2]) B e r g b o h m, Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, I, стр. 79.

[3]) Ibidem, стр. 80, ср., вообще, стр. 77—82.

Теперь посмотримъ, что традиціонная юриспруденція понимаетъ вообще подъ „правомъ".

Прежде всего, слѣдуетъ указать, что въ современной наукѣ по традиціи различаются два вида права: 1) право въ объективномъ смыслѣ или такъ называемое „объективное право" и 2) право въ субъективномъ смыслѣ или такъ наз. „субъективное право". Подъ объективнымъ правомъ разумѣются обыкновенно нормы права или юридическія правила; подъ субъективнымъ же—правоотношенія, права и обязанности, какъ особыя разновидности субъективнаго права. Объективному праву приписывается, далѣе, главенствующее значеніе и особое свойство установлять и обусловливать субъективное право, т.-е. создавать разныя обязанности и права, несмотря на то, что объективное и субъективное право суть лишь разныя „стороны" права, по признанію традиціонной юриспруденціи. Отсюда, по установившейся традиціи, самая проблема опредѣленія природы, существа права сводится, просто, къ вопросу: что такое юридическія нормы? При этомъ юридическія нормы или нормы права принимаются традиціонно за „императивы" или „велѣнія", и весь вопросъ опредѣленія права сводится къ нахожденію общихъ и отличительныхъ признаковъ этихъ нормъ-велѣній.

Правда, имѣются юристы, которые приписываютъ главенствующее значеніе субъективному праву, а не объективному, но они — исключенія, традиціонно же признается большинствомъ, что „объективное право" составляетъ основное понятіе, а „субъективное право"—производное.

Такимъ образомъ, общая проблема права понимается традиціонно, какъ проблема „права въ объективномъ смыслѣ", или, иначе, „права въ юридическомъ смыслѣ", согласно вышеуказанной методологической

формулѣ. Поэтому и предметомъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія будутъ лишь формулы опредѣленія „объективнаго права", а не „субъективнаго", которое имѣетъ, такъ сказать, производное значеніе; хотя и въ сферѣ проблемы „субъективнаго права" идутъ безконечные споры и разногласія о его существѣ, вплоть до абсолютнаго его отрицанія [1]).

Наибольшимъ распространеніемъ и авторитетностью пользуется нынѣ воззрѣніе на право, какъ государственно-принудительныя нормы, воззрѣніе, сдѣлавшееся даже „ходячимъ" и нашедшее своего вдохновеннаго защитника и пропагандиста въ лицѣ знаменитаго юриста второй половины XIX вѣка—Рудольфа фонъ-Іеринга. Въ своемъ извѣстномъ, громко нашумѣвшемъ, сочиненіи „Цѣль въ правѣ" Іерингъ открыто всталъ на защиту даннаго воззрѣнія. „Ходячее опредѣленіе права гласитъ: право есть совокупность дѣйствующихъ въ государствѣ принудительныхъ нормъ; и это опредѣленіе, добавляетъ Іерингъ, по моему мнѣнію, вполнѣ правильно" [2]).

Это, дѣйствительно, нынѣ ходячее пониманіе права оказало весьма сильное вліяніе на работу юриспруденціи послѣдняго времени. Оно какъ бы создало особую традицію среди юристовъ, бережно передаваемую изъ устъ въ уста, изъ сочиненія въ сочиненіе, такъ что, напримѣръ, не только большинство тѣхъ юристовъ, которые занимаются основными проблемами правовѣдѣнія, послушно принимаютъ и повторяютъ теорію государственно-принудительныхъ нормъ права, развитую Іерингомъ, но и вообще преобладающая

[1]) Такъ поступаетъ, напр., извѣстный французскій профессоръ Дюги, говоря, что „должно совершенно удалить даже самое употребленіе выраженія „право въ субъективномъ смыслѣ". См. Duguit, Traité de droit constitutionnel, I, p. 2, 1911.

[2]) R. v. Ihering, Der Zweck im Recht, I, стр. 320.

масса юристовъ, посвящающая свои труды лишь спеціальнымъ проблемамъ разныхъ областей права, эту теорію обыкновенно подразумѣваетъ и изъ нея исходитъ въ своихъ спеціальныхъ построеніяхъ и выводахъ. Къ тому же, и юристы-практики особенно охотно придерживаются этой теоріи, какъ выразительницы оффиціально-государственной точки зрѣнія, служащей для нихъ обязательнымъ примѣромъ и директивомъ, вслѣдствіе чего и получается особое укорененіе даннаго воззрѣнія и его безотчетное распространеніе.

Собственно говоря, ученіе о правѣ, какъ государственно-принудительныхъ нормахъ, затмеваетъ собою прочія опредѣленія „объективнаго права“, и оно обыкновенно подразумѣвается даже и такими формулами опредѣленія права, которыя исходятъ изъ иныхъ понятій и признаковъ существа права, нежели понятія „государство“ и „принужденіе“ и даже не употребляютъ этихъ послѣднихъ выраженій; такъ, напр., формула: „право есть выраженіе общей воли“ многими мысленно дополняется—посредствомъ государственно-принудительныхъ нормъ и т. под.

Итакъ, право есть совокупность государственно-принудительныхъ нормъ. Даетъ ли, однако, эта формула теоретическое рѣшеніе основной проблемы правовѣдѣнія: — что такое право? Іерингъ, наиболѣе рѣзко выдвинувшій данную формулу, училъ при этомъ, что „государство есть единственный источникъ права“ [1]). Такимъ образомъ, право по этому мнѣнію является ничѣмъ инымъ, какъ продуктомъ государства, велѣніемъ государственной власти, снабженнымъ принужденіемъ. Иначе говоря, право сводится къ тожеству съ законом. Но что же дѣлать въ такомъ случаѣ съ международнымъ правомъ, съ обычнымъ правомъ, съ каноническимъ правомъ etc? Вѣдь, ни международное,

[1]) Zweck im Recht, I, стр. 320.

ни обычное право не являются велѣніями государственной власти, не охватываются понятіемъ государственнаго закона. Ибо международное право имѣетъ общеобязательное значеніе для всѣхъ членовъ международнаго общенія и создается отнюдь не велѣніемъ власти отдѣльнаго государства, вообще, не имѣетъ оффиціальнаго характера, дѣйствуя не внутри, а, такъ сказать, за предѣлами государства; точно также источникомъ и обычнаго права не можетъ быть государство, такъ какъ обычное право создается отнюдь не велѣніями оффиціальной власти, а имѣетъ въ своей основѣ незапамятное поведеніе предковъ—обычай („такъ пошло изъ старины", „таковъ народный обычай") и поэтому ничего не имѣетъ общаго съ оффиціальными приказами власти. Такимъ образомъ, формула Іеринга можетъ относиться только къ государственнымъ законамъ, но ни въ коемъ случаѣ не охватываетъ всѣхъ сферъ права.

Это, однако, не смущаетъ сторонниковъ данной формулы, и они разными софизмами стараются прикрыть внутреннее противорѣчіе своего опредѣленія права. Но нѣкоторые, наиболѣе логически-послѣдовательные, защитники теоріи государственно-принудительныхъ нормъ права не мирятся съ этимъ кореннымъ самопротиворѣчіемъ и рѣшаются отчаянно на рискованный шагъ, а именно, начисто отрицаютъ свойство права за всѣмъ тѣмъ, что не есть велѣніе государственной власти, что не находитъ своего первоисточника въ государствѣ и законѣ. Такъ, напр., поступаетъ прямо-таки съ изумительной рѣшимостью проф. Г. Ф. Шершеневичъ въ своей „Общей теоріи права". Онъ доводитъ до надлежащаго логическаго конца теорію государственно-принудительныхъ нормъ Іеринга и eo ipso безотчетно вскрываетъ всю ея

научную слабость и неправильность [1]). Но, конечно, не многіе способны на такую рискованную операцію со строгими логическими выводами изъ разъ принятой теоріи, на которую рискнулъ проф. Шершеневичъ; большинство приверженцевъ данной формулы Іеринга послушно идетъ по стопамъ своего учителя и не рѣшается удалять изъ области права тѣхъ ея отдѣловъ, которые, несмотря на словесное удаленіе ихъ изъ сферы права нѣкоторыми соратниками, продолжаютъ нерушимо фигурировать въ юридической жизни. А это, разумѣется, неизбѣжно приводитъ, въ свою очередь, къ существеннымъ противорѣчіямъ, подрывающимъ смыслъ и значеніе защищаемой теоріи.

Далѣе, если „единственнымъ источникомъ права" является государство, то, слѣдовательно, вся правовая жизнь, все право, существовавшее до государства, совершенно должно отрицаться. А что право, такъ сказать, старше государства, объ этомъ документально свидѣтельствуетъ исторія человѣчества въ своемъ цѣломъ, точно также какъ и исторія отдѣльныхъ племенъ и народовъ. Ибо подъ государствомъ opinio communis doctorum понимаетъ лишь такой публичный союзъ, который обладаетъ опредѣленной постоянной территоріей, сложной организаціей независимой власти (qui superiorem non recognoscit) и населеніемъ, живущимъ на данной территоріи. Такъ что элементъ осѣдлости, опредѣленной территоріи играетъ существенную роль въ традиціонномъ понятіи государства.

Лишь въ видѣ исключенія можно назвать нѣкоторыхъ ученыхъ, которые не придерживаются даннаго мнѣнія. Такъ поступаетъ, напр., Л. І. Петражицкій, который особенно подчеркиваетъ, что съ точки зрѣнія

---

[1]) См. разборъ „Общей теоріи права" проф. Шершеневича въ моей рецензіи—„Право", 1911, № 5.

психологической теоріи права и соотвѣтственной теоріи государства „осѣдлость, наличность опредѣленной территоріи не имѣетъ классификаціоннаго значенія“ [1]); а также Дюги, для котораго государство—это всякое независимое „человѣческое общество, въ которомъ имѣется дифференціація между властвующими и подвластными“ [2]); или, наконецъ, Іеллинекъ, по которому всякое организованное нерелигіозное общеніе, не знающее надъ собою высшаго союза, есть государство“, или, иначе говоря, „всякая форма организаціи, по характеру своему господствующей, не знающей надъ собою высшей власти, должна быть разсматриваема, какъ государство“ [3]).

И вотъ оказывается, что всѣ правовыя явленія, событія и связи, возникавшія въ до-государственной исторіи, которымъ, можетъ быть, обязано своимъ существованіемъ и само современное государство, все это должно игнорироваться проповѣдниками и защитниками государственнаго происхожденія права и тѣмъ самымъ вычеркиваться изъ исторіи правовой жизни. А такое слѣдствіе, естественно, должно свидѣтельствовать о непригодности формулы Іеринга для рѣшенія проблемы права, о безсиліи ея охватить въ своемъ синтезѣ всѣ явленія права, какъ таковыя, безъ исключенія. Поэтому, несомнѣнно, правъ Петражицкій, когда онъ говоритъ: „связывая понятіе права съ государствомъ, наука лишается богатаго и поучительнаго матеріала—тѣхъ правовыхъ явленій, которыя возникали и возникаютъ внѣ государства, независимо отъ него и до появленія государства, и сужаетъ свой горизонтъ

---

[1]) Теорія права, I, 1907, стр. 204.

[2]) Traité de droit constitutionnel, I. 1911, стр. 22—23.

[3]) Право современнаго государства, 1903, стр. 236—37, стр. 171; ср., однако, стр. 172, 169 и др.

до узкаго, можно сказать, оффиціально-канцелярскаго кругозора“ [1]).

Если нѣкоторые юристы, желая смягчить формулу Іеринга, считаютъ правомъ нормы, признанныя со стороны государства, охраняемыя, гарантированныя государствомъ и т. п., то они, на самомъ дѣлѣ, только словесно улучшаютъ формулу. Ибо и подъ ихъ формулу также не подойдетъ понятіе общеобязательнаго международнаго права, независимаго отъ признанія его со стороны отдѣльнаго государства; она не содержитъ въ себѣ даже отличительнаго признака права отъ другихъ нормъ, признанныхъ также со стороны государства, напр., нравственности, религіи etc. А затѣмъ, нужно указать по адресу государственной теоріи права, что, съ точки зрѣнія науки о правѣ, само понятіе государства является правовымъ понятіемъ, и поэтому уже научное понятіе государства предполагаетъ научное опредѣленіе понятія права, а потому право и невозможно логически-научно опредѣлять черезъ правовое же понятіе государства [2]). Поэтому слѣдуетъ разъ навсегда принципіально отказаться „отъ государственнаго ученія о правѣ въ пользу правового ученія о государствѣ“, какъ остроумно замѣчаетъ К. Н. Соколовъ [3]).

Таковы дефекты формулы Іеринга, признающей государство „единственнымъ источникомъ права“. Что касается, далѣе, другого признака, имѣющагося въ его опредѣленіи права, какъ государственно-принудительныхъ нормъ, т.-е. признака принудительности, то здѣсь можно отмѣтить слѣдующее.

---

[1]) Теорія права, стр. 257.

[2]) См. объ этомъ подробнѣе: Петражицкій, Теорія права, I, стр. 255—56.

[3]) Парламентаризмъ, 1912, стр. 409.

„Признакъ принужденія, говоритъ Іерингъ [1]), есть существенный реквизитъ права", отличающій право отъ морали, нравовъ etc. Однако, какъ оказывается, не во всякомъ правѣ организація принужденія одинакова. Такъ, напр., на возраженіе, что международное право не укладывается въ данную формулу, ибо ему чужда организація принужденія, Іерингъ настаиваетъ, что „юридическій характеръ международнаго права... не можетъ подлежать сомнѣнію", но только въ немъ „организація принужденія не приспособлена еще къ юридической нормѣ", иначе говоря, „принужденіе отстаетъ здѣсь отъ нормы" (ibid.). Однако, какъ увѣряетъ Бродманъ, такое несоотвѣтствіе между „существеннымъ признакомъ" права—принужденіемъ и международнымъ правомъ еще „ничего не доказываетъ". Ибо „и международное право со временемъ достигнетъ полной силы нормальнаго права, и тогда его нормы не будутъ лишены принудительной организаціи" [2]). Но пока-то, во всякомъ случаѣ, мы должны признать, что формула Іеринга безсильна во всѣхъ отношеніяхъ передъ международнымъ правомъ, которое никакъ не укладывается въ опредѣленіе права, какъ совокупности государственно-принудительныхъ нормъ.

Къ тому же, въ сферѣ права имѣется цѣлая область нормъ, лишенныхъ не только санкціи, предписывающей мѣры принужденія, но вообще какой бы то ни было санкціи; таковы хорошо извѣстныя всякому юристу такъ называемыя leges imperfectae. Такъ что и въ этомъ отношеніи „существенный моментъ", „существенный реквизитъ права"—принужденіе терпитъ неудачу, являясь отнюдь не „существеннымъ".

---

[1]) Zweck im Recht, стр. 325 и сл.

[2]) Vom Stoffe des Rechts, стр. 17—18.

И, наконецъ, несомнѣнно, разрушающее и неотразимое опроверженіе правильности опредѣленія права, какъ принудительныхъ нормъ, далъ Петражицкій въ своей классической формулѣ безконечности иксовъ (x) для данной формулы права. Дѣло въ томъ, что, согласно теоріи принужденія (все равно, физическаго, или психическаго), нормою права (x) является лишь такая норма, на случай отсутствія добровольнаго исполненія которой другая норма права (x_1) предусматриваетъ примѣненіе принудительныхъ мѣръ; но эта послѣдняя норма лишь только въ томъ случаѣ можетъ быть, согласно теоріи принужденія, правовою нормою, если имѣется дальнѣйшая норма права (x_2), которая предусматриваетъ, въ свою очередь, примѣненіе принудительныхъ мѣръ на случай отсутствія добровольнаго исполненія данной нормы (x_1). Норма x_2, чтобы быть правовою нормою, должна, въ свою очередь, точно также имѣть дальнѣйшую принудительную санкцію за собою слѣдующей нормы права (x_3); за нормою x_3 должна неизбѣжно слѣдовать новая санкціонирующая норма права (x_4) и т. д. и т. д.—до безконечности [1]).

Само собой разумѣется, что провѣрить и доказать, что какая-либо норма соотвѣтствуетъ данному опредѣленію права и поэтому должна быть признана правовою нормою—невозможно, ибо это требовало бы, какъ мы только-что видѣли, безконечнаго доказательства, провѣрки безконечности юридическихъ нормъ. И здѣсь теорія принужденія оказывается въ положеніи легендарнаго Сизифа, безнадежно и безполезно исполняющаго свою безконечную работу.. Если же по какой-либо причинѣ оказалась бы прерванной эта безконечная цѣпь нормъ права, то сразу

[1]) Теорія права, стр. 263—64.

же оказалось бы, что послѣдняя прерванная норма (x_{100}), какъ не имѣющая за собою дальнѣйшей санкціи въ видѣ правовой нормы (x_{101}), есть уже норма неправовая, а, слѣдовательно, и всѣ предыдущія нормы оказались бы сразу неправовыми, не суть нормы права, ибо для каждой изъ нихъ послѣдовательно не доставало бы уже санкціи права, предписывающей на случай неисполненія примѣненіе принудительныхъ мѣръ... И въ результатѣ, отъ всей теоріи принужденія остается одно пустое мѣсто. Ибо самая формула „ходячаго" рѣшенія проблемы права, какъ „принудительныхъ нормъ, дѣйствующихъ въ государствѣ", „представляетъ нѣчто, даже съ точки зрѣнія элементарныхъ правилъ логики, столь несообразное", что лишаетъ всю теорію „всякаго научнаго значенія и смысла" [1]).

Поэтому и утвержденіе защитниковъ принужденія, „какъ существеннаго реквизита права", гласящее, что „тотъ, кто не признаетъ принужденія существеннымъ элементомъ права, лишается всякой возможности разграничить по существу право отъ другихъ сродныхъ явленій" [2]), является совершенно бездоказательнымъ. Мы только-что видѣли какъ-разъ обратное, то-есть, что именно формула государственно-принудительныхъ нормъ права не можетъ „разграничить по существу право отъ другихъ сродныхъ явленій", несмотря на всѣ оговорки и софизмы со стороны данной теоріи. Все равно, возьмемъ ли мы теорію физическаго принужденія, или теорію психическаго принужденія, всегда мы будемъ имѣть дѣло съ научно-несостоятельной теоріей, случайно возводящей одно изъ средствъ побужденія къ исполненію правового поведенія со стороны обязаннаго, одно изъ средствъ доставленія управомоченному ему причитающагося, въ „существен-

[1]) Петражицкій, Теорія права, стр. 264 и сл.

[2]) Brodmann, Vom Stoffe des Rechts, стр. 17.

ный реквизитъ права", какъ выражается Іерингъ.

Ибо принужденіе, какъ таковое, принудительныя мѣры, примѣняемыя во исполненіе права, и специфическая сущность самого права не имѣютъ между собою по своему существу ничего общаго. Прежде всего, извѣстно, что существуютъ такія юридическія нормы и такія сферы правового поведенія, которыя совершенно исключаютъ примѣненіе физическаго принужденія; такова, напр., сфера дѣятельности монарха, народныхъ представителей, судей, чиновниковъ и т. д. и т. под. Во всѣхъ этихъ сферахъ физическое принужденіе къ соотвѣтственному поведенію совершенно невозможно и даже немыслимо. Силой можно развѣ лишь „помѣшать совершенію воспрещеннаго дѣйствія, или насильно отобрать подлежащую выдачѣ вещь", какъ не безъ основанія замѣчаетъ проф. Кокошкинъ [1]). Такимъ образомъ, физическое принужденіе, если и можетъ имѣть мѣсто, то лишь въ очень узкой сферѣ поведенія и лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда нѣтъ на лицо добровольнаго исполненія. Вообще же говоря, теорія физическаго принужденія смѣшиваетъ „физическія силы и дѣйствія людей (судебныхъ приставовъ, чиновъ полиціи, войска), примѣняющихъ физическое принужденіе въ исполненіе права, со свойствами самого права" [2]).

Что касается, далѣе, замѣны физическаго принужденія формулой психическаго принужденія, то она, въ существѣ дѣла, нисколько не помогаетъ разрѣшенію проблемы права. Она такъ же смѣшиваетъ мотивацію поведенія съ существомъ самого права и такъ же безсильна въ объясненіи правовыхъ явленій. Во 1-хъ, психическое принужденіе, т.-е. угроза наказаніемъ за нарушеніе нормы, не только иногда не останавливаетъ

[1]) Лекціи по общему государственному праву, 1912, стр. 112.

[2]) Петражицкій, Теорія права, стр. 259.

нарушенія (въ случаѣ, напр., незнанія этой угрозы или ея легкости), но, даже, наоборотъ, подчасъ, именно, воодушевляетъ къ нарушенію угрожающей нормы (ср., напр., преслѣдованія за религію, за политическія идеи и т. под.). Во 2-хъ же, если принужденіе является специфическимъ свойствомъ самого права, не допускающимъ нарушенія права, то тогда, вообще, съ точки зрѣнія данной теоріи, не могло бы быть правонарушеній, иначе бы норма права измѣняла самой себѣ, допускала бы самонарушеніе. Но въ дѣйствительности нарушенія права фактически существуютъ, да и сама теорія ихъ предполагаетъ, разъ угрожаетъ за нихъ страхомъ наказанія; eo ipso она заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, подрывающее самый смыслъ соотвѣтственной теоріи.

Да и вообще, думать, что современные люди исполняютъ предписанія права только потому, что имъ угрожаетъ за неисполненіе наказаніе, или предполагать, что всѣ безъ исключенія люди неизбѣжно не нарушаютъ правопорядка только изъ-за страха наказанія etc.,—это значитъ имѣть очень низкое понятіе о психологіи современнаго человѣка и совершенно игнорировать разнообразную игру права на струнахъ человѣческой души при добываніи соціально-необходимаго поведенія. Нынѣ, можно смѣло сказать, громадное большинство людей не убиваетъ, не воруетъ, не мошенничаетъ, вообще, не нарушаетъ права вовсе не потому, что за такое нарушеніе угрожаетъ наказаніе, а, просто, въ силу сознанія противоправности подобнаго поведенія, въ силу сознанія правовой обязанности ненарушенія чужихъ правъ, или, наконецъ, даже въ силу отсутствія всякихъ побужденій къ подобному поведенію, въ силу атрофіи соотвѣтственныхъ эмоціональныхъ злостныхъ склонностей etc. Но здѣсь уже мы переходимъ къ вопросу о мотиваціяхъ правового по-

веденія, и приходится повторить, что теорія психологическаго принужденія смѣшиваетъ одну изъ мотивацій правового поведенія (угроза наказаніемъ) со специфическимъ свойствомъ самого права. Поэтому нельзя не привѣтствовать все учащающейся критики „ходячаго" воззрѣнія на право со стороны ученыхъ юристовъ и того факта, что „ученіе, признающее принудительность существенной принадлежностью понятія права, оказывается уже теперь въ чисто оборонительномъ—и притомъ довольно безнадежномъ положеніи" [1]).

II.

Въ отличіе отъ предыдущаго ученія о существѣ права, связывающаго такъ или иначе понятіе права съ понятіемъ государства, въ современной юриспруденціи существуетъ еще одно, весьма распространенное, воззрѣніе на право, которое связываетъ понятіе права не спеціально съ понятіемъ государства, а съ понятіемъ общества. Таково знаменитое воззрѣніе, идущее еще съ античной древности, гласящее, что право есть „общая воля", „выраженіе общей воли", „воля общенія" и т. под. [2]). Особенно сильное развитіе это воззрѣніе получило, какъ извѣстно, въ эпоху т. наз. естественнаго права съ его ученіемъ о „договорной волѣ", „общей волѣ" гражданъ и т. под. [3]). Но не что иное какъ особую модификацію теоріи „общей воли", представляло собою и противуположное, казалось бы, ученіе о правѣ такъ наз. исторической школы, ученіе, видящее въ правѣ выраженіе „народнаго духа", „общее

[1]) Іеллинекъ, Право современнаго государства, стр. 219, прим. 1.

[2]) См. критику этой теоріи у Петражицкаго. Теорія права, I, стр. 275—287.

[3]) Ср., напр., ученіе Руссо о „volonté générale" въ его „Общественномъ договорѣ".

убѣжденіе народа", „общую волю народа" etc. [1]). Въ новѣйшее время выдающимся защитникомъ видоизмѣненной теоріи „общей воли" является извѣстный юристъ Бирлингъ, который „общую волю" замѣняетъ въ своей формулѣ выраженіемъ „общее признаніе", иногда „общественная воля" etc. [2]).

На разборѣ всѣхъ соотвѣтственныхъ воззрѣній мы не будемъ, конечно, останавливаться, такъ какъ многія изъ нихъ представляютъ нынѣ лишь историческій интересъ; сдѣлаемъ лишь общее указаніе относительно самаго существа данной формулы („право есть общая воля"), и затѣмъ остановимся подробнѣе лишь на новѣйшей теоріи этого рода, т.-е. на ученіи о существѣ права, на рѣшеніи основной проблемы права со стороны Бирлинга.

„Право въ объективномъ смыслѣ есть общая воля", такъ начинаетъ свое общее ученіе о правѣ авторитетный юристъ послѣдняго времени—Дернбургъ [3]). Что же означаетъ подобная формула? Конечно, въ буквальномъ смыслѣ понимать такую формулу невозможно, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ Петражицкій, тогда и „общая воля" отправиться на прогулку, „общая воля" нѣсколькихъ лицъ совершить кражу, разбой и т. под.—есть право" [4]). Поэтому понимать ее нужно не въ буквальномъ, научно-психологическомъ смыслѣ, а въ иносказательномъ. Дѣло въ томъ, что подъ „во-

[1]) Ср. Savigny, Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, 1814; или System des heutigen römischen Rechts, T. I, 1840. Puchta, Pandekten, § 10, а также Gierke, Deutsches Privatrecht. T. I. 1895.

[2]) Bierling, Juristische Prinzipienlehre, т. I. 1894.

[3]) Dernburg, Pandekten. B. I. § 19. Ср. Thon, Rechtsnorm und Subjektives Recht, стр. 1, который даже начинаетъ свою книгу съ указанія, что „право въ объективномъ смыслѣ" есть „общая воля".

[4]) Теорія права, стр. 276.

лею"въ данной формулѣ понимается не „воля" въ научно-психологическомъ смыслѣ (какъ особыя активныя психическія переживанія), а „воля" въ переносномъ смыслѣ (какъ, напр., говорятъ о „волѣ господина" въ смыслѣ господскаго „приказа", „велѣнія" и т. под.), т.-е. „велѣнія" однихъ по адресу другихъ, согласно, вообще традиціонному пониманію права, какъ „нормъ—велѣній". Подъ выраженіемъ же „общая воля" понимается условно нѣкоторое, какъ бы, приблизительное, на самомъ дѣлѣ, фиктивное совпаденіе „общей воли" съ волею большинства людей, или даже одного монарха и т. под. Такъ, напр., въ области обычнаго права, гдѣ наблюдается массовый правовой шаблонъ сторонникамъ данной формулы кажется, что воззрѣніе на право, какъ на „выраженіе общей воли, является вообще единственно возможнымъ" [1]), т.-е., чѣмъ повальнѣе обычай, тѣмъ онъ, яко бы, выражаетъ лучше „общую волю" гражданъ и т. под. Въ области же законодательства создается другая фикція, состоящая въ признаніи воли, велѣній законодателя, какъ бы волею всего общенія, „общею волею", лишь выраженною законодателемъ и т. под.

Но, конечно, такое конструированіе различныхъ фикцій, порождаемое двусмысленностью формулы, не можетъ быть признано за научное рѣшеніе проблемы права, за научное опредѣленіе понятія права. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же можно согласиться съ тѣмъ, что обычаи, законы etc. суть общая воля, воля общенія и т. под., когда большинство населенія о нихъ обыкновенно даже ничего не знаетъ, или, напр., когда законъ и обычай противорѣчатъ другъ другу, т.-е. получается роковое столкновеніе въ „общей волѣ", какъ бы двухъ ужъ „общихъ воль", одновременно гласящихъ и „да"

---

[1]) Bierling, Juristische Prinzipienlehre, стр. 155.

и „нѣтъ“ по одному и тому же вопросу... Вообще говоря, за данной формулой остается лишь единственный смыслъ, гласящій: право въ объективномъ смыслѣ или нормы права суть совокупность общихъ велѣній. Поэтому-то формула эта и является столь распространенной среди юристовъ, даже придерживающихся иныхъ воззрѣній на право, ибо она является какъ бы формальной предпосылкой вообще традиціоннаго пониманія объективнаго права, какъ совокупности нормъ-велѣній. Недаромъ еще Іерингъ призналъ формулу „право есть общая воля“ „наиболѣе подходящимъ и краткимъ формальнымъ опредѣленіемъ существа права“ [1]).

Что касается, далѣе, теоріи Бирлинга, который на мѣсто „общей воли“ ставитъ „общее признаніе“, то и она, собственно, не устраняетъ тѣхъ противорѣчій въ отношеніи юридической дѣйствительности, которыми страдаетъ ученіе о правѣ, какъ „общей волѣ“.

„Право въ юридическомъ смыслѣ—такъ начинаетъ свое опредѣленіе Бирлингъ—есть все то, что́ люди, живущіе вмѣстѣ въ какомъ-либо общеніи, взаимно признаютъ, какъ норму и правило ихъ совмѣстной жизни“ [2]). Отсюда авторъ выводитъ три слѣдующія „истины“:

I. Цѣль всякаго права состоитъ въ опредѣленіи внѣшнихъ отношеній человѣка къ человѣку.

II. Средствомъ къ достиженію данной цѣли служатъ нормы или императивы, которые направляются на волю людей и изъ которыхъ единственно только и состоитъ право.

III. Отъ другихъ видовъ нормъ юридическія нормы отличаются тѣмъ,—и только тѣмъ,—что онѣ признаны, какъ нормы или правила внѣшнихъ отно-

[1]) Geist des römischen Rechts. B. III, § 60,

[2]) Juristische Prinzipienlehre. B. I, стр. 19.

шеній внутри опредѣленнаго круга людей, а именно, какъ сочленовъ, соприналлежащихъ къ этому кругу“ [1]).

Такимъ образомъ, говоритъ Бирлингъ, „всякая норма есть выраженіе воли, направленной на другую волю“, и поэтому „ничего нельзя возразить противъ обозначенія нормъ права, какъ воли общенія или, просто, общей воли“, ибо, какъ это вытекаетъ изъ опредѣленія, и правовыя нормы суть нормы, „которыя взаимно признаны въ качествѣ правилъ общежитія въ опредѣленномъ кругу людей, со стороны принадлежащихъ къ этому кругу сочленовъ общежитія“ [2]). Мы видимъ, слѣдовательно, что авторъ вполнѣ приближается къ теоріи „общей воли“, хотя онъ и выдвигаетъ, какъ отличительный признакъ права, не волю, какъ таковую, и не велѣніе, а, именно, „признаніе“. Онъ прямо говоритъ, что признаніе есть „конститутивный признакъ права“, или что „специфическій признакъ правовыхъ нормъ состоитъ въ признаніи“ и т. под. [3]). Однако, полнаго анализа и точнаго выясненія понятія „признанія“ Бирлингъ такъ и не далъ въ своемъ ученіи, ибо „онъ такъ и не отдалъ себѣ отчета въ многоликости своего опредѣленія“, какъ правильно замѣчаетъ Б. А. Кистяковскій [4]).

Но, не давъ точнаго опредѣленія своего понятія „признанія“, Бирлингъ указываетъ, однако, такъ сказать, различныя степени „правопризнанія“. Такъ, напримѣръ, правопризнаніе можетъ мыслиться не только необходимымъ, т.-е. вынужденнымъ, но и добровольнымъ; оно бываетъ, далѣе, не только всегда

---

[1]) Bierling, Juristische Prinzipienlehre, стр. 19, ср., вообще, стр. 19—70, гдѣ авторъ развиваетъ свой тезисъ.

[2]) Ibidem, стр. 148—149.

[3]) Ibidem, стр. 44 и стр. 47.

[4]) См. „Логосъ“, 1910, стр. 196: Статья Б. А. Кистяковскаго: „Реальность объективнаго права“.

прямымъ правопризнаніемъ, но и косвеннымъ; наконецъ, оно можетъ быть извѣстнымъ и, даже, неизвѣстнымъ, т.-е. относиться не только къ дѣйствующимъ правовымъ нормамъ, но и ко всѣмъ возможнымъ будущимъ нормамъ права въ кругу даннаго общенія [1]).

Отсюда вытекаютъ характерныя и роковыя послѣдствія для теоріи „признанія“ Бирлинга.

Во-первыхъ, какъ бы ни разсматривать „признаніе“, оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ дать отличительнаго признака права или правовыхъ нормъ отъ морали или нравственныхъ нормъ и т. под. Ибо и нормы нравственности могутъ имѣть, несомнѣнно, общественное признаніе, какъ и нормы права, и т. наз. общественная мораль есть всѣмъ извѣстный фактъ соціальной жизни.

Во-вторыхъ, поскольку Бирлингъ утверждаетъ необходимость для наличности права существованія общаго признанія со стороны всѣхъ сочленовъ даннаго общежитія, постольку онъ противорѣчитъ дѣйствительности. Ибо, согласно его концепціи, вообще, нигдѣ бы не существовало никогда никакого права и правопорядка, такъ какъ въ каждомъ общежитіи имѣются такіе сочлены, которые или не могутъ, или не желаютъ признавать дѣйствующаго правопорядка, дѣйствующей системы права. Таковы, напр., малолѣтнія дѣти, душевнобольные или сумасшедшіе, таковы, далѣе, убѣжденные анархисты разныхъ толковъ, или религіозные фанатики. Всѣ они либо не осознаютъ, либо отрицаютъ существующій правопорядокъ и тѣмъ самымъ разрушаютъ, согласно формулѣ Бирлинга, самую возможность существованія права и правопорядка. Правда, Бирлингъ, повидимому, понимаетъ это роковое послѣдствіе формулы и пытается отстранить его тѣмъ, что признаетъ дѣтей и сумасшедшихъ (какъ равно иностранцевъ и отсутствующихъ сочленовъ общенія) не

[1]) Ibidem, стр. 45—47; ср. стр. 107 и сл.

„настоящими", а „фиктивными" субъектами правъ и обязанностей [1]).

Но, признавая дѣтей и сумасшедшихъ „фиктивными", т.-е. не существующими субъектами правъ и обязанностей, Бирлингъ грубо противорѣчитъ юридической дѣйствительности, ибо существующія системы права всегда признаютъ и дѣтей и сумасшедшихъ какъ субъектами правъ, такъ и субъектами обязанностей; стоитъ сравнить хотя бы ихъ права и обязанности въ сферѣ наслѣдственнаго права, или, напр., принять во вниманіе права малолѣтняго монарха и т. под., чтобы сразу же убѣдиться, насколько признаніе „фиктивности" данныхъ субъектовъ со стороны Бирлинга противорѣчитъ фактамъ юридической жизни. Къ тому же, онъ совершенно оставляетъ безъ отвѣта вопросъ о другихъ лицахъ, не признающихъ правопорядка, напр., объ анархистахъ, которые, несомнѣнно, разрушаютъ формулу права Бирлинга, отказывая въ признаніи правовыхъ нормъ въ данномъ общежитіи. Правда, авторъ можетъ сказать, что, если анархисты въ принципѣ отрицаютъ дѣйствующій правопорядокъ, то все же практически пользуются имъ, напр., обращаясь къ суду, принимая наслѣдство, вѣнчаясь и т. под., какъ равно и подчиняются ему, напр., платя извѣстные налоги etc. Но здѣсь мы, собственно, переходимъ уже къ другому пункту возраженій по поводу теоріи Бирлинга.

Дѣло въ томъ, что формула Бирлинга, требующая для наличности права „признанія юридическихъ нормъ со стороны всѣхъ сочленовъ даннаго общенія", противорѣчитъ, собственно говоря, самымъ яркимъ образомъ фактамъ дѣйствительности, ибо не только о признаніи, но даже и о знаніи-то всѣхъ юридическихъ

---

[1]) Juristische Prinzipienlehre, стр. 201 и сл.; ср., вообще, § 13.

нормъ со стороны всѣхъ членовъ общества, всего многомилліоннаго населенія, не можетъ быть рѣчи. Большинство населенія не только не объявляетъ о своемъ признаніи всѣхъ юридическихъ нормъ, настоящихъ и даже будущихъ, какъ хочетъ Бирлингъ, даннаго союза, но даже и не знаетъ этихъ нормъ, въ частности, законныхъ, обычныхъ и т. под. Поэтому, о „прямомъ признаніи“ со стороны населенія, о которомъ говоритъ Бирлингъ, во всякомъ случаѣ, рѣчи быть не можетъ. Но онъ признаетъ еще косвенное или „непрямое признаніе“ для бытія права, каковымъ, собственно, и полагаетъ спасти свое ученіе, такъ какъ сюда подойдутъ и анархисты и всѣ вообще сочлены общества, волей или неволей сталкивающіеся съ дѣйствующимъ правопорядкомъ.

Такъ, наряду со своимъ мнимымъ „прямымъ или непосредственнымъ признаніемъ, направленнымъ на каждую отдѣльную юридическую норму“, авторъ выдвигаетъ иное, „косвенное признаніе“, которое, по его мнѣнію, требуется „просто логически необходимою послѣдовательностью“ изъ принятія „прямого признанія юридическихъ нормъ“; это есть, такъ сказать, не конкретное признаніе данной какой-нибудь нормы, а „особый видъ идеальнаго признанія“, какъ говоритъ Бирлингъ [1]). Въ чемъ же оно состоитъ? Отвѣтъ получается слѣдующій. Всякій человѣкъ, такъ или иначе, обращающійся къ государственной власти, къ помощи законовъ etc., тѣмъ самымъ долженъ признавать эту власть, эти законы и т. д. въ силу логически необходимой послѣдовательности въ признаніи. Иначе говоря, всякій признающій, напр., законодательную власть, долженъ, въ силу „логической послѣдовательности“, признавать и всѣ законы, ею изданные, какъ прошлые

[1]) Ibidem, стр. 46; стр. 108—109 и др.

и настоящіе, такъ и будущіе; и, наоборотъ, всякій, признавшій хоть одинъ законъ, одну норму права, или обратившійся по одному какому-нибудь дѣлу къ государственной власти, долженъ, въ силу той же „логической послѣдовательности", признавать всѣ законы, всѣ нормы права даннаго союза и, наконецъ, всю компетенцію власти etc. А такъ какъ всякій человѣкъ, какъ сочленъ современнаго общества, необходимо, такъ или иначе, сталкивается съ законами, обычаями, вообще, съ дѣйствующимъ правопорядкомъ, хотя бы въ единичномъ случаѣ, то онъ долженъ, въ силу „логически необходимаго слѣдствія", почитаться признавшимъ всѣ юридическія нормы даннаго общества, весь правопорядокъ страны, каковое пониманіе, по мнѣнію Бирлинга, является „само собой разумѣющимся для каждаго нормально мыслящаго человѣка" [1]).

Отсюда, естественно, дѣти и душевно-больные, какъ не „нормально" мыслящіе, исключаются изъ правового общенія, признаются не настоящими, а „фиктивными" субъектами и т. д. Отсюда, далѣе, всѣ сочлены общенія, хотя бы и не думающіе о признаніи, и даже отрицающіе существующій правопорядокъ,— всѣ, въ силу „логическо-необходимой послѣдовательности", должны признавать юридическія нормы въ кругу своего общежитія, ибо каждый человѣкъ, такъ или иначе, приходитъ въ соприкосновеніе съ правомъ и eo ipso долженъ признавать всю систему права, весь правопорядокъ общежитія, какъ нѣчто „само собой разумѣющееся для каждаго нормально мыслящаго человѣка".

Но отсюда, въ то же время, совершенно непонятно исключеніе изъ нормальнаго правового общенія иностранцевъ, живущихъ въ предѣлахъ даннаго общенія, и отсутствующихъ сочленовъ даннаго общежитія, ко-

---

[1]) Ibidem, стр. 46.

торыхъ Бирлингъ относитъ, наравнѣ съ дѣтьми и сумасшедшими, къ своимъ „фиктивнымъ субъектамъ". Уже одно то, что всѣ современныя системы права положительно признаютъ иностранцевъ и отсутствующихъ гражданъ подлинными субъектами правъ и обязанностей во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, одно это показываетъ, что утвержденіе Бирлинга произвольно, какъ противорѣчащее общеизвѣстнымъ фактамъ. Къ тому же, согласно его концепціи, данныя лица оказываются вообще безправными существами, „фиктивными субъектами" въ полномъ смыслѣ слова, какъ подверженныя суровому „остракизму" автора. Ибо каждый „иностранецъ" для своего отечества оказывается „отсутствующимъ", и каждый „отсутствующій" является „иностранцемъ" въ чужой странѣ, такъ что они не принадлежатъ, такъ сказать, ни къ какому кругу общежитія, не суть настоящіе субъекты права нигдѣ, но находятся въ какомъ-то „до-историческомъ" состояніи безправія, являясь лишь „фиктивными" лицами. И это повержение данныхъ „фиктивныхъ субъектовъ" въ безвыходное состояніе безправія происходитъ даже при наличности у нихъ условій, необходимыхъ для „каждаго нормально мыслящаго человѣка!"

Можно сказать, что, прямо-таки, казалось бы, непонятно, какъ можетъ столь солидный ученый юристъ противорѣчить общеизвѣстнымъ фактамъ, какъ можетъ онъ не видѣть всей искусственности и ошибочности своей формулы? Но отвѣтъ выяснится самъ собою, если только мы примемъ во вниманіе смѣшеніе въ ученіи Бирлинга теоретической точки зрѣнія' изучающей и объясняющей сущее, т.-е. то, что есть на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности, съ точкой зрѣнія практической, изучающей не сущее, а должное, т.-е. то, что, по тѣмъ или инымъ практическимъ потребностямъ и мнѣніямъ людей, должно быть. Именно,

такое смѣшеніе научно различныхъ точекъ зрѣнія и лежитъ въ основѣ ученія Бирлинга.

Понимая, повидимому, что его формула о „признаніи“ въ ея чистомъ видѣ не можетъ удовлетворительно объяснить явленій юридической жизни, Бирлингъ вводитъ понятіе „косвеннаго признанія“, основывая его на желаемой авторомъ, такъ сказать, добросовѣстности или „логической послѣдовательности“ каждаго „нормально мыслящаго человѣка“, какъ сочлена общежитія. Но этимъ привнесеніемъ должнаго или желаемаго для автора признанія Бирлингъ незамѣтно для самого себя внесъ въ теоретическую формулу существа права практическую точку зрѣнія, практическій постулатъ. А извѣстно, что ничто не такъ противно задачамъ познанія истины, какъ смѣшеніе точки зрѣнія объективнаго изслѣдованія сущаго, каково оно есть, т.-е. теоретической точки зрѣнія въ общемъ смыслѣ, съ какими бы то ни было практическими точками зрѣнія о должномъ, привносящими разные личные вкусы, мнѣнія о томъ, что практично или непрактично, желательно или нежелательно, добросовѣстно или недобросовѣстно и т. под. [1]). Теорія права такими вопросами не занимается, ибо ея дѣло— констатировать сущее, какъ оно есть, внѣ всякой оцѣнки и привнесенія личнаго мнѣнія о должномъ со стороны изслѣдователя.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и теорія Бирлинга съ его формулой „общаго признанія“, скрывающей въ себѣ старый мотивъ „общей воли“, безсильна предъ раскрытіемъ научной истины о существѣ права. Она такъ же не въ силахъ, какъ и формула „государственно-принудительныхъ нормъ“, дать отличительный, специфическій признакъ права, выдѣляющій

[1]) Ср. Л. І. Петражицкій, Введеніе въ изученіе права, 1905. стр. 53—54.

право изъ ряда иныхъ, сродныхъ и несродныхъ, явленій. Она такъ же противорѣчитъ фактамъ и логикѣ, какъ и формула Іеринга. Теорія Бирлинга есть характерный образецъ юридическо-конструктивной теоріи, которая, вмѣсто опытнаго, реальнаго познанія правовыхъ явленій, занимается конструированіемъ различныхъ замысловатыхъ, оторванныхъ отъ дѣйствительности, конструкцій съ тенденціей охватить ими извѣстныя юридическія явленія. Такъ, напримѣръ, для объясненія существа, природы права Бирлингъ создаетъ свою искусственную конструкцію „признанія", которое онъ приспособляетъ къ извѣстному роду поведенія людей. А именно, онъ имѣетъ въ виду „внѣшнее поведеніе сочленовъ общежитія внутри даннаго союза", внѣшнія дѣйствія, регулируемыя общественными нормами, относительно которыхъ онъ и конструируетъ свое „признаніе", создающее совокупность юридическихъ или „общественно-признанныхъ" нормъ со стороны сочленовъ, составляющихъ данное общеніе. Какъ было выше показано, конструкція эта не выясняетъ нисколько природы права и противорѣчитъ фактамъ дѣйствительности. Къ тому же, въ добавленіе къ ней понадобилась еще иная конструкція—„фиктивныхъ субъектовъ", которая, въ свою очередь, не выдерживаетъ научной критики. А въ заключеніе, для удержанія своей конструкціи „признанія" и для желательности „логическо-необходимой послѣдовательности" въ конструкціи авторъ принужденъ конструировать, на ряду съ „прямымъ", еще „косвенное признаніе" для юридическихъ нормъ, которое онъ требуетъ отъ „каждаго нормально-мыслящаго человѣка". Но здѣсь уже онъ смѣшиваетъ „сущее" съ „должнымъ" и тѣмъ самымъ привноситъ въ теорію практическіе постулаты.

Такимъ образомъ, получается цѣлая система различныхъ фикцій и конструкцій, противорѣчащихъ

дѣйствительности и не схватывающихъ подлинной природы правовыхъ явленій. Отвлеченное отъ фактовъ конструированіе съ приспособленіемъ къ даннымъ конструкціямъ невыясненныхъ психологическихъ понятій, такова характерная особенность теоріи Бирлинга, какъ типичной юридическо-конструктивной теоріи. Кромѣ всего этого, формула Бирлинга, собственно говоря, смѣшиваетъ понятіе самого права съ понятіемъ общественной санкціи юридическихъ нормъ въ формѣ выраженнаго признанія ихъ со стороны сочленовъ даннаго общенія. Отсюда, разумѣется, слѣдуетъ и ея безсиліе предъ раскрытіемъ научной истины о природѣ права, безсиліе разрѣшить основную проблему самой науки права.

Итакъ, можно сказать, что формулы Іеринга и Бирлинга, являясь главнѣйшими попытками рѣшенія проблемы права въ современной юриспруденціи, не удовлетворяютъ научной критики и eo ipso не могутъ почитаться разрѣшившими основную юридическую проблему. „Сфинксъ существа права и по сей день остается сфинксомъ“, какъ говоритъ Л. І. Петражицкій. Да, это и понятно. Находясь въ безотчетной умственной зависимости отъ дѣйствующаго правопорядка и отъ традиціонно-профессіональной привычки называнія („право въ юридическомъ смыслѣ“), juris prudentes, естественно, принимаютъ разные случайные признаки за существо самого права и не только не разрѣшаютъ основной проблемы права, но, вообще, какъ это было только-что показано, не даютъ никакого специфическаго признака для права въ отличіе, напр., отъ нравственности, правилъ приличія etc.

Собственно говоря, въ традиціонной юриспруденціи, какъ видно, нѣтъ еще даже яснаго сознанія о томъ, что при рѣшеніи проблемы существа права рѣчь должна идти не о томъ, чтобы приспособить на-

учную теорію къ „праву въ юридическомъ смыслѣ“ т.-е. къ извѣстной практической группировкѣ юридическихъ явленій, а чтобы установить и теоретически обосновать особый классъ явленій со специфическимъ признакомъ, охватывающій всѣ явленія права, какъ такового. Отсюда становится яснымъ, что уже самые пути и методы, которыми направляется традиціонная юриспруденція къ рѣшенію проблемы права, таковы, что не позволяютъ разрѣшить этой проблемы, и попрежнему „юристы ищутъ опредѣленія своего понятія права“.

III.

Выше было указано, что нѣкоторые юристы, отчаявшись въ удовлетворительномъ разрѣшеніи проблемы права, рѣшили просто, что имъ „не остается ничего иного, какъ бросить всякія попытки разглядѣть то, что скрыто подъ землею“, какъ выражается Бродманъ на первой же страницѣ своего сочиненія „О существѣ права“, и условиться, что „только то, что дѣйствуетъ въ качествѣ права, есть право, все же прочее къ нему не относится; съ другой стороны, все то, что функціонируетъ какъ право, есть право безъ исключенія“ [1]). Иначе говоря, сочиненія данныхъ юристовъ открыто придерживаются, просто, „обхода проблемы и игнорированія всякаго опредѣленія права даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ безъ такового совершенно нельзя обойтись“.

Но, вѣдь, ясно, что пока нѣтъ опредѣленнаго понятія права, то всѣ разсужденія о правѣ, нормахъ права etc. неизбѣжно обречены быть разсужденіями и утвержденіями о неизвѣстной величинѣ, о неопредѣ-

[1]) Bergbohm, Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. B. I, стр. 80; ср. стр. 77—82.

ленномъ предметѣ. Ибо, какъ справедливо указываетъ Петражицкій, совершенно ошибочно думать, будто можно строить и разрабатывать науку о правѣ и научно рѣшать разные сюда относящіеся вопросы, оставляя нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, что такое право, какія явленія и по какимъ признакамъ слѣдуетъ относить къ правовымъ и какъ ихъ отличать отъ иныхъ явленій [1]).

Уже одно то, что безъ установленія научнаго понятія права не можетъ быть научно образовано ни одно изъ прочихъ понятій правовѣдѣнія, должно ясно показывать, что, пока нѣтъ научнаго понятія права, о научномъ установленіи, полученіи надлежащихъ истинъ о правѣ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи. Ибо „проблема понятія права есть отнюдь не одна изъ множества проблемъ правовѣдѣнія, а просто проблема науки права вообще, т.-е. такая основная и преюдиціальная проблема, отъ рѣшенія которой зависитъ сама возможность науки о правѣ“ [2]).

Всѣ видовыя понятія, всѣ спеціальные виды права уже предполагаютъ общее, родовое понятіе права вообще, согласно основному правилу логики, по которому definitio fit per genus et differentiam specificam.

Поэтому, если наука права не желаетъ быть вычеркнутой изъ главъ науки вообще, какъ единой системы человѣческаго знанія, то она не должна безсильно опустить руки предъ фактомъ неудачъ и крушенія прежнихъ попытокъ рѣшенія проблемы права, но настойчиво и неуклонно должна идти впередъ и глубже заглядывать въ проблемы, примѣняя болѣе совершенные научные методы изслѣдованія существа, природы права, ибо наука для того и существуетъ,

[1]) Введеніе въ изученіе права, 1905, стр. 20—21.

[2]) См. Л. І. Петражицкій, Введеніе въ изученіе права, стр. 30—31.

чтобы научно-методически доискиваться истины, рѣшенія тѣхъ глубокихъ проблемъ, которыя недоступны познанію со стороны обыденнаго мышленія.

Такую попытку болѣе глубокаго, научно-методическаго рѣшенія проблемы права и представилъ проф. Л. І. Петражицкій, обосновывая опытно-психологическую теорію права [1]).

Прежде всего, какъ было видно, въ основѣ традиціонныхъ попытокъ рѣшенія проблемы права, опредѣленія существа права, или установленія понятія права, скрывается одна существенная методологическая ошибка, а именно, въ основѣ самого метода соотвѣтственной работы юристовъ нѣтъ твердаго сознанія того, что задача установленія основного понятія права должна состоять въ самостоятельномъ теоретическомъ образованіи особаго класса явленій, классоваго понятія права, необходимаго для созданія подлинной научной теоріи права, для соотвѣтственнаго познанія и причиннаго объясненія и пониманія правовыхъ явленій. Вмѣсто этого, соотвѣтственная задача традиціонно понимается въ томъ смыслѣ, что дѣло идетъ объ обозрѣніи и отысканіи отличительнаго признака всего того, что относится къ праву, т.-е., на самомъ дѣлѣ, того, что въ данной сферѣ, въ сферѣ юристовъ, привычно называется, условлено понимать и называть правомъ. Отсюда и такія формулы, какъ „право въ юридическомъ смыслѣ“ и т. п., каковыя, если не тавтологіи, то, несомнѣнно, профессіональные термины, указующіе, что̀ въ средѣ юристовъ, какъ особой профессіи, обычно принято называть правомъ. Поэтому „они и считаютъ правомъ, „несомнѣннымъ правомъ“, и т. п. то и только то, что они въ качествѣ

[1]) См. особенно два труда Л. І. Петражицкаго: Введеніе въ изученіе права и нравственности. Спб. 1905 и др. изданія, а также: Теорія права и государства. Спб. т. I—II. 1907 и др. изд.

юристовъ привыкли такъ называть", какъ указываетъ Петражицкій [1]).

Не обладая же сознательными критеріями въ дѣлѣ установленія теоретическаго понятія права, свободнаго отъ привычекъ называнія, юристы естественно и психологически неизбѣжно должны находиться и, дѣйствительно, находятся при рѣшеніи проблемы права въ умственной зависимости отъ оффиціальнаго правопорядка, на почвѣ котораго вырабатываются ихъ привычки называнія; такъ что, напримѣръ, что по оффиціальному праву на данной ступени культуры находится внѣ признанія и нормировки, то и приноровляющіяся къ нему привычки называнія оффиціальной догматической юриспруденціи проявляютъ тенденцію исключать изъ сферы права (ср., напр., отрицаніе современною традиціонною юриспруденціей такъ наз. сакральнаго, религіознаго права, которое имѣло мѣсто и признаніе въ римской и средневѣковой юриспруденціи, а также играетъ доминирующую роль и нынѣ въ магометанскомъ правѣ). Современные догматическіе юристы и даже „теоретики,—какъ говоритъ Петражицкій,—сами того не замѣчая, вмѣсто того, чтобы стать на научно-теоретическую точку зрѣнія и изучать правовыя явленія по ихъ существу, не зависящему отъ того случайнаго обстоятельства, взята ли данная норма подъ покровительство и защиту со стороны судовъ, вообще органовъ власти и т. п., инстинктивно становятся на оффиціальную практически-догматическую точку зрѣнія и отожествляютъ тѣ нормы, которыя удостоиваются оффиціальнаго признанія и защиты, съ правомъ, а все прочее считаютъ не-правомъ" [2]).

Итакъ, необходимо окончательно порвать съ безнадежной традиціонной постановкой рѣшенія проблемы

[1]) Введеніе въ изученіе права, стр. 46.

[2]) Очерки философіи права, 1900, стр. 46.

права и оставить „порочную“ методологическую формулу, гласящую: „чтобы найти понятіе права, нужно исходить отъ права, которое существуетъ“, иначе говоря, „нужно исходить отъ отдѣльныхъ предметовъ, которые существуютъ“ и называются обычно правомъ. Чтобы опредѣлить научное понятіе права, необходимо установить классъ явленій, который составляетъ право; необходимо дать классово-теоретическое понятіе права, подъ каковымъ слѣдуетъ разумѣть идею всѣхъ явленій или объектовъ, обладающихъ специфическимъ для права признакомъ, каковыя явленія въ своемъ единствѣ и образуютъ классъ правовыхъ явленій, классъ права. Необходимо, такимъ образомъ, научно-теоретически обосновать, что́ такое право, къ какому міру явленій оно относится, какова его природа, каковъ его специфическій признакъ, наконецъ, каковы его существенныя функціи и причинныя тенденціи. Ибо теорія права должна установлять истины о правѣ, какъ классѣ явленій вообще, а не сообразоваться только съ дѣйствующимъ правопорядкомъ.

Прежде всего, необходимо, слѣдовательно, разъ навсегда точно установить, въ какой сферѣ явленій слѣдуетъ находить и наблюдать право, разъ мы хотимъ заниматься не апріорными конструкціями, а эмпирической наукой, изучающей право, какъ одно изъ явленій реальнаго бытія. Необходимо выяснить реальную природу права и опредѣлить затѣмъ его специфическій признакъ. Этимъ самымъ дастся уже отвѣтъ на основной вопросъ проблемы права: что такое право?

Какъ извѣстно, эмпирическая наука знаетъ два рода реальностей, два вида реальнаго бытія, а именно, бытіе физическое и бытіе психическое. Къ первому принадлежатъ, естественно, явленія физическаго міра, физической реальности, какъ, напр., планеты, минералы, животныя, растенія, газы и иные объекты физики; ко

второму—явленія міра психическаго, явленія психической реальности, какъ, напр., ощущенія, чувства, воля, эмоціи и иныя переживанія и явленія психики. И вотъ, прежде всего, встаетъ вопросъ: къ какому виду реальности принадлежитъ право? Есть ли оно явленіе внѣшняго, физическаго міра, какъ, напр., камень, дерево, дождь, огонь, бумага etc., или оно принадлежитъ міру внутреннему, психическому, наравнѣ съ мышленіемъ, волей, вѣрой, радостью и т. п.?

Въ самомъ дѣлѣ, если мы зададимъ вопросъ: является ли право, какъ особая реальность, явленіемъ внѣшняго, физическаго міра, или явленіемъ міра внутренняго, психическаго? — мы должны будемъ съ несомнѣнностью признать, что истиннымъ является второе положеніе, т.-е. что право, какъ реальное явленіе, принадлежитъ міру внутреннему, міру нашей психики. Слѣдовательно, оно не принадлежитъ къ міру „матеріи", но только къ міру „духа". Поэтому оно сродно такимъ явленіямъ, какъ эмоціи, воля, чувство, мышленіе, но отнюдь не явленіямъ органической или неорганической матеріи, какъ минералы, растенія или животныя. Отсюда, далѣе, слѣдуетъ, что надлежащей научной теоріей права, какъ реально-психическаго явленія, можетъ быть только опытно-психологическая теорія права. Ибо явленія психики подлежатъ вѣдѣнію науки психологіи въ общемъ смыслѣ, какъ явленія физическаго міра — науки физики въ общемъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Какъ таковое, т.-е., какъ психическое явленіе, право естественно, можетъ быть познано только посредствомъ психологическаго самонаблюденія, т.-е. путемъ наблюденія и анализа явленій и процессовъ нашей психики. Слѣдовательно, чтобы убѣдиться въ правильности тезиса, гласящаго, что право есть психическое явленіе, необходимо выяснить самую психоло-

гическую природу явленія права, его специфическій характеръ, именно,—какъ психическаго явленія. А для этого, конечно, необходимо произвести, посредствомъ соотвѣтственнаго самонаблюденія, психологическій анализъ нѣкоторыхъ нашихъ переживаній. Съ этого, именно, и началъ Петражицкій обоснованіе понятія права, какъ реально-психическаго явленія.

„Размышляя въ разныхъ случаяхъ жизни,—говоритъ онъ,—какъ намъ поступить, на что рѣшиться, мы иногда чувствуемъ себя совершенно свободными, ничѣмъ не связанными въ выборѣ такого или иного поведенія. Отправиться ли мнѣ на прогулку, или остаться дома, купить книгу въ такомъ-то магазинѣ или въ другомъ, поселиться на такой-то улицѣ, или на другой, — это вполнѣ зависитъ отъ моего усмотрѣнія, въ зависимости отъ того, что́ мнѣ кажется наиболѣе пріятнымъ, удобнымъ, полезнымъ и т. п. Въ другихъ случаяхъ, мы, напротивъ, замѣчаемъ связанность нашей воли, мы чувствуемъ и сознаемъ, что мы обязаны (обвязаны) поступить такъ-то (напр., не молчать, а сообщить по правдѣ такой-то фактъ), или воздержаться отъ такого-то поступка (напр., отъ сообщенія ложнаго факта), такъ что не приходится и разсуждать о томъ, доставитъ ли намъ такой-то поступокъ, или воздержаніе отъ него пользу или нѣтъ, послужитъ ли онъ для насъ источникомъ какихъ-либо удовольствій или навлечетъ на насъ непріятности. Какой-то „внутренній голосъ“ авторитетно указываетъ, предписываетъ, предопредѣляетъ наше поведеніе, наша совѣсть „повелѣваетъ“ намъ сдѣлать то или другое“ [1]). Иными словами, намъ присущи, слѣдовательно, такія переживанія, которыя властно и авторитетно для насъ же самихъ нормируютъ наше поведеніе. И даже по отношенію къ

[1]) Очерки философіи права, стр. 11.

другимъ мы приписываемъ такимъ переживаніямъ высшій авторитетъ, т.-е. приписываемъ соотвѣтственныя обязанности и другимъ; такъ что, напримѣръ, сознаемъ, что не только я обязанъ въ данномъ случаѣ поступить такъ-то, но и всякій другой на моемъ мѣстѣ, т.-е. въ подобномъ же случаѣ, обязанъ поступить такъ же, и т. п. Этотъ психическій фактъ соотвѣтственныхъ переживаній легко подтверждается самонаблюденіемъ и, несомнѣнно, извѣстенъ каждому, кто размышляетъ надъ своими психическими процессами, или можетъ быть извѣстенъ каждому, кто захочетъ экспериментально убѣдиться въ немъ, призадумавшись надъ своими переживаніями.

Такое сознаніе внутренней связанности въ извѣстныхъ случаяхъ нашей воли, нашихъ поступковъ, нашего поведенія мы называемъ этическимъ сознаніемъ, существо котораго, слѣдовательно, заключается въ томъ, что самое представленіе этихъ дѣйствій, поступковъ, непосредственно опредѣляетъ наше отношеніе къ нимъ, внѣ зависимости отъ представленія разныхъ цѣлей, пользы и т. п. отъ даннаго поведенія. Такъ, напр., если честному человѣку предлагаютъ совершить за деньги etc. какой-нибудь обманъ, воровство, убійство и т. п., то уже само представленіе этихъ отрицательныхъ, „злыхъ“ поступковъ вызываетъ отрицательное отношеніе, отвращеніе къ нимъ честнаго человѣка. Напротивъ, представленія поступковъ, называемыхъ хорошими, благородными, „добрыми“ и т. п. вызовутъ иное отношеніе у честнаго человѣка, а именно, привлекательное, въ пользу этихъ поступковъ и, къ тому же, безъ всякаго вознагражденія, или даже съ прямымъ вредомъ для себя, когда онъ убѣжденъ въ правотѣ этихъ поступковъ, напр., въ случаѣ гоненія за нихъ etc. И такое сознаніе можетъ доходить до высокой и даже высочайшей сте-

пени интенсивности, такъ что самоотверженные люди не останавливаются въ исповѣданіи своихъ убѣжденій ни предъ крестами, ни предъ кострами, ни предъ иными муками за соотвѣтственные поступки или идеи.

Такая интенсивность, какъ бы страстность, этическаго сознанія зависитъ, въ свою очередь, отъ того, что въ основѣ его лежатъ особые психическіе процессы, особыя переживанія, импульсіи или эмоціи, отвергающія или одобряющія извѣстное поведеніе само по себѣ, какъ таковое, безъ взиранія на разныя цѣли, пользу etc. Эти психическіе процессы подробно проанализированы Л. І. Петражицкимъ въ его „Эмоціональной психологіи“ [1]), въ результатѣ каковой онъ приходитъ къ убѣжденію, что импульсіи или эмоціи играютъ въ жизни животныхъ и человѣка роль главныхъ и руководящихъ психическихъ факторовъ приспособленія къ условіямъ жизни; прочіе же элементы психической жизни (познаніе, чувство, воля) играютъ при этомъ вспомогательную, подчиненную и служебную роль.

Въ основѣ этическаго сознанія, сознанія этическаго долга лежатъ особыя, специфическія импульсіи, которыя Петражицкій называетъ „эмоціями долга“ или „этическими эмоціями“. Эти специфическія импульсіи, или эмоціи этическаго долга, характеризуются двумя слѣдующими особенностями.

Во 1-хъ, соотвѣтственныя импульсіи переживаются нами, какъ внутренняя помѣха свободѣ, какъ своеобразное психическое препятствіе, преграда для свободнаго облюбованія, выбора и слѣдованія нашимъ склонностямъ, влеченіямъ, цѣлямъ и какъ твердое и неуклонное давленіе въ сторону того поведенія, съ представленіемъ котораго сочетаются соотвѣтственныя

[1]) Введеніе въ изученіе права и нравственности. СПБ. 1905.

эмоціи. Такія представленія дѣйствій, которыя вызываютъ непосредственно соотвѣтствующія эмоціи, Петражицкій называетъ „акціонными представленіями". Между прочимъ, существованіе и дѣйствіе въ нашей психикѣ непосредственныхъ сочетаній акціонныхъ представленій и эмоцій, отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, проявляется наглядно въ формѣ сужденій, отвергающихъ или одобряющихъ соотвѣтственное поведеніе, какъ таковое, само по себѣ, а не какъ средство для извѣстной цѣли: напримѣръ, „ложь постыдна", „не слѣдуетъ красть", „нельзя убивать", и т. под. Подобныя сужденія суть принципіальныя или нормативныя сужденія, ибо они опредѣляютъ, нормируютъ наше поведеніе, какъ должное, само по себѣ, а содержаніе этихъ сужденій есть не что иное, какъ принципы поведенія или нормы. Отсюда, этическое сознаніе есть нормативное сознаніе этическаго долга.

Во 2-хъ, соотвѣтственныя импульсіи или эмоціи долга переживаются нами, какъ имѣющія особый, своеобразный мистическо-авторитетный характеръ. Такъ, онѣ противостоятъ нашимъ склонностямъ и влеченіямъ, какъ импульсы съ высшимъ ореоломъ и авторитетомъ, исходящіе какъ бы изъ невѣдомаго, отличнаго отъ нашего обыденнаго „я", отъ нашей психики, какого-то таинственнаго источника. И вотъ, благодаря такому мистическо-авторитетному характеру эмоцій долга, отвергающихъ или одобряющихъ то или иное представляемое поведеніе, намъ въ процессѣ этическихъ переживаній кажется, что гдѣ-то, какъ бы въ высшемъ пространствѣ, надъ людьми, реально имѣется и повелѣваетъ соотвѣтственное категорическое и строгое велѣніе или запрещеніе, напр., запретъ лжи, убійства etc., а сами мы, вслѣдствіе властнаго обращенія къ намъ этихъ велѣній и запретовъ, находимся въ какомъ-

то особомъ состояніи обязанности, об(в)язанности, побуждающей насъ къ исполненію этическаго долга, къ подчиненію этическимъ „законамъ", которые повелѣваютъ или запрещаютъ то или иное поведеніе.

Однако, реально существуютъ только переживанія этическихъ эмоцій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведенія, напр., лжи, кражи, убійства и т. под. и иными представленіями въ этическомъ сознаніи. То же, что намъ кажется реально-объективно существующимъ гдѣ-то внѣ насъ (нормы, какъ авторитетные запреты и велѣнія), есть на самомъ дѣлѣ только лишь отраженіе нашихъ этическихъ переживаній, идеологическая величина, или „эмоціональная фантазма", какъ говоритъ Петражицкій, подобно тому, какъ, напр., при переживаніи любви любимый человѣкъ кажется „милымъ", „дорогимъ", а съ исчезновеніемъ эмоцій любви вдругъ становится „постылымъ", „отвратительнымъ" и т. под., хотя ни въ одномъ, ни въ другомъ случаѣ ничего объективно-реальнаго, соотвѣтствующаго свойствамъ „милый", „постылый" etc., субъектъ нашей любви, или ненависти, разумѣется, не имѣлъ и не носилъ съ собой въ карманахъ, на головѣ и т. под. Мы сами подъ вліяніемъ эмоцій любви приписывали любимому лицу разныя качества, т.-е. отражали, „проецировали" на него наши собственныя эмоціональныя переживанія. Не что иное, какъ аналогичныя „проекціи" представляютъ изъ себя и этическія нормы—велѣнія.

Чтобы ближе подойти къ проблемѣ права, необходимо, далѣе, произвести болѣе подробный анализъ этическаго сознанія, т.-е. сознанія извѣстнаго долженствованія, въ сферѣ какового наблюдаются существенныя различія. А именно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ этическаго сознанія то, къ чему мы считаемъ себя обязанными, представляется намъ причитаю-

щимся другому, какъ нѣчто ему должное, слѣдующее ему отъ насъ, такъ что онъ можетъ притязать на соотвѣтственное исполненіе съ нашей стороны причитающагося ему, напримѣръ, уплата условленной платы рабочему или извощику представляется не причиненіемъ особаго добра, благодѣяніемъ etc., а лишь доставленіемъ того, что этому другому причитается, слѣдуетъ, лишь полученіемъ съ его стороны какъ бы „своего", что онъ заработалъ и т. под.; и, напротивъ, неисполненіе нашей обязанности, нашего долга представляется въ такихъ случаяхъ причиненіемъ другому вреда, лишеніемъ его того, на что онъ можетъ притязать, какъ на свое, ему должное и т. под. Такимъ образомъ, нашъ долгъ представляется въ этическомъ сознаніи въ такихъ случаяхъ связанностью по отношенію къ другому, онъ психически закрѣпленъ за нимъ, какъ его добро, какъ принадлежащій ему, заработанный или инымъ путемъ пріобрѣтенный, нѣкоторый активъ (obligatio attributa).

Существованіе такого сознанія нашего долга, закрѣпленнаго за другимъ, сознанія того, что предметъ нашего долженствованія причитается, слѣдуетъ отъ насъ другому, это—психологическая истина, которую подтверждаютъ на каждомъ шагу факты этической жизни, и въ которой каждый можетъ убѣдиться путемъ самонаблюденія. Эмоціональная сторона этическаго сознанія въ подобныхъ случаяхъ, согласно общему характеру эмоцій долга, имѣетъ такой характеръ, что соотвѣтственный импульсъ переживается, какъ авторитетное психическое понуканіе къ подчиненію и сообразованію поведенія съ тѣмъ, что авторитетно требуется отъ насъ другому; при этомъ этотъ характеръ высшей невѣдомой санкціи и авторитета направленъ не только на сторону, обязанную къ чему

либо по отношенію къ другому, но и на сторону, за которой закрѣплена эта обязанность, которой причитается содержаніе этой обязанности, въ чемъ нетрудно и наглядно можно убѣдиться каждому путемъ самонаблюденія, поставивъ себя въ положеніе не только обязаннаго, но и адресата обязанности, т.-е. лица, за которымъ обязанность психически авторитетно закрѣплена, которое имѣетъ вслѣдствіе этого притязаніе на ея исполненіе.

Напротивъ, въ другихъ случаяхъ этическаго сознанія, напр., въ случаѣ подачи милостыни, оказанія помощи нуждающемуся родственнику, товарищу и т. под., то, къ чему мы себя считаемъ обязанными, не представляется намъ причитающимся другому, какъ нѣчто ему должное, слѣдующее ему отъ насъ, и соотвѣтственное притязаніе, требованіе съ его стороны представлялось бы намъ неумѣстнымъ, нахальнымъ и т. под. Ибо доставленіе съ нашей стороны соотвѣтственнаго объекта, напр., милостыни, помощи etc., другому и полученіе имъ его представляется въ нашемъ этическомъ сознаніи не доставленіемъ причитающагося и полученіемъ этимъ другимъ своего, ему должнаго, а является причиненіемъ съ нашей стороны добра, благодѣянія другому, на которое притязать одаренный отнюдь не могъ, и которое мы причинили, только будучи связанными по отношенію къ самимъ-себѣ, къ нашему собственному пониманію соотвѣтственной обязанности. Поэтому, напр., измѣненіе первоначальнаго намѣренія оказать помощь просящему, вслѣдствіе встрѣчи другого, болѣе нуждающагося, а слѣдовательно, и недоставленіе первому просящему помощи не представляется вовсе въ нашемъ этическомъ сознаніи какимъ-то недопустимымъ посягательствомъ, причиненіемъ вреда, отказомъ въ удовлетвореніи основательнаго притязанія на „свое“, ему причитающееся

и т. д. Наша обязанность, нашъ этическій долгъ въ такихъ случаяхъ сознанія не представляется намъ связанностью по отношенію къ другимъ, но, напротивъ, представляется по отношенію къ нимъ свободнымъ, за ними не закрѣпленнымъ, имъ, какъ „свое", не причитающимся (obligatio libera).

И если, все-таки, согласно общему характеру этическихъ эмоцій, эмоціи долга здѣсь имѣютъ характеръ императивности, авторитетнаго внутренняго понуканія къ тому или иному поведенію, характеръ связанности нашего поведенія, то авторитетнаго предоставленія, аттрибутивности, по отношенію къ другой сторонѣ здѣсь нѣтъ, какъ равно и какого бы то ни было оттѣнка притязательности соотвѣтственнаго импульса.

И вотъ, говоритъ Петражицкій, такія обязанности, которыя сознаются свободными по отношенію къ другимъ, по которымъ другимъ ничего не принадлежитъ, не причитается со стороны обязанныхъ, мы назовемъ нравственными обязанностями. Такія же обязанности, которыя сознаются несвободными по отношенію къ другимъ, закрѣпленными за другими, по которымъ то, къ чему обязана одна сторона, причитается другой сторонѣ, какъ нѣчто ей должное, мы будемъ называть правовыми или юридическими обязанностями" [1]). Таково основное раздѣленіе этическаго сознанія, этическихъ переживаній, какъ общаго рода этическаго долга, долженствованія, на два вида: а) нравственный долгъ, b) правовой долгъ.

Далѣе, тѣ отношенія между двумя сторонами, или связи между ними, которыя состоятъ въ лежащихъ на однихъ и закрѣпленныхъ за другими долгахъ, суть правовыя связи или правоотношенія (juris vinculum). Правовыя обязанности, долги однихъ, закрѣ-

[1]) Теорія права, I, стр. 46—47.

пленные за другими, разсматриваемые съ точки зрѣнія той стороны, которой долгъ принадлежитъ, т.-е. съ точки зрѣнія актива, суть не что иное, какъ права. „Наши права,—говоритъ Петражицкій,—суть закрѣпленные за нами, принадлежащіе намъ, какъ нашъ активъ, долги другихъ лицъ. Права и правоотношенія въ нашемъ смыслѣ не представляютъ, такимъ образомъ, чего-то отдѣльнаго и отличнаго отъ правовыхъ обязанностей. То, что съ точки зрѣнія обремененія, пассива одной стороны называется ея правовою обязанностью, съ точки зрѣнія актива, активной принадлежности другому, называется его правомъ, а съ нейтральной точки зрѣнія называется правоотношеніемъ между той и другой стороною“ [1]).

Въ основѣ вышеуказаннаго различія въ сферѣ этическаго сознанія, различія, обособляющаго нравственныя и правовыя переживанія, лежитъ, согласно ученію Петражицкаго, различіе въ самихъ соотвѣтственныхъ эмоціяхъ долга. А именно, въ основѣ нравственныхъ переживаній лежатъ чисто-императивныя, безпритязательныя этическія эмоціи, въ основѣ же правовыхъ переживаній—аттрибутивныя или притязательныя эмоціи долга. Поэтому въ сферѣ нравственнаго сознанія императивность имѣетъ вполнѣ самостоятельный характеръ, въ сферѣ же правовыхъ переживаній императивность подлежащихъ эмоцій является лишь, такъ сказать, рефлексомъ ихъ аттрибутивной природы: ad-tractio, притяженіе для одного, есть ex-tractio, вытяженіе для другого; авторитетное добываніе, вытребованіе для одного (аттрибутивъ) есть авторитетное добываніе, вытребованіе отъ другого (императивъ). Отсюда, съ точки зрѣнія правовой психики важнымъ и рѣшающимъ является не

[1]) Теорія права, I. стр. 47—48.

совершеніе подлежащаго дѣйствія, какъ такового, самого по себѣ, со стороны обязаннаго, а именно полученіе причитающагося со стороны управомоченнаго, доставленіе ему должнаго, „своего". „Такъ что, напримѣръ, какъ указываетъ Петражицкій, если управомоченному доставлено то, что ему причиталось, не самимъ обязаннымъ, а другимъ, напр., причитающаяся кредитору сумма денегъ доставлена ему не должникомъ, а его родственникомъ, знакомымъ, или т. п., то съ точки зрѣнія правовой психики все въ порядкѣ и имѣется надлежащее исполненіе" [1]). На этой почвѣ въ правовой сферѣ вполнѣ нормальны такія явленія, какъ, напр., мѣна, продажа правъ и обязанностей, что́ абсолютно немыслимо въ сферѣ нравственности съ ея строго императивной природой. Такимъ образомъ, въ нравственности все дѣло въ авторитетномъ „императивѣ", а въ правѣ—въ авторитетномъ „аттрибутивѣ".

Въ связи съ данною особенностью права и даннымъ различіемъ между правомъ и нравственностью находится и иное существенное различіе въ сферѣ этическаго, нравственнаго и правового сознанія. А именно въ то время, какъ въ сферѣ нравственнаго сознанія, сообразно его односторонней, императивной обязывающей природѣ, рѣшающую роль играютъ представленія обязанныхъ и ихъ обязательнаго поведенія, въ сферѣ права, сообразно двусторонней, императивно-аттрибутивной, обязательно-притязательной природѣ правовыхъ переживаній, на ряду съ представленіями, касающимися императивной стороны, обязанныхъ и того, къ чему они обязаны, имѣются и играютъ большую роль представленія, касающіяся аттрибутивной стороны, управомоченныхъ и того, что имъ причитается.

---

[1]) Теорія права, стр. 68.

Поэтому, если въ сферѣ нравственности важно знать, кто обязанъ (субъектъ обязанности) и къ чему онъ обязанъ (объектъ обязанности), то въ правѣ важно и необходимо ясно различать парный характеръ субъектовъ и объектовъ, а именно: 1) кто обязанъ (субъектъ обязанности), 2) къ чему, къ какому поведенію обязанъ (объектъ обязанности), 3) кто управомоченъ, кто имѣетъ притязаніе на исполненіе обязанности (субъектъ права), 4) на что онъ имѣетъ право, что ему причитается (объектъ права).

Итакъ, въ результатѣ анализа этическаго сознанія, къ сферѣ котораго относятся нравственность и право, слѣдуетъ сказать, что подъ правомъ въ смыслѣ особаго класса реальныхъ явленій должно разумѣть всѣ такія этическія переживанія, эмоціи которыхъ имѣютъ аттрибутивный характеръ; подъ нравственностью же слѣдуетъ разумѣть всѣ тѣ этическія переживанія, эмоціи которыхъ имѣютъ чисто императивный характеръ. Иначе говоря, всѣ тѣ и только тѣ феномены психики, реальныя явленія этическаго сознанія, которыя имѣютъ притязательный, аттрибутивный характеръ, и составляютъ особый классъ реальныхъ явленій подъ именемъ—право; всѣ же тѣ реальныя явленія этическаго сознанія, которыя имѣютъ только императивный, безпритязательный характеръ, составляютъ классъ реальныхъ явленій подъ именемъ—нравственность. Таково основное различіе права и нравственности по новому ученію.

Само собой разумѣется, что всѣ эти психологическія характеристики для желающихъ убѣдиться въ ихъ правильности должны быть провѣрены на опытѣ путемъ самонаблюденія и анализа соотвѣтственныхъ переживаній, данныя же характеристики имѣютъ лишь

смыслъ указанія на характерныя особенности данныхъ переживаній, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе при интроспективномъ самостоятельномъ изученіи. Ибо извѣстно, что ознакомленіе съ психическими процессами не можетъ быть достигнуто съ чужихъ словъ безъ соотвѣтственнаго самопознанія.

IV.

Таково понятіе о правѣ, какъ особомъ классѣ реальныхъ психическихъ явленій въ человѣческой жизни, предложенное опытно-психологическою теоріею. Проливаетъ ли оно новый научный свѣтъ на явленія права, представляетъ ли оно болѣе удачную попытку разрѣшенія проблемы права, разгадки „сфинкса" существа права? Чтобы выяснить это, подведемъ итоги и сравнимъ новое ученіе о правѣ съ ученіемъ традиціоннымъ.

Прежде всего, съ методологической точки зрѣнія новое ученіе существенно отличается отъ традиціоннаго ученія о правѣ. А именно, въ то время, какъ традиціонная юриспруденція при опредѣленіи понятія права исходитъ изъ практическо-догматической точки зрѣнія, въ зависимости отъ оффиціальнаго правопорядка, ученіе Л. І. Петражицкаго принципіально иначе ставитъ самую проблему опредѣленія понятія права. Оно совершенно свободно отъ практическо-догматической точки зрѣнія и исходитъ изъ научно-теоретической постановки проблемы права, изъ чисто теоретическаго ученія о правѣ, какъ особомъ классѣ реальныхъ явленій, съ устраненіемъ смѣшенія теоретической точки зрѣнія съ практической. А именно, всѣ однородныя по своей природѣ явленія оно относитъ къ одному классу, независимо отъ того, называемъ ли мы ихъ въ практическомъ

обиходѣ такъ, или нѣтъ, желательны ли они, или нежелательны, одобряются, признаются кѣмъ-нибудь, или нѣтъ и т. п. Ибо сознательное научно-теоретическое образованіе классовъ и классовыхъ понятій должно сообразоваться не съ практическими желаніями автора или кого бы тамъ ни было, не съ профессіональными привычками называнія и даже не съ указаніемъ общенароднаго языка, т.-е. исторически-безсознательно сложившихся привычекъ называнія, а исключительно съ задачею образованія правильныхъ научныхъ теорій, т.-е. такихъ ученій о классахъ явленій, въ которыхъ утверждаемое и объясняемое связано логически со специфическою природою, специфическимъ отличіемъ (differentia specifica) образуемыхъ и изучаемыхъ классовъ.

Именно съ этою задачею и сообразовано ученіе психологической теоріи права, какъ особаго класса реальныхъ феноменовъ. Прежде всего, оно даетъ обоснованіе высшаго класса, общаго рода, подъ именемъ этическаго сознанія, этическихъ явленій, а затѣмъ—дѣленіе этого класса по характеру и различію подлежащихъ эмоцій на два подъ-класса, на два вида: 1) императивно-аттрибутивныя этическія явленія, съ принятіемъ для нихъ въ качествѣ термина слова „право“ и 2) чисто-императивныя этическія явленія, съ принятіемъ для нихъ въ качествѣ термина слова „нравственность“. Отсюда ясно, что они не имѣютъ въ виду опредѣлить, что значатъ, что обнимаютъ собою слово „право“ и слово „нравственность“ въ области того или иного привычнаго словоупотребленія и словотолкованія, но опредѣляютъ независимо отъ этого соотвѣтственные классы явленій, относя къ нимъ все то, что обладаетъ извѣстными признаками и, въ то же время, только то, что обладаетъ подлежащими признаками. А именно, къ нрав-

ственности относятся только тѣ и всѣ тѣ этическія переживанія, которыя имѣютъ чисто императивный характеръ; къ праву же относятся только тѣ и всѣ тѣ этическія переживанія, которыя имѣютъ аттрибутивный характеръ.

Отсюда должно быть ясно, что вообще споровъ и сомнѣній по поводу общности и отличительности признаковъ установленныхъ такимъ образомъ классовъ и классовыхъ понятій права и нравственности быть не можетъ, ибо смыслъ научной классификаціи, въ отличіе отъ словотолковательныхъ опредѣленій, именно и заключается въ надлежащемъ отнесеніи всѣхъ и только однородныхъ явленій къ единому классу и въ образованіи соотвѣтственнаго классоваго понятія. „Поэтому, между прочимъ,—какъ указываетъ Петражицкій,—и такія возраженія противъ предлагаемыхъ классовъ и классовыхъ понятій, которыя бы исходили изъ привычки возражающаго или кого-либо другого называть иначе такіе или иные объекты образованныхъ классовъ, напр., называть разныя императивно-аттрибутивныя явленія не правомъ, а иначе, нѣкоторыя „нравственностью“, другія „нравами“, третьи „религіозными заповѣдями“ и т. д., не были бы серьезными и научными возраженіями...

Такія возраженія не соотвѣтствовали бы природѣ и смыслу оспариваемаго и задачамъ и смыслу научной классификаціи, а выражали бы только наивную вѣру въ слова и привычки называть или не называть извѣстные объекты извѣстнымъ именемъ, какъ нѣчто, опредѣляющее природу подлежащихъ объектовъ, такъ что иное названіе было бы (якобы) противно ихъ природѣ“ [1]). Ибо не къ словамъ нужно искусственно подгонять научные классы, а наоборотъ, брать слова

[1]) Ср. Петражицкій. Теорія права, стр. 132.

лишь для удобства, какъ термины для обозначенія научнаго класса, установленнаго внѣ зависимости отъ привычекъ называнія и какого бы то ни было словотолкованія.

Такова существенная разница съ методологической точки зрѣнія между новымъ ученіемъ и традиціонными ученіями въ юриспруденціи.

Что касается, далѣе, различія между данными ученіями по существу рѣшенія проблемы права, то оно столь же существенно и глубоко. А именно, опытно-психологическая теорія права устанавливаетъ совершенно иную сферу нахожденія и наблюденія права, реальныхъ правовыхъ явленій и вскрываетъ тотъ „оптическій обманъ", который лежитъ въ основѣ традиціонной юриспруденціи, напоминая буквальный оптическій обманъ астрономіи, существовавшій до Коперника, относительно кажущагося вращенія солнца вокругъ земли, вмѣсто дѣйствительнаго вращенія земли вокругъ солнца.

„Прежде всего,—говоритъ Петражицкій,—въ основѣ науки о правѣ съ древняго времени и по сей день лежитъ существенное недоразумѣніе относительно того, въ какой сферѣ можно найти и наблюдать правовыя явленія и какъ ихъ слѣдуетъ изучать". А именно, „содержаніе науки о правѣ, постановка и попытки рѣшенія ея проблемъ опредѣляются оптическимъ обманомъ, который состоитъ въ томъ, что она не видитъ правовыхъ явленій тамъ, гдѣ они дѣйствительно происходятъ, а усматриваетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ нѣтъ и невозможно найти, наблюдать и познавать, т.-е. во внѣшнемъ—по отношенію къ переживающему правовыя явленія субъекту—мірѣ" [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, традиціонная юриспруденція, какъ

[1]) Введеніе въ изученіе права, стр. 1 и стр. 3.

было уже указано выше, разумѣетъ подъ правомъ совокупность „нормъ-велѣній“, „внѣшнихъ императивовъ“, т.-е. совокупность внѣшнихъ фактовъ, дѣйствій однихъ по адресу другихъ. Эти „велѣнія“ она и считаетъ реальными правовыми феноменами. Слѣдовательно, сферою права для традиціонной юриспруденціи является внѣшній міръ, а реальными феноменами въ ней признаются нормы-велѣнія, составляющія такъ назыв. „объективное право“ и порождающія, въ свою очередь, права, обязанности и правоотношенія, какъ три особыя реальности такъ назыв. „субъективнаго права“. Такова схематичная концепція традиціонной юриспруденціи, сводящая право къ „велѣніямъ“, причемъ главный споръ въ ней идетъ о томъ, въ чемъ состоитъ отличительный признакъ этихъ велѣній: въ принужденіи ли, въ происхожденіи ли отъ государства, или въ признаніи съ его стороны, или въ признаніи со стороны общества и т. под. Но, какъ было показано выше, всѣ эти споры, на самомъ дѣлѣ, обходятъ разрѣшеніе самой проблемы права, не даютъ никакого отличительнаго признака для права, не объясняютъ специфическаго двойственнаго характера правовыхъ явленій, правовыхъ связей или правоотношеній съ правами и обязанностями сторонъ, противустоящихъ другъ другу и т. д. и т. под.

Вообще, нужно сказать, что ученіе о правѣ, какъ велѣніяхъ и запретахъ, или „внѣшнихъ императивахъ“, не въ состояніи разрѣшить проблему права и совершенно безсильно предъ раскрытіемъ научной истины. Какъ правильно указываетъ Петражицкій, „права, о которыхъ говорятъ представители этого ученія на каждомъ шагу въ области правовѣдѣнія, представляютъ deus ex machina, нѣчто такое, что́ съ ихъ точки зрѣнія необъяснимо, не должно было бы вообще существовать. Ибо, какъ велѣнія по адресу о д н и х ъ могутъ

создавать права для другихъ, это загадка". Но не только права, но и обязанности не вмѣщаются въ рамки этого ученія. Напримѣръ: „путешественникъ, попавшій въ руки шайки разбойниковъ, можетъ для сохраненія жизни исполнить велѣніе болѣе сильныхъ, напр., выдать кошелекъ, но наличности (правовой) обязанности, какъ таковой, вѣроятно, не только онъ, но и разбойники не стали бы утверждать" [1]). Отсюда должно быть убѣдительно ясно, что право, какъ таковое, съ „велѣніями" и „запретами", т.-е. съ внѣшними поступками людей, не имѣетъ ничего общаго. Ибо самая природа права не принадлежитъ внѣшнему міру, а относится къ міру внутреннему.

И вотъ, изъ совсѣмъ иной точки зрѣнія на право исходитъ психологическая теорія права въ разрѣшеніи проблемы права. Прежде всего, она устанавливаетъ реальную природу права, какъ особаго класса явленій. Путемъ опытнаго изслѣдованія и познанія она устанавливаетъ, что реальная природа права относится не къ внѣшнему, а къ внутреннему міру явленій, къ міру психики, въ каковую сферу и переноситъ всѣ свои изысканія о правѣ. Разрушая тѣмъ самымъ „оптическій обманъ" традиціонной юриспруденціи относительно сферы нахожденія правовыхъ явленій, она, далѣе, устанавливаетъ отличительный, специфическій признакъ права, правовыхъ явленій, какъ одного изъ видовъ этики, этическихъ явленій, наравнѣ съ нравственностью, и видитъ таковой въ двойственной императивно-аттрибутивной природѣ явленій права, въ отличіе отъ нравственныхъ явленій, чисто императивныхъ, безпритязательныхъ. Установленіе этого отличія и различія приводитъ непосредственно къ другому существенному отли-

[1]) Теорія права, стр. 321 и стр. 322.

чію права отъ нравственности, состоящему въ томъ, что въ области права, правовой психики, интеллектуальный составъ сложнѣе, а именно, имѣетъ парный характеръ, т.-е., на ряду съ представленіями субъектовъ обязанностей, здѣсь имѣются представленія субъектовъ правъ, а на ряду съ представленіями объектовъ обязанностей—представленія объектовъ правъ.

Правда, и до Петражицкаго юристы иногда указывали на парный характеръ правовыхъ явленій, утверждая, напр., что праву одного соотвѣтствуетъ обязанность другого [1]), но научнаго обоснованія, научнаго объясненія этого явленія дано не было, и все утвержденіе являлось не болѣе, какъ простымъ констатированіемъ этой парной связи въ юридическихъ явленіяхъ. Поэтому вполнѣ правъ К. Н. Соколовъ, когда онъ говоритъ, что „только новѣйшей психологической теоріи права удалось выдѣлить этотъ характерный признакъ... и доказать его основное для всей проблемы права значеніе". [2])

Далѣе, оперируя все время опытнымъ методомъ, простымъ и экспериментальнымъ наблюденіемъ правовыхъ явленій, неизвѣстнымъ традиціонной юриспруденціи, опытно-психологическая теорія права, какъ особаго класса реально-психическихъ явленій, признаетъ реальными правовыми феноменами исключительно императивно-аттрибутивныя этическія переживанія, т.-е. сочетанія аттрибутивныхъ эмоцій съ интеллектуальными элементами этическаго сознанія. Что же касается правоотношеній, правъ и обязанностей, а также правовыхъ нормъ, то

[1]) Ср. напр., Bierling, Juristische Prinzipienlehre, B. I, стр. 145 и др. Merkel, Juristische Encyklopädie, § 3. Коркуновъ, Лекціи по общ. теоріи права, стр. 140, и нѣкот. др.

[2]) Парламентаризмъ. Опытъ правовой теоріи парламентарнаго строя. 1912. Стр. 396.

это, по ученію опытно-психологической теоріи права— не реальныя явленія, существующія во внѣшнемъ мірѣ, какъ полагаетъ традиціонная юриспруденція, а идеологическія величины, или, какъ обыкновенно говоритъ Л. І. Петражицкій, „эмоціональныя фантазмы", сущность каковыхъ выясняется изъ анализа правовыхъ переживаній, правового сознанія. А именно, сообразно особому авторитетно-мистическому характеру этическихъ эмоцій, въ частности правовыхъ, и сходству ихъ по характеру внутренняго давленія съ эмоціями, вызываемыми въ насъ велѣніями или запретами, получается на почвѣ соотвѣтственныхъ переживаній представленіе реальнаго существованія и высшаго господства надъ людьми и иными существами, не исключая даже божествъ, какихъ-то высшихъ „нормъ-велѣній", налагающихъ на однихъ извѣстныя „обязанности", предоставляющихъ другимъ соотвѣтственныя „права", — между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности реально имѣются только соотвѣтственные эмоціонально-интеллектуальные процессы въ психикѣ переживающаго правовыя явленія.

Такъ, напримѣръ, какъ говоритъ Петражицкій, „если кто-либо, напр., ученый юристъ, переживаетъ въ своемъ сознаніи сужденіе: „Арендаторы обязаны платить арендодателямъ арендную плату postnumerando" (по истеченіи періода пользованія), то-есть на лицо правовое явленіе, и ученый юристъ можетъ воспользоваться его наличностью для наблюденія его, изученія, анализа, но онъ (этотъ юристъ) поступитъ ошибочно, если онъ станетъ разыскивать соотвѣтственный правовой феноменъ гдѣ-то въ пространствѣ, надъ или между людьми, въ „соціальной средѣ" или т. п., между тѣмъ какъ этотъ феноменъ происходитъ у него самого, „въ головѣ", въ его же психикѣ и только тамъ" [1]).

[1]) Введеніе, стр. 2.

Итакъ, психическій (интеллектуально-эмоціональный) составъ правосознанія является единственнымъ реальнымъ явленіемъ въ правовой сферѣ. Поэтому, кто хочетъ заниматься положительной, эмпирической наукой, наблюдать и изслѣдовать опытнымъ путемъ правовыя явленія, тотъ долженъ разъ навсегда оставить всякія произвольныя конструированія и обратиться къ изученію реальныхъ феноменовъ права, къ анализу реально-психическихъ явленій правосознанія и только такимъ опытнымъ путемъ установлять истины о правѣ. Само собой разумѣется, что для этого необходимо, конечно, обратиться къ опытно-психологическому ученію о правѣ, какъ реальномъ явленіи человѣческой психики.

Такимъ образомъ, реальная природа права не только выявлена опытно-психологической теоріей права, но и строго-научно ею обоснована; природа эта принадлежитъ къ сферѣ психической реальности и характеризуется специфическимъ признакомъ притязательности или аттрибутивности. Что же касается нормъ права, то онѣ, являясь содержаніями правовыхъ сужденій, представляютъ не реальныя явленія права, а лишь идеологическія величины, чуждыя какой бы то ни было реальности.

V.

Выясненіе на почвѣ опытно-психологическаго изслѣдованія общей природы и состава этическихъ явленій вообще и специфической природы права и нравственности отнюдь не исчерпываетъ содержанія интересующаго насъ ученія, а представляетъ только начальную часть его и базисъ для построенія ряда дальнѣйшихъ ученій. Сюда относится въ частности рѣшеніе многихъ другихъ проблемъ, уже раньше обсуждавшихся,

но бывшихъ весьма спорными, или даже казавшихся неразрѣшимыми проблемами общаго ученія о правѣ, въ томъ числѣ и выясненіе того, что̀ представляетъ собою традиціонное „право въ юридическомъ смыслѣ". На этомъ вопросѣ мы и хотимъ нѣсколько остановиться, въ виду того, что онъ ближайшимъ образомъ относится къ разсматриваемой нами темѣ.

Какъ теперь должно быть уже ясно (послѣ всего предыдущаго изложенія), объемъ понятія права, установленнаго опытно-психологической теоріей права, какъ класса императивно-аттрибутивныхъ явленій психики, и объемъ традиціоннаго понятія „права въ юридическомъ смыслѣ", какъ совокупности нормъ-велѣній, отнюдь не совпадаютъ между собою и, вообще, далеко не равнозначны. Опредѣленіе права опытно-психологической теоріи охватываетъ всѣ правовыя (императивно-аттрибутивныя) явленія, совершено независимыя отъ того, пользуются ли они признаніемъ, защитою со стороны государства, или кого бы то ни было, называютъ ли ихъ обычно правомъ юристы или нѣтъ, или же они относятъ нѣкоторые изъ этихъ явленій къ не-праву,—нравамъ, морали, религіи etc. Словомъ, оно обнимаетъ всѣ явленія права, какъ таковыя, безъ исключенія, ибо оно не считается съ профессіональною привычкою юристовъ называть правомъ только такъ называемое „положительное право", „дѣйствующее право" и т. под., но сообразуется исключительно съ научною задачею теоретическаго образованія научныхъ классовъ, адэкватныхъ своему содержанію, съ чѣмъ только и должна сообразоваться научная теорія права.

Поэтому, какъ говоритъ Л. І. Петражицкій, „для установленнаго (имъ) понятія, права и его распространенія на соотвѣтственныя психическія явленія не имѣетъ никакого значенія не только признаніе и

покровительство со стороны государства, но и какое бы то ни было признаніе со стороны кого бы то ни было. Съ точки зрѣнія этого понятія и тѣ безчисленныя императивно-аттрибутивныя переживанія, которыя имѣются въ психикѣ лишь одного индивида и никому другому въ мірѣ неизвѣстны, а равно всѣ тѣ, тоже безчисленныя, переживанія этого рода, сужденія и т. д., которыя, сдѣлавшись извѣстными другимъ, встрѣчаютъ съ ихъ стороны несогласіе, оспариваніе или даже возмущеніе, негодованіе,—не встрѣчаютъ ни съ чьей стороны согласія и признанія, отъ этого отнюдь не перестаютъ быть правомъ, правовыми сужденіями и т. д.“ [1]). Точно также, какъ, напр., мысли, радость, печаль, вѣра человѣка нисколько не перестаютъ быть мыслями, радостью, печалью, вѣрою отъ того только, что онѣ не встрѣчаютъ сочувствія, признанія, защиты со стороны другихъ людей, или даже встрѣчаютъ съ ихъ стороны порицаніе, гоненіе и т. под.

Нужно ясно понимать, что самая природа психическихъ явленій, въ частности правовыхъ, отнюдь не зависитъ отъ разныхъ случайныхъ, постороннихъ обстоятельствъ, вродѣ признанія, одобренія, или порицанія ихъ со стороны кого бы то ни было, каковыя обстоятельства, разумѣется, къ существу дѣла отнюдь не относятся. Поэтому, какъ правильно замѣчаетъ Петражицкій, „однородныя по своей матеріальной или психической природѣ явленія въ области теоретическихъ наукъ слѣдуетъ относить къ одному классу независимо отъ того, нравятся ли они намъ или не нравятся, желательны-ли они или не желательны и т. д.“ [2]). Отсюда, слѣдовательно, и классъ право долженъ обнимать собою всѣ правовыя, т.-е. импера-

---

[1]) „Теорія права“, I. 1907. Стр. 101—102.

[2]) „Теорія права“, стр. 103.

тивно-аттрибутивныя, явленія, какъ реальные феномены правосознанія, внѣ зависимости отъ профессіональной привычки называнія, признанія со стороны государства, общества и т. под. Такая точка зрѣнія на право вытекаетъ необходимо изъ теоретической постановки проблемы, свободной отъ смѣшенія теоретической точки зрѣнія съ практическою, т.-е. точки зрѣнія объективнаго изслѣдованія сущаго, каково оно есть, съ точкою зрѣнія желательнаго, удобнаго, должнаго, или, наконецъ, „практическаго".

Именно этого и не различаетъ традиціонная юриспруденція, признавая правомъ лишь „право въ юридическомъ смыслѣ", т.-е. смѣшивая теоретическую точку зрѣнія съ практической. Ибо, если формула „право въ юридическомъ смыслѣ" не есть тавтологія, то, во всякомъ случаѣ, она представляетъ собою узкоограничительное понятіе права, обнимая лишь ту часть права, правовыхъ явленій, которая пользуется признаніемъ со стороны государствъ, и которую юристы-догматики ex-professo называютъ исключительно правомъ. Формула эта не считается съ основною научно-классификаціонною задачею отнесенія однородныхъ объектовъ къ единому классу, слѣдовательно, игнорируетъ теоретическую постановку проблемы права и стоитъ всецѣло на догматической точкѣ зрѣнія, выдавая свои практическія, догматическія положенія за подлинные теоретическіе тезисы. Но съ точки зрѣнія научной классификаціи юридическихъ наукъ, теорія права, т.-е. классово-теоретическая наука о правѣ, какъ особомъ классѣ реальныхъ явленій sui generis, принципіально, существенно отлична отъ юридической догматики, т.-е. нормативно-практической дисциплины, выясняющей должный смыслъ дѣйствующихъ нормъ права, толкующей и устанавливающей должные принципы правового поведенія, со-

образно съ дѣйствующею системою права. Поэтому должно быть ясно, что задачи теоріи права и юридической догматики совершенно различны и находятся въ разныхъ научныхъ плоскостяхъ:—теоретической и практической [1]).

И вотъ, если сравнить объемъ понятія права въ его должномъ реально-психологическомъ смыслѣ, съ точки зрѣнія опытно-психологической теоріи права, съ объемомъ понятія „права въ юридическомъ смыслѣ“ традиціонной юриспруденціи, то приходится признать, что традиціонная наука права лишена надлежащаго научнаго свѣта, занимаясь изученіемъ лишь части правового міра,—той „совокупности юридическихъ нормъ“, обязательность которыхъ покоится на внѣшнемъ авторитетѣ. Она не знаетъ всего того богатаго подлинно-реальнаго правового міра, который живетъ въ правосознаніи людей, и принимаетъ за реальные феномены права идеологическія величины, какъ нормы, въ качествѣ „велѣній“ и „запретовъ“, или правоотношенія, какъ особыя объективныя реальности, внѣ насъ существующія. Тѣмъ самымъ она приспособляетъ научную теорію къ потребностямъ практическаго обихода, игнорируя ту должную теоретическую высоту, съ которой наука должна обозрѣвать предметъ своего изученія, сознательно сообразуясь съ задачами методическаго познанія и причиннаго объясненія явленій „въ частности, съ задачами образованія правильныхъ научныхъ теорій, т.-е. такихъ ученій о классахъ явленій, въ которыхъ утверждаемое и объясняемое связано логически или причинно со специфическою природою (differentia specifica) образуемыхъ классовъ“ [2]).

Въ самомъ дѣлѣ, если бы примѣру юристовъ при-

---

[1]) См. мою статью: „Объ основныхъ видахъ наукъ о правѣ“ въ предыдущемъ сборникѣ.

[2]) Петражицкій. „Теорія права“, стр. 131.

знающихъ правомъ только „право въ юридическомъ смыслѣ", т.-е. пользующееся признаніемъ со стороны государства (и eo ipso юриспруденціи), примѣняемое въ судахъ etc., послѣдовали, напримѣръ, зоологи и стали бы признавать, что дѣйствительными животными являются только прирученныя животныя, полезныя человѣку и примѣняемыя имъ для разныхъ потребностей, то слѣдовало бы только сожалѣть о томъ, что человѣческая наука находится на такомъ низкомъ уровнѣ развитія и совершенства, представляя собою не подлинную науку, а лишь пародію на таковую. Къ счастью, науки такого положенія въ ней не имѣется. Напротивъ, всѣ науки нынѣ все болѣе и болѣе стремятся наивозможно глубже заглянуть и познать предметъ своего изученія, дѣлая все новыя и новыя открытія, изъ каковыхъ, напр., открытіе радія развернуло вдругъ передъ наукою совершенно новые необъятные горизонты. Поэтому и наука права не должна ограничиваться изученіемъ „права въ юридическомъ смыслѣ" и застыть на немъ, но должна охватить въ своемъ теоретическомъ синтезѣ всѣ правовыя явленія, безъ исключенія, весь богатый міръ права, какъ онъ живетъ въ правосознаніи, поставивъ самое изученіе на на почву опыта, опытнаго изслѣдованія проблемы права. Именно, такую попытку рѣшенія проблемы права и представила опытно психологическая теорія права, какъ класса реально-психическихъ императивно-аттрибутивныхъ явленій, идя въ этомъ отношеніи по стопамъ болѣе уже развитыхъ естественно-эмпирическихъ наукъ.

Съ точки зрѣнія этого рѣшенія и вопросъ о „правѣ въ юридическомъ смыслѣ", т.-е. проблема права въ смыслѣ профессіонально-юридическаго словоупотребленія, получаетъ вполнѣ точное и обоснованное разрѣшеніе. Ибо опытно-психологическая теорія права,

охватывающая всѣ правовыя явленія, какъ таковыя, естественно, даетъ отвѣтъ и на отдѣльныя группировки явленій права; иначе говоря, объясняя цѣлое, она объясняетъ и части этого цѣлаго.

Для выясненія этого вопроса необходимо предварительно обратиться къ понятіямъ „позитивнаго права", „интуитивнаго права", права „официальнаго" и „неофиціальнаго". Опытно-психологическая теорія права, строго различая всѣ эти виды права, въ то же время точно устанавливаетъ соотвѣтственныя понятія и научно-методически ихъ обосновываетъ. Обращаясь къ опытно-психологическому методу изслѣдованія нашего правосознанія, единственно правильному для познанія природы реальныхъ правовыхъ явленій въ единственной сферѣ нахожденія и наблюденія права—психикѣ, т.-е., обращаясь къ анализу сознанія нашего этическаго долга, аттрибутивно-закрѣпленнаго за другими, мы наблюдаемъ, что это сознаніе въ разныхъ случаяхъ имѣетъ различный характеръ въ зависимости отъ разнообразія интеллектуальнаго состава правовыхъ переживаній.

Такъ, въ однихъ случаяхъ сознанія правоваго долга основаніемъ обязательности его исполненія, т.-е. соотвѣтственнаго поведенія, является, просто, наше внутреннее убѣжденіе, нашъ „голосъ совѣсти", который авторитетно предписываетъ намъ данное исполненіе долга, внѣ зависимости отъ представленія какого-нибудь внѣшняго авторитета, внѣшняго факта, указующаго данное выполненіе правоваго долга. Напримѣръ, если мы сознаемъ нашъ правовой долгъ, нашу обязанность аккуратно платить рабочему условленную плату, вообще платить наши долги другимъ, независимо отъ представленія какого-либо внѣшняго авторитета, повелѣвающаго исполненіе соотвѣтственной обязанности, то на лицо будетъ особый видъ

правосознанія — автономнаго или интуитивнаго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ жизни мы на каждомъ шагу исполняемъ правовыя обязанности, приписываемъ себѣ и другимъ разныя права и поступаемъ сообразно съ ними вовсе не потому, что такъ, напр., сказано въ Сводѣ Законовъ, о чемъ мы часто и не знаемъ, вообще, не изъ-за представленія какого-либо внѣшняго авторитета, повелѣвающаго соотвѣтственное поведеніе, не изъ-за ссылки на него, а просто потому, что такъ повелѣваетъ намъ наша совѣсть, такъ слѣдуетъ поступать по нашему самостоятельному, внутренне-автономному, интуитивному убѣжденію. Такъ, напр., какъ говоритъ Петражицкій, „законы не признаютъ обязанности платить проигранное въ карты—права на выигрышъ, но всѣ порядочные люди, въ томъ числѣ и знающіе, что по закону они могутъ не платить, признаютъ, уважаютъ и аккуратно удовлетворяютъ соотвѣтственныя права, дѣйствуютъ по интуитивному праву“ [1]). И, слѣдуетъ добавить, происходитъ это не въ силу того, что неплательщику угрожаетъ, можетъ-быть, разрывъ знакомства и т. под., а именно, вслѣдствіе сознанія своего правового (аттрибутивнаго) долга, авторитетно-психически закрѣпленнаго за другимъ. Къ тому же, самое притязаніе выигравшаго на полученіе проиграннаго, возможная угроза за неотдачу etc. являются яркой иллюстраціей наличности правового сознанія интуитивнаго характера. Итакъ,—всѣ тѣ реально-психическія явленія правосознанія, всѣ правовыя переживанія, имѣющія основаніемъ обязательности исполненія правового долга самостоятельное интуитивное убѣжденіе, внутренній „голосъ“ совѣсти и eo ipso чуждыя въ этомъ отношеніи представленій

[1]) „Теорія права“, стр. 73.

внѣшнихъ авторитетовъ или внѣшнихъ „нормативныхъ фактовъ", какъ учитъ Петражицкій, и ссылокъ на нихъ,—всѣ такія правовыя явленія образуютъ особый классъ права подъ именемъ автономнаго или интуитивнаго права [1]).

Напротивъ, въ другихъ случаяхъ правового сознанія, сознанія правового долга, основаніемъ обязательности его выполненія и соотвѣтственнаго поведенія служитъ именно ссылка на какой-нибудь внѣшній авторитетъ, внѣшній нормативный фактъ, такъ сказать, нормирующій наше поведеніе, и потому такое правосознаніе является уже не автономнымъ, а гетерономнымъ или позитивнымъ,—основаннымъ на чужомъ авторитетѣ. Такъ, напр., если люди не убиваютъ, не воруютъ, платятъ свои долги, вообще исполняютъ правовыя обязанности, имѣя въ правосознаніи представленія внѣшнихъ авторитетовъ или нормативныхъ фактовъ, и ссылаются на нихъ въ качествѣ основаній обязательности своего такого поведенія, напримѣръ, ссылаются при этомъ на законъ, обычай, велѣніе монарха, начальника, родителей и т. под., то соотвѣтственное правосознаніе, соотвѣтственные реальные правовые феномены будутъ относиться къ иному виду права, нежели интуитивное право, а именно, къ праву позитивному или гетерономному.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ реальныя явленія правосознанія, императивно-аттрибутивныя психическія явленія, содержащія въ себѣ представленія авторитетно-нормативныхъ фактовъ, какъ основаній обязательности правового долга, составляютъ особый классъ позитивнаго права [2]).

Какъ замѣчаетъ Петражицкій, „дѣленіе права на

[1]) См. подробно: Петражицкій, „Теорія права", стр. 43; стр. 73; стр. 468 и сл.

[2]) См. Петражицкій, „Теорія права", стр. 511 и сл.

интуитивное и позитивное и соотвѣтственныя видовыя понятія тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ установленнымъ выше широкимъ родовымъ понятіемъ права (какъ класса реально-психическихъ явленій правосознанія), обнимающимъ собою несоизмѣримо больше, чѣмъ право въ смыслѣ юридическаго словоупотребленія („право въ юридическомъ смыслѣ"), въ частности включающимъ въ себя и тѣ императивно-аттрибутивныя переживанія, которыя чужды представленій какихъ бы то ни было авторитетно-нормативныхъ фактовъ: законовъ, обычаевъ и т. д. и независимыхъ отъ нихъ [1]). Это двѣ, такъ сказать, логическія категоріи правосознанія, отличающіяся другъ отъ друга по интеллектуальному содержанію въ зависимости отъ отсутствія или наличности представленій авторитетно-нормативныхъ фактовъ въ правосознаніи.

Въ связи съ этимъ различіемъ въ психологическомъ составѣ интуитивнаго и позитивнаго права наблюдаются многія существенныя особенности того и другого права, изъ которыхъ укажемъ здѣсь на одно самое характерное отличіе данныхъ видовъ права. А именно, въ то время, какъ интуитивное право имѣетъ индивидуально-свободный, измѣнчиво-разнообразный характеръ, представляя совершенно свободное сознаніе аттрибутивной обязательности правового поведенія, независимое отъ ссылокъ на внѣшніе авторитетно-нормативные факты, — позитивное право, вслѣдствіе связанности своего содержанія извѣстнымъ внѣшнимъ авторитетно-нормативнымъ фактомъ, одинаково опредѣляющимъ поведеніе всѣхъ людей, ссылающихся на его авторитетъ, способно создавать соотвѣтственные правовые шаблоны нормъ, непререкаемо авторитетные для большихъ массъ людей, безъ взиранія на раз-

[1]) „Теорія црава", стр. 468.

личіе ихъ индивидуальныхъ желаній, характеровъ, воспитанія, положенія etc. Разъ какой-нибудь внѣшній нормативный фактъ, законъ, обычай и т. под., является авторитетомъ, нормирующимъ факторомъ въ сферѣ правового поведенія для цѣлаго населенія государства или отдѣльной его области, то создается и соотвѣтственное шаблонное позитивное право, охватывающее и подчиняющее своему авторитету все данное населеніе.

Поэтому, если можно сказать, что интуитивное право есть право индивидуально-свободное и столь разнообразно, сколько есть на свѣтѣ индивидовъ, способныхъ переживать право, то позитивное право, какъ-разъ наоборотъ, представляетъ массово-шаблонное, единообразное право, подчиняющее своему авторитету многіе милліоны людей, безъ различія ихъ индивидуальностей. Такимъ образомъ, можно видѣть, сколь могучую школу соціальнаго воспитанія и дисциплины представляетъ собою позитивное право, основанное на авторитетномъ для массъ людей нормативномъ фактѣ.

Установивъ такимъ образомъ понятіе двухъ основныхъ видовъ общаго рода права и широко обосновавъ ихъ [1]), опытно-психологическая теорія права даетъ, далѣе, понятія разныхъ видовъ позитивнаго права. А именно, она не ограничивается традиціоннымъ признаніемъ въ сферѣ позитивнаго или положительнаго права только законнаго и обычнаго права, а устанавливаетъ цѣлый рядъ разновидностей позитивнаго права въ зависимости отъ того обстоятельства, на какого рода авторитетно-нормативные факты имѣется въ правосознаніи ссылка, какъ на основаніе обязательности правового поведенія.

Такъ, разновидность позитивнаго правосознанія, позитивно-правовыхъ переживаній, которая имѣетъ основаніемъ обязательности з а к о н ъ, какъ авторитетно-

[1]) См. П е т р а ж и ц к і й, „Теорія права“, II, стр. 468—609.

нормативный фактъ, представляетъ собою законное право; та разновидность позитивнаго права, въ которой имѣется ссылка на обычай, т.-е. массовое поведеніе предковъ, какъ основаніе своей обязательности, представляетъ собою обычное право; та разновидность позитивнаго права, въ которой роль авторитетно-нормативнаго факта играетъ прецедентъ въ качествѣ основанія аттрибутивной обязательности, составляетъ прецедентное право; та разновидность позитивнаго права, въ которой роль нормативнаго факта играютъ преюдиціи или рѣшенія судей, судебная практика, то-есть позитивное правосознаніе, которое приписываетъ разныя права и обязанности со ссылкою на то, что такова судебная практика, таковы рѣшенія судовъ, составляетъ преюдиціальное право или право судебной практики. Вообще говоря, разновидностей позитивнаго права можетъ быть столько, сколько имѣется различныхъ по своей природѣ авторитетно-нормативныхъ фактовъ, способныхъ сообщать аттрибутивную обязательность соотвѣтственнымъ типамъ правосознанія, т.-е. посколько представленія подлежащихъ нормативныхъ фактовъ оказываютъ вліяніе на правовую психику, вызывая и опредѣляя специфическіе типы правосознанія, нормирующіе наше поведеніе со ссылкою на соотвѣтственные авторитетно-нормативные факты.

Поэтому опытно-психологическая теорія права, имѣющая въ виду научно-теоретическое изслѣдованіе проблемы права, отнюдь не ограничивается традиціоннымъ признаніемъ только „законнаго“ и „обычнаго“ права съ присоединеніемъ иногда и „права судебной практики“, но открываетъ цѣлый рядъ другихъ специфическихъ типовъ позитивнаго права въ зависимости отъ тѣхъ специфическихъ нормативныхъ фактовъ, которые лежатъ въ основаніи обязательности соотвѣтственнаго

правосознанія [1]). Такъ, она устанавливаетъ „книжное право“, т.-е. право со ссылкою на различные сборники юридическихъ правилъ, которые пріобрѣтали въ правовой жизни нормативное значеніе, какъ, напр., знаменитое Саксонское Зерцало, Corpus juris civilis, Талмудъ, и т. под.; сюда же относится „право науки“, доктринальное право, имѣющее въ качествѣ авторитетно-нормативнаго факта opinio communis doctorum, ссылка на каковую имѣетъ обязательно-правовое значеніе; далѣе, — „договорное право“, при которомъ роль авторитетно-нормативнаго факта играетъ заключенный договоръ; „экспертное право“ со ссылкою, какъ на нормативный фактъ, на авторитетную юридическую экспертизу, какъ, напр., responsa римскихъ юристовъ, или rescripta императоровъ, или кассаціонныя рѣшенія сената.

Въ этомъ отношеніи опытно-психологическая теорія права сильно и существенно расходится съ традиціоннымъ ученіемъ юриспруденціи о видахъ позитивнаго или положительнаго права, скрывающимся подъ своеобразнымъ ученіемъ о такъ наз. „источникахъ права“. По традиціонному ученію юристовъ къ источникамъ права относятся: 1) законное право или законы, 2) обычное право или обычаи, и, иногда, 3) право судебной практики или судебная практика, каковыя понятія являются въ юриспруденціи синонимами. Эти „источники права“ юристы называютъ то формами созданія права, то формами выраженія права и т. под., и отличаютъ ихъ отъ источниковъ познанія права. т.-е. тѣхъ историческихъ документовъ, изъ которыхъ мы можемъ добывать свѣдѣнія, познанія, относительно существовавшаго или существующаго права.

Но, какъ остроумно замѣчаетъ Петражицкій, уже самая постановка традиціоннаго ученія объ „источни-

[1]) См. Петражицкій, „Теорія права“, т. II, стр. 511—609.

кахъ" не выдерживаетъ научной критики. „Если бы— говоритъ онъ — зоологи стали называть собакъ, кошекъ и т. д., „источниками животныхъ" и спорить по этому поводу, что такое источники животныхъ, въ какомъ отношеніи они находятся къ животнымъ, представляютъ ли они формы созданія животныхъ, или основанія ихъ существованія, или признаки ихъ животной природы и т. д., то это представляло бы явленія мысли, совершенно однородныя съ тѣми, которыя имѣются въ теперешнемъ правовѣдѣніи въ области ученія о такъ наз. источникахъ права". Ибо „кошки, собаки и т. п., суть не источники животныхъ, не формы созданія животныхъ и т. д., и вообще не нѣчто отличное отъ животныхъ и только имѣющее къ нимъ какое-то таинственное, трудно поддающееся опредѣленію, отношеніе, а просто—животныя. Онѣ сами именно и суть животныя, виды и разновидности таковыхъ. И точно также такъ наз. «источники права»: обычное право, законное право и т. д. суть не что иное, какъ само право, виды позитивнаго права, разновидности права, и странно ихъ называть «источникаки права», размышлять, въ какомъ отношеніи они находятся къ праву и т. д.

Сообразно съ этимъ теперешнее ученіе объ „источникахъ права" слѣдуетъ переименовать въ ученіе о позитивномъ правѣ, и его видахъ и разновидностяхъ" [1]).

Основная причина соотвѣтственнаго недоразумѣнія въ ученіи объ „источникахъ права" заключается въ отожествленіи понятій „закона" и „законнаго права", „обычая" и „обычнаго права" и т. д., т.-е. въ смѣшеніи позитивнаго права и отдѣльныхъ его видовъ съ тѣми фактами (велѣнія законодателя, массовое поведеніе людей etc.), представленія коихъ, какъ авторитетно-

[1]) „Теорія права", стр. 512—513.

нормативныхъ фактовъ, опредѣляющихъ специфическій типъ позитивнаго права, входятъ въ психологическій составъ правосознанія. Въ виду же того, что традиціонная юриспруденція смѣшиваетъ право съ нормами права и понимаетъ, напр., законное право, какъ совокупность законныхъ нормъ или законовъ; обычное право, какъ совокупность обычныхъ нормъ или обычаевъ etc.,—то слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь mutatis mutandis происходитъ смѣшеніе нормъ права съ нормативными фактами, т.-е. фактами, на которыя ссылаются и которыми опредѣляются соотвѣтственныя правовыя мнѣнія и убѣжденія людей.

Какъ теперь должно быть ясно, „въ области позитивнаго права слѣдуетъ различать три различныя вещи: 1) нормативные факты, соотвѣтственные поступки людей, постановленія законодателей и т. д.; 2) императивно-аттрибутивныя переживанія, связанныя съ представленіями этихъ фактовъ,—само позитивное право,—какъ реальный феноменъ; и 3) соотвѣтственныя нормы, эмоціональныя фантазмы, порождаемыя этими переживаніями. И вотъ, какъ показываетъ Петражицкій, традиціонное ученіе этихъ трехъ различныхъ категорій, какъ таковыхъ, не знаетъ и не различаетъ; главную категорію, само реальное позитивное право, обычное, законное право и т. д. (2), оно вообще упускаетъ изъ виду и не изучаетъ, за реальное позитивное право принимаетъ эмоціональныя фантазмы (идеологическія величины), нормы (3), и, наконецъ, смѣшиваетъ эти нормы съ велѣніями законодателей или другими соотвѣтственными фактами (1)“ [1]).

А „что эти факты, съ одной стороны, и нормы, съ другой стороны, представляютъ двѣ принципіально различныя, совершенно гетерогенныя вещи, въ этомъ, между прочимъ, какъ говоритъ Петражицкій, юри-

[1]) „Теорія права“, стр. 514.

стамъ (и не зная интуитивнаго права, гдѣ вообще нѣтъ не только начальственныхъ велѣній, но вообще никакихъ нормативныхъ фактовъ, а равно разныхъ другихъ видовъ позитивнаго права, гдѣ нормативными фактами являются не велѣнія и т. д., а совсѣмъ иного рода факты) не трудно было бы убѣдиться; достаточно было бы для этого обратить вниманіе хотя бы на то, что велѣнія, запрещенія и т. д. суть особаго рода дѣйствія, поступки людей, напр., монарховъ, членовъ законодательнаго собранія и т. д.—явленія быстро преходящія, исчезающія, уже не существующія послѣ произнесенія соотвѣтственныхъ словъ (въ области устнаго законодательства, словесныхъ повелѣній абсолютныхъ монарховъ, словесныхъ постановленій народнаго законодательнаго собранія и т. п.), или подписанія соотвѣтственнаго документа; между тѣмъ, какъ нормы представляются (и обсуждаются самими же юристами, несмотря на смѣшеніе понятія ихъ съ понятіемъ велѣнія), какъ что-то длительно или постоянно существующее; такъ, законодательныя повелѣнія покойныхъ законодателей—событія бывшія, перешедшія въ архивъ исторіи, между тѣмъ юристы говорятъ о соотвѣтственныхъ нормахъ, какъ о чемъ-то продолжающемъ существовать, и проч. Правда, въ области законодательствованія въ письменной формѣ остается слѣдъ отъ подлежащихъ дѣйствій—въ видѣ соотвѣтственныхъ документовъ. Но до такой наивности, чтобы за нормы права принимать эти документы, т.-е. листы бумаги съ чернильными пятнами, или эти пятна на бумагѣ, юристы не доходятъ. Эти документы и письмена играютъ только роль свидѣтельствъ (въ формѣ символическихъ знаковъ) о бывшихъ фактахъ, о подлежащихъ дѣйствіяхъ монарховъ или иныхъ законодателей“ [1]).

Что касается, далѣе, дѣленія права на о ф и ц і а л ь-

ное и неофиціальное, то можно сказать, что это дѣленіе права есть дѣленіе на историческія категоріи, выработавшіяся въ процессѣ историческаго развитія права. А именно, съ развитіемъ государственной организаціи и власти происходитъ внутри государственнаго союза постепенная дифференціація права, т.-е. раздѣленіе его на двѣ различныя категоріи: 1) право, пользующееся начальственнымъ признаніемъ, подлежащее примѣненію и всяческой поддержкѣ со стороны государственной власти; 2) право, лишенное такого офиціальнаго значенія въ государствѣ, или даже преслѣдуемое со стороны органовъ власти (напр., самоуправство, „судъ Линча", право мести и разные варварскіе правовые обычаи и проч.).

И вотъ, первый видъ права, признаннаго со стороны государства, и составляетъ привилегированное или офиціальное право; второй же видъ—право неофиціальное.

Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ предупредить, что право офиціальное, какъ и неофиціальное, можетъ заключать въ себѣ какъ позитивное, такъ и интуитивное право. Такъ, напр., въ области уголовнаго права основа „суда присяжныхъ" покоится на интуитивномъ правѣ, на рѣшеніи вопроса о виновности „по совѣсти", т.-е., именно, по интуитивно-правовому убѣжденію присяжныхъ засѣдателей; имѣются также офиціальные суды, долженствующіе рѣшать дѣла не по законамъ, а по „справедливости" (какъ въ Англіи: „equity"), или по „совѣсти" (какъ въ Россіи); отсюда, суды справедливости, совѣстные суды и т. под., т.-е. суды, рѣшающіе споры согласно интуитивному праву [1]).

И вотъ, что касается, наконецъ, рѣшенія вопроса

---

[1]) „Теорія права", II, стр. 316—317.

о томъ, что такое „право въ юридическомъ смыслѣ“, то здѣсь нужно принять во вниманіе понятія позитивнаго права и офиціальнаго права, а также строго отличить двѣ области: 1) область международныхъ отношеній и 2) внутренне-государственную область. Въ первой области по самой ея природѣ офиціальнаго права не имѣется, и юристы изучаютъ здѣсь только позитивное право (ибо интуитивнаго права, которое играетъ особо важную роль въ международной жизни, традиціонная юриспруденція не знаетъ). Во второй области юристы изучаютъ именно офиціальное позитивное право (игнорируя право неофиціальное и интуитивное). Такимъ образомъ „право въ юридическомъ смыслѣ“ означаетъ: офиціально-позитивное право государства + просто позитивное международное право. Иначе говоря, традиціонная наука подъ „правомъ въ юридическомъ смыслѣ“ признаетъ совокупность офиціально-позитивныхъ государственно-правовыхъ нормъ и позитивно-правовыхъ международныхъ нормъ.

Данное выясненіе природы „права въ юридическомъ смыслѣ“ представляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясненіе того, что эта совокупность не представляетъ собою однороднаго класса, относительно котораго можно было бы построить и обосновать правильную научную теорію. Ибо, какъ уже было указано, правильныя научно-адэкватныя теоріи (т.-е. теоріи, въ которыхъ утверждаемое истинно относительно всѣхъ явленій даннаго порядка, а не только какой-нибудь части ихъ, и притомъ только данныхъ явленій, а не какихъ-либо другихъ) могутъ быть обоснованы только относительно однородныхъ классовъ явленій, а не случайныхъ совокупностей таковыхъ.

---

[1]) См. Петражицкій, „Теорія права“, I, стр. 609 и сл.

„Между тѣмъ, какъ показываетъ Петражицкій, право въ юридическомъ смыслѣ, т.-е. группа тѣхъ явленій (позитивное международное право + офиціальное позитивное внутреннее право), къ которымъ юристы привыкли примѣнять имя право, не только не представляетъ класса, годнаго для образованія адэкватныхъ теорій, но и вообще не составляетъ класса (т.-е. чего-либо однороднаго между собою и отличнаго отъ всего прочаго); оно представляетъ сборную, эклектическую группу явленій, сумму различныхъ элементовъ болѣе обширнаго класса—права въ смыслѣ императивно-аттрибутивныхъ переживаній вообще, съ оставленіемъ за границами группы однороднаго съ тѣмъ, что въ нее включено [1]).

Какъ профессіонально-кулинарное словоупотребленіе и понятіе, напр., „зелени", „дичи" и т. под., не обнимаетъ однородныхъ объектовъ и не означаетъ классовыхъ понятій и классовъ, относительно которыхъ ученый ботаникъ или зоологъ могъ бы построить научно-адэкватную теорію, такъ точно и профессіонально - юридическое словоупотребленіе и понятіе „права въ юридическомъ смыслѣ" не обнимаетъ всѣхъ явленій права, какъ особаго класса, не составляетъ классоваго понятія и поэтому построить научно-адэкватную теорію относительно соотвѣтственной эклектической группы столь же невозможно, какъ и относительно „зелени", „дичи" и т. под. [2]).

Поэтому, какъ основательно замѣчаетъ Петражицкій, „существеннымъ условіемъ развитія и прогресса науки о правѣ, какъ объективно-научнаго изученія, познанія и объясненія правовыхъ явленій, слѣдуетъ признать освобожденіе этой науки отъ служебной зависи-

[1]) „Теорія права", стр. 234.

[2]) См. Петражицкій. „Введеніе въ изученіе права", стр. 51 и сл., а также „Теорія права", стр. 234.

мости по отношенію къ профессіонально-практической юриспруденціи и соотвѣтственнымъ точкамъ зрѣнія.

Основнымъ эмансипаціоннымъ актомъ и хартіею свободы и независимости должна послужить замѣна понятія „права въ юридическомъ смыслѣ“ понятіемъ права въ научномъ смыслѣ, т.-е. такимъ понятіемъ, которое отвѣчаетъ задачамъ познанія и объясненія сущаго, независимо отъ профессіонально-юридическихъ привычекъ называнія, какъ бы онѣ ни были укоренены и удобны въ своей сферѣ примѣненія [1]).

А для этого, прежде всего, необходимо отрѣшиться отъ отожествленія права вообще съ правомъ въ юридическомъ смыслѣ и отъ подчиненія теоріи права догматической юриспруденціи. Иначе говоря, необходимо строго-научно различать, съ одной стороны, такъ наз. догматику права или догматическую юриспруденцію, какъ нормативно-практическую дисциплину о должномъ смыслѣ существующей системы юридическихъ нормъ, т.-е. о томъ, какое поведеніе обязательно по существующему въ данное время позитивному международному праву, или по офиціальному праву даннаго государства,—и съ другой стороны, теорію права, т.-е. классово-теоретическую науку, изучающую общую природу, специфическія свойства и причинныя тенденціи права, какъ такового, вообще, гдѣ бы и когда бы оно ни существовало, т.-е. науку о правѣ, какъ особомъ классѣ реальныхъ явленій sui generis. Именно, это существенное различіе и лежитъ въ основѣ опытно-психологической теоріи права, какъ класса реально-психическихъ, императивно-аттрибутивныхъ, явленій этическаго порядка.

VI.

Въ заключеніе позволимъ себѣ указать, какъ на

[1]) „Введеніе въ изученіе права“, стр. 55.

одинъ особенно важный результатъ опытно-психологическаго изслѣдованія права и его специфическихъ свойствъ, на выясненіе опытно-психологической теоріей причиннаго дѣйствія права. „Посвященныя этому вопросу страницы изслѣдованія Л. І. Петражицкаго отличаются почти классическимъ совершенствомъ“, какъ признаютъ даже идейные противники основателя психологической теоріи права. Для подробнаго ознакомленія съ даннымъ ученіемъ необходимо обратиться къ „Теоріи права“ Л. І. Петражицкаго (§ 7), здѣсь же лишь кратко укажемъ на самое существо ученія о причинномъ дѣйствіи права, согласно опытно-психологической теоріи.

Главные тезисы этого ученія сводятся къ слѣдующему. Причинное дѣйствіе права, какъ психическаго фактора, имѣетъ психическій характеръ и состоитъ, во-1-хъ, въ возбужденіи, измѣненіи или подавленіи мотивовъ къ разнымъ дѣйствіямъ и воздержаніямъ, въ мотивированіи индивидуальнаго и массоваго (экономическаго и иного) поведенія (мотивационное дѣйствіе права), во 2-хъ, въ укрѣпленіи и развитіи однѣхъ склонностей и чертъ человѣческаго характера, ослабленіи и искорененіи другихъ, вообще въ воспитаніи народной психики (педагогическое, культурно-воспитательное дѣйствіе права).

Въ связи съ соотвѣтственными, опытно-психологическими, спеціальными изслѣдованіями и общими выводами и опираясь на нихъ, авторъ психологической теоріи выставилъ (впервые въ своемъ нѣмецкомъ трудѣ: „Lehre vom Einkommen“, 2 тома, 1893 и 1895 гг.) идею и программу восполненія системы существующихъ правовыхъ наукъ (догматики и исторіи права) построеніемъ новой науки—законодательной политики, вообще, политики права (системы правно-политическихъ дисциплинъ), основанной на психологическомъ изученіи

причиннаго дѣйствія права. Сообразно съ указаннымъ двойственнымъ, мотиваціоннымъ и педагогическимъ, дѣйствіемъ права, задача политики права заключается: 1) въ раціональномъ направленіи индивидуальнаго и массоваго поведенія посредствомъ соотвѣтственной правовой мотиваціи, 2) въ совершенствованіи человѣческой психики, въ очищеніи ея отъ злостныхъ, антисоціальныхъ склонностей, въ насажденіи и укрѣпленіи противоположныхъ склонностей.

Дѣйствующая въ каждый данный моментъ система правовыхъ нормъ является преходящею ступенью соціальнаго воспитанія и должна быть по мѣрѣ выполненія своей воспитательной функціи замѣняема другой системой правового импульсивнаго и педагогическаго воздѣйствія, приспособленной къ уже достигнутому уровню народной психики. Идеаломъ является достиженіе совершенно соціальнаго характера, совершенное господство дѣйственной любви въ человѣчествѣ [1]).

Имѣя въ виду, что существовавшая въ прежнее время, въ частности въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ, дисциплина такъ наз. „естественнаго права", въ 19-мъ вѣкѣ сданная (казалось, навсегда) въ архивъ исторіи, доставляла нѣкоторое руководство для законодательства, представляла нѣкоторый, хотя и весьма несовершенный, суррогатъ науки политики права, авторъ приведенной идеи и программы выставилъ (во 2-мъ томѣ „Lehre v. Einkommen", стр. 579 и др.) лозунгъ „возрожденія естественнаго права" (Wiedergeburt des Naturrechts), въ смыслѣ построенія предлагаемой науки политики права.

Подлежащія спеціальныя изслѣдованія и общія идеи возбудили въ свое время въ нѣмецкой юриспруденціи большое вниманіе или даже, какъ сообщаетъ R. Leonhard (Die Vollendung des deutschen bürgerlichen Ge-

[1]) Ср. „Введеніе въ изученіе права", стр. VII—VIII.

setzbuches, 1897 г., стр. 7) „извѣстную сенсацію“ и вызвали соотвѣтственныя измѣненія во взглядахъ юриспруденціи. Особенно могучую поддержку новымъ взглядамъ оказалъ своимъ огромнымъ авторитетомъ Дернбургъ, который уже въ 4-мъ изданіи своего знаменитаго учебника: „Pandecten“, 1894 г., одобрилъ новыя идеи и ввелъ въ изложеніе учебника всѣ главнѣйшіе спеціальные выводы изслѣдованій Петражицкаго (въ томъ числѣ и 2-го тома „Lehre v. Einkommen“, появившагося лишь въ слѣдующемъ. 1895 г., но, очевидно, бывшаго въ распоряженіи автора „Pandekten“ въ 1894 г., до своего появленія на книжномъ рынкѣ) и, сверхъ того, въ общей, вводной, части изложенія, въ отдѣлѣ, посвященномъ характеристикѣ и оцѣнкѣ школы естественнаго права и исторической школы (§ 17 „Naturrechtliche und historische Schule“) помѣстилъ общій сочувственный отзывъ о предлагаемой новой наукѣ и основахъ ея, въ частности объ изслѣдованіи вліянія права на народную психику. Въ томъ же 1894 г. въ пользу новыхъ идей высказался и рядъ другихъ выдающихся юристовъ (Leonhard въ своемъ учебникѣ институцій, Oertmann, Ofner и др.), такъ что этотъ годъ можно считать годомъ перелома въ воззрѣніяхъ юриспруденціи, отказа отъ укоренившагося воззрѣнія, будто задачею правовѣдѣнія является только догматическое и историческое изученіе позитивнаго права, поворота въ пользу возрожденія естественнаго права, а равно возбужденія вниманія къ психологіи и пользованія ею для изученія свойствъ и дѣйствія права и т. д.

Но особенное вліяніе оказало опытно-психологическое ученіе о правѣ, естественно, на русскую юридическую науку (такъ какъ главные основные теоретическіе труды Л. І. Петражицкаго: „Введеніе въ изученіе права“ и „Теорія права“ вышли пока только на русскомъ

языкѣ). Несмотря на отчаянныя нападки на психологическую теорію права со стороны нѣкоторыхъ русскихъ юристовъ (по преимуществу изъ лагеря „неокантіанства") она оказываетъ замѣтное вліяніе на измѣненіе взглядовъ многихъ ученыхъ по основнымъ вопросамъ правовѣдѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если заглянуть въ позднѣйшую русскую юридическую литературу, то нельзя не замѣтить въ ней все болѣе ясно намѣчающагося сдвига юридической научной мысли въ сторону психологическаго пониманія права.

Объ этомъ, напр., характерно свидѣтельствуетъ, Б. А. Кистяковскій, говоря: „теперь стало общимъ мѣстомъ положеніе, что истинное существованіе права не въ статьяхъ и параграфахъ законовъ, напечатанныхъ въ кодексахъ... а въ сознаніи какъ всего общества, такъ и остальныхъ членовъ его". Проф. кн. Е. Н. Трубецкой, кажется, первый присоединился по многимъ вопросамъ къ психологической теоріи права въ своихъ „Лекціяхъ по энциклопедіи права". Проф. Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ принялъ вообще ученіе Л. І. Петражицкаго о правѣ, какъ императивно-аттрибутивномъ психическомъ явленіи, въ своихъ „Лекціяхъ по государственному праву". Проф. А. Л. Байковъ высказывается въ пользу психологической теоріи права въ своей докторской диссертаціи: „Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права" (1912 г.). Проф. Н. И. Паліенко примкнулъ къ признанію психической природы права, психологическо-проекціоннаго характера нормъ права etc. въ своей статьѣ въ „Правѣ" (1910 г. № 19) [1]), а также и М. А. Рейснеръ въ книгахъ: „Теорія Л. А. Петражицкаго,

[1]) См. по этому поводу мою статью въ „Правѣ", 1910, № 12; отвѣтъ на нее со стороны проф. Паліенко въ „Правѣ", 1910, № 19; и мой отвѣтъ на отвѣтъ проф. Паліенко въ „Правѣ", 1910, № 30.

марксизмъ и соціальная идеологія" (1908 г.). и „Государство" (1910 г.). Нѣсколько раньше сторонникомъ ученія Л. И. Петражицкаго явился и проф. В. М. Гессенъ въ брошюрѣ „Возрожденіе естественнаго права" (1902 г.), а также и проф. Ѳ. В. Тарановскій въ своей брошюрѣ „Интересъ и нравственный долгъ въ правѣ" (1899 г.), и нѣк. др.

Но дѣло не ограничивается даже перемѣною общей позиціи теоріи права, а подобный сдвигъ происходитъ и въ спеціальныхъ правовыхъ дисциплинахъ, гдѣ начинаютъ примѣняться идеи и ученія опытно-психологической теоріи права для разработки спеціальныхъ юридическихъ вопросовъ. И здѣсь, несомнѣнно, первое мѣсто принадлежитъ работѣ К. Н. Соколова („Парламентаризмъ. Опытъ правой теоріи парламентарнаго строя" (1912 г.), которая, будучи построена на основѣ ученія проф. Петражицкаго, вполнѣ наглядно и убѣдительно доказываетъ правовую природу парламентаризма. Въ этомъ же направленіи идетъ и В. М. Устиновъ въ своей диссертаціи: „Ученіе о народномъ представительствѣ" (1912 г.), гдѣ авторъ прямо признаетъ, что только „современная психологическая теорія права раскрываетъ глубочайшій смыслъ народнаго представительства" (стр. 652 [1]). Недавно и проф. Л. Н. Таль примкнулъ къ психологическому ученію о правѣ, въ частности по вопросу о власти. въ своей статьѣ: „Проблема власти въ гражданскомъ правѣ" (Юридическій Вѣстникъ". 1913, кн. III-я.).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что психологическая теорія права съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе завоевываетъ себѣ сторонниковъ и оказываетъ существенное вліяніе на работу новѣйшей юридической

[1]) См. о данныхъ двухъ диссертаціяхъ мою статью: «Теорія народнаго представительства и парламентаризма».—Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія. 1913, кн. 5-я.

науки [1]). То же особенное вниманіе русской юридической науки къ опытно-психологической теоріи права, которое проявилось въ огромномъ обиліи статей по поводу ея, является лучшимъ и вѣрнѣйшимъ залогомъ ея силы и жизненности.

Заставить же юристовъ окончательно отказаться отъ многовѣковой традиціи, создавшей цѣлую школу специфическаго мышленія, цѣлую систему научныхъ убѣжденій, такъ сказать, переубѣдить ихъ,—это, разумѣется, дѣло не десятка лѣтъ, а, по меньшей мѣрѣ, цѣлаго поколѣнія. Это всегда должны помнить и имѣть въ виду сторонники опытно-психологической теоріи права, особенно видя, какъ изо дня въ день все увеличивается научная рать подъ ея знаменемъ. Заканчивая статью, необходимо, однако, указать еще на одинъ пунктъ ученія опытно-психологической теоріи права, вокругъ котораго выросла подлинная „легенда“ въ критической литературѣ по поводу данной теоріи, а именно, легенда относительно (мнимаго) отрицанія соціальнаго характера права со стороны Л. І. Петражицкаго. Изъ-за того, что Петражицкій признаетъ право, какъ реально-психическое явленіе нашей (индивидуальной) психики, сторонники данной легенды рѣшили отъ себя, что онъ отрицаетъ соціальный характеръ права. Но это, несомнѣнно, явное недоразумѣніе. Ибо Петражицкій опредѣленно признаетъ соціальный характеръ и значеніе права и посвящаетъ даже этой проблемѣ отдѣльную главу въ своей „Теоріи права“ подъ заглавіемъ: „Право, какъ факторъ, и продуктъ соціально-психической жизни». Но только онъ строго различаетъ научныя темы и отнюдь не смѣшиваетъ вопроса о природѣ права

[1]) См. также книгу проф. Юнга „Das Problem des natürlichen Rechts“, 1912, и статью А. Грубера: „Une théorie psychologique du droit“ въ „Revue trimestrielle de droit civil“, 1911.

съ вопросомъ о происхожденіи и соціальномъ значеніи права, чего именно и не различаютъ сторонники упомянутой легенды.

Между тѣмъ, именно, то же самое ученіе о психическомъ, мотиваціонномъ и культурно-воспитательномъ, причинномъ дѣйствіи права является базисомъ не только для построенія науки политики права, какъ это было видно, но и для эволюціоннаго пониманія права, его происхожденія и развитія, какъ безсознательнаго продукта и фактора соціально-психической жизни.

„Явленія права,—пишетъ Петражицкій въ заключительной главѣ „Теоріи"—состоятъ въ двусторонней причинной связи съ другими процессами соціально-психической жизни. Съ одной стороны, право является факторомъ соціально-психической жизни и ея развитія, вызываетъ извѣстные дальнѣйшіе процессы въ области психики и поведенія индивидовъ и массъ и ихъ развитія. Съ другой стороны, право само есть продуктъ дѣйствія извѣстныхъ соціально-психическихъ процессовъ: оно создается и измѣняется ими по законамъ причинной связи.

Сообразно съ этимъ, наряду съ изученіемъ права самого по себѣ, какъ особаго класса явленій съ особою природою,—задачею теоріи права является затѣмъ изученіе указанной двусторонней причинной связи: 1) изученіе права, какъ фактора, построеніе теоріи причиннаго дѣйствія права и 2) изученіе права, какъ продукта, построеніе теоріи происхожденія и развитія права" [1]). Основной тезисъ здѣсь гласитъ слѣдующее: являясь продуктомъ не сознательнаго разсчета и индивидуальнаго придумыванія для какихъ-либо цѣлей и интересовъ, а безсознательно удачнаго соціально-психическаго приспособленія,

[1]) „Теорія права", II, стр. 641.

право представляетъ существенный психическій факторъ соціальной жизни и развитія культуры.

И, дѣйствительно, только строго-научно различая и разрѣшая проблемы: a) права, какъ особаго класса реально-психическихъ явленій; b) права, какъ фактора соціально-психической жизни и развитія культуры, c) права, какъ продукта безсознательно-удачнаго соціально-психическаго приспособленія въ сложномъ процессѣ интеллектуально-эмоціональнаго соціальнаго общенія, — только различая все это и можно научно всесторонне разрѣшить проблему права, а также вѣрно понять и самое ученіе опытно-психологической теоріи права [1]).

И если традиціонное ученіе, слѣдуя Іерингу, полагало, что право есть продуктъ конкретно-практическихъ интересовъ и цѣлей и ихъ столкновенія и сознательно создается людьми для защиты и проведенія этихъ цѣлей и интересовъ въ жизнь, то это весьма ошибочно. Это ученіе стоитъ не на подлинно-реальной, а на наивно-реальной точкѣ зрѣнія, принимающей случайно находимое и видимое за специфически присущее праву. Право, разумѣется, возникаетъ, развивается и дѣйствуетъ отнюдь не въ низменныхъ житейскихъ интересахъ, не ради „защиты интересовъ“ тѣхъ или иныхъ субъектовъ, но съ безмѣрно болѣе высокимъ назначеніемъ—споспѣшествованія обще-народной, обще-человѣческой культурѣ и eo ipso универсальному благу. Слишкомъ низменна и ничтожна роль права, какъ такового, по ученію этой школы, и, естественно, не на его сторонѣ находится истина, ибо право, подобно другимъ факторамъ человѣческой культуры, какъ нравственность, религія, наука etc., испол-

[1]) См. мою брошюру: „Психологическая теорія права передъ судомъ русской юриспруденціи“. В. II, 1910, стр. 39.

няетъ въ универсальной исторіи человѣчества болѣе возвышенную и важную роль, нежели угожденіе интересамъ тѣхъ или иныхъ лицъ или группъ.

Право, какъ продуктъ общечеловѣческій, и служитъ, въ концѣ концовъ, всему человѣчеству, какъ таковому, будучи принципіально чуждымъ назначенія и цѣли служить частнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ или государствъ, каковыя сами являются лишь однимъ изъ средствъ при выполненіи правомъ своего высшаго назначенія—соціально-культурнаго воспитанія человѣчества — и служатъ простымъ орудіемъ для сообщенія, спаянія людей въ соціально-солидарную расширенную группу. Право — не выдумка сильныхъ ради „защиты интересовъ“ etc., какъ нерѣдко проповѣдывалось въ юриспруденціи и философіи, но является по своему существу продуктомъ и факторомъ безсознательно-эволюціоннаго процесса соціально-психическаго приспособленія, аналогично тому, какъ наша sapientia, языкъ, руки, глаза и пр. и пр., какъ и самъ человѣкъ, homo sapiens, являются продуктомъ и факторомъ міровой естественной эволюціи, универсальнаго процесса безсознательнаго естественнаго приспособленія къ вѣчно движущейся жизни природы [1]).

Отсюда становится яснымъ, что не только логически и методологически традиціонная постановка и рѣшеніе основной проблемы права не соотвѣтствуютъ существу проблемы, но что и по самому своему существу соотвѣтственныя ученія о правѣ не находятся на надлежащей высотѣ пониманія и научнаго изученія права. Такъ, напримѣръ, что касается ученія о правѣ, какъ государственно-принудительныхъ нормахъ, мы должны признать, что оно приспособлено лишь къ одной изъ

[1]) См. мою брошюру: „Новое ученіе о частномъ и публичномъ правѣ“, 1913, стр. 35, прим. 1 а также стр. 11—12.

стадій развитія соціальной человѣческой жизни, а именно, къ жизни государственнаго общежитія, что оно игнорируетъ всю область права до-государственной жизни человѣчества и всю область права, не признанную со стороны государства, т.-е. всю внѣофиціальную область права, и, наконецъ, должны признать, что, возведя принужденіе въ специфическій признакъ права, это ученіе игнорируетъ подлинный смыслъ права, какъ психическаго фактора культурнаго воспитанія человѣчества, и недостойно низводитъ его къ роли послушной „служанки законодательства", или сотоварища суда и судебныхъ приставовъ. Это ученіе игнорируетъ также то, что само государство, судъ и проч. суть явленія и продукты права и существуютъ лишь изъ-за несовершенства, невоспитанности людей и ихъ соціальнаго характера; поэтому ни государство, ни принужденіе не могутъ служить основными признаками права, какъ такового, аналогично тому, какъ плоды и искусственное орошеніе отнюдь не являются основными признаками, отличіями растеній въ ботаникѣ.

Вообще, истинное уясненіе существа права лежитъ совсѣмъ въ иной плоскости. Право, какъ и нравственность, представляютъ продукты безсознательно-удачнаго соціальнаго приспособленія ко благу и процвѣтанію обществъ и духовно-культурному воспитанію человѣчества. Поэтому для пониманія соціально-культурнаго смысла и значенія разныхъ правъ, не исключая такъ наз. частныхъ, напр., правъ собственности, долговыхъ, наслѣдственныхъ правъ etc., слѣдуетъ имѣть въ виду не карманы собственниковъ, кредиторовъ и т. д., вообще, не „пользу", „благо", „интересы" частныхъ лицъ, а народное хозяйство и общую культуру, и надо изучать функціи подлежащихъ правовыхъ системъ и отдѣльныхъ институтовъ „въ подлежащихъ

великихъ и сложныхъ процессахъ", какъ говоритъ Петражицкій [1]).

Съ точки зрѣнія психологическаго ученія о правѣ необходимо окончательно разстаться со всѣми смутными понятіями „блага", „интереса" etc., ибо дѣло не въ благѣ и интересахъ, не въ доставленіи посредствомъ права блага или какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ, удобствъ и проч. тѣмъ или инымъ лицамъ (дестинатарамъ), а въ объясненіи причиннаго, функціональнаго дѣйствія права, въ установленіи основныхъ, мотиваціонной и педагогической, тенденцій права. Ибо всякое право обладаетъ своеобразнымъ причиннымъ дѣйствіемъ въ направленіи данныхъ основныхъ тенденцій, при посредствѣ которыхъ оно вліяетъ на поведеніе и характеръ людей, играя на разныхъ струнахъ человѣческой психики, постепенно переходя отъ болѣе грубыхъ и низкихъ на болѣе тонкія и высокія. Соціализація человѣческой психики и характера есть высшая (мыслимая пока) ступень правовой мотиваціи и педагогики. Къ ней, какъ показываетъ исторія, и ведетъ безсознательно право [2]).

Въ конкретной обстановкѣ, конечно, право можетъ доставлять матеріальную выгоду, пользу, благо etc. своимъ обладателямъ, но данное явленіе не имѣетъ съ теоріей права ничего общаго и вообще чуждо явленію права, какъ таковому.

Научно-психологическая точка зрѣнія на право, выдержанная послѣдовательно, ясно обнаруживаетъ, что это благо, польза и проч. есть не болѣе какъ косвенный, иррелевантный результатъ пользованія правомъ. Для наглядности соотношенія права и эвентуальной пользы отъ него можно указать, что оно

[1]) „Теорія права", стр. 364.

[2]) См. L. v. Petrażycki, „Aktienwesen und Spekulation", 906, стр. 14—22.

таково же, какъ, напр., мысли поэта или ученаго съ его личнымъ благополучіемъ. Посредствомъ права, поэзіи, науки etc. можно достигать и личнаго и общественнаго благополучія, но специфически ни право, ни поэзія, ни наука къ тому не предназначены, имѣя свое, иное, болѣе высокое, принципіальное назначеніе. Слѣдуетъ ясно разграничивать (и отнюдь не смѣшивать) принципіальное назначеніе права отъ возможныхъ результатовъ пользованія правомъ со стороны разныхъ субъектовъ [1]).

Право (какъ и другіе соціально-психическіе факторы) есть могучее нормативное средство для постепеннаго неуклоннаго веденія человѣчества отъ соціально-низшаго къ соціально-высшему типу поведенія, къ совершенной соціализаціи человѣческаго характера, къ насажденію и укрѣпленію господства совершенной „дѣйственной любви“ въ человѣчествѣ, употребляя выраженіе Л. І. Петражицкаго [2]). Достиженіе такой гуманной солидарности и полной соціализаціи человѣческаго характера—и есть тотъ далекій манящій идеалъ, къ которому медленно, съ великимъ трудомъ, но неуклонно безсознательно движется человѣчество въ своемъ культурно-историческомъ развитіи.

Таковы, съ точки зрѣнія опытно-психологической теоріи права, реальная природа, самый смыслъ и культурная миссія права, которое, выполнивъ эту высокую и трудную миссію въ жизни человѣчества, само отойдетъ въ область исторіи, какъ культурный пережитокъ былой несовершенной жизни человѣчества.

---

[1]) П. Е. Михайловъ. „Новое ученіе о частномъ и публичномъ правѣ“, стр. 30, примѣч. 1.

[2]) Л. І. Петражицкій. „Введеніе въ изученіе права“, стр. VIII.

Г. А. Ивановъ.

Характерныя свойства и тенденціи права и нравственности.

Въ первомъ сборникѣ по философіи права и нравственности уже было указано, что три обстоятельства мѣшали познать истинную природу права и нравственности. Это, во-первыхъ, недоразумѣніе относительно сферы нахожденія правовыхъ и нравственныхъ явленій. Затѣмъ—отсутствіе надлежащаго ученія о методахъ изученія этихъ явленій и примѣненіе вслѣдствіе этого негодныхъ для научныхъ цѣлей пріемовъ мышленія и изслѣдованія и, наконецъ, неудовлетворительное состояніе психологіи, науки, которая должна лечь въ основу изученія правовыхъ и нравственныхъ явленій.

Эти препятствія устраняются ученіями Л. І. Петражицкаго: первое — выясненіемъ сферы бытія и чисто психической природы права и нравственности, второе — развитіемъ и обоснованіемъ ученія объ изслѣдованіи конкретныхъ правовыхъ (и нравственныхъ) явленій и объ образованіи общихъ понятій и теорій, третье — реформой общей психологіи, главнымъ моментомъ которой является открытіе новой, неизвѣстной въ наукѣ категоріи элементовъ психической жизни —

эмоцій, или импульсій—и въ построеніи на этой почвѣ новаго ученія о мотивахъ и правилахъ поведенія.

Все это дало возможность объективно оріентироваться въ мірѣ психическихъ явленій и выяснить природу права и нравственности. Объективное изученіе явленій правовой жизни, основанное на опытѣ, простомъ и экспериментальномъ наблюденіи, лежитъ въ основѣ новой психологической теоріи права. Въ результатѣ оказалось, что область права гораздо шире, чѣмъ предполагала традиціонная юриспруденція, что къ праву слѣдуетъ отнести много такихъ явленій, которыя прежде исключались изъ него, что право существуетъ независимо отъ государства, судовъ и т. п., независимо отъ признанія его со стороны государственной власти, что оно само вызвало къ жизни и государство, и судъ, и многое другое.

Особенность и преимущество психологической теоріи передъ прежними ученіями о правѣ заключается именно въ свободѣ научнаго изслѣдованія, въ освобожденіи его отъ некритическаго подчиненія привычкамъ называнія и другимъ постороннимъ для объективно-теоретическаго познанія критеріямъ и выведеніи науки о правѣ на почву опытнаго изученія, простого и экспериментальнаго наблюденія подлежащихъ явленій.

Въ предыдущей статьѣ показано, какъ новое ученіе о правѣ и нравственности образуетъ свои центральныя понятія, и выяснена природа правовыхъ и нравственныхъ явленій. Здѣсь должно быть показано въ основныхъ чертахъ, какъ оно обосновываетъ свои построенія, т.-е. доказываетъ, что въ созданныхъ имъ понятіяхъ отражается объективное положеніе вещей. Если рѣшеніе первой задачи покоилось, главнымъ образомъ, на почвѣ самонаблюденія, т.-е. внутренняго наблюденія переживаній, то рѣшеніе второй задачи имѣетъ въ своей основѣ соединенное съ самонаблю-

деніемъ внѣшнее наблюденіе фактовъ этической жизни, изслѣдованіе причиннаго дѣйствія права и нравственности, т.-е. изученіе того, что находится въ связи съ ними и объясняется ихъ специфическою природою. Такое изслѣдованіе имѣетъ свой глубокій научный смыслъ и основаніе и выгодно отличаетъ психологическую теорію права отъ прежнихъ ученій. Тогда какъ традиціонныя попытки рѣшенія проблемы о существѣ права стремятся отыскать общіе и отличительные признаки группы тѣхъ явленій, которыя привычно на почвѣ профессіонально-юридическаго словоупотребленія принято относить къ праву, и, послѣ затраты времени и силъ на разрѣшеніе неразрѣшимой при такой постановкѣ дѣла задачи, въ результатѣ остаются безъ всякаго научнаго обоснованія и оправданія, психологическая теорія права, благодаря своимъ исходнымъ точкамъ зрѣнія, имѣетъ возможность итти и идетъ дальше, именно стремится доказать, что указанные ею отличительные признаки права и нравственности имѣютъ дѣйствительное и объективное значеніе въ общественной жизни и объясняютъ различныя явленія ея, какъ слѣдствія указанныхъ основныхъ свойствъ.

Переходя къ изложенію свойствъ и тенденцій, характерныхъ для права, съ одной стороны, и нравственности, съ другой, какъ ихъ понимаетъ психологическая теорія, коснемся, прежде всего, различія въ интеллектуальномъ составѣ тѣхъ и другихъ переживаній.

Какъ извѣстно, сознаніе долга, обязанности, этическое сознаніе, или этическія переживанія, слагаются изъ представленія какого-либо поведенія и особыхъ отвергающихъ или одобряющихъ это поведеніе эмоцій долга. Сверхъ представленія извѣстнаго поведенія (или объектовъ обязанности) въ составѣ этическихъ переживаній могутъ присутствовать иныя представленія: представленія субъектовъ обязанности; условій, отъ

наличности коихъ зависитъ обязательность извѣстнаго поведенія; различныхъ внѣшнихъ авторитетовъ и фактовъ, устанавливающихъ его обязательность.

Сообразно съ особенностями видовъ этики—права и нравственности—заключающихся въ различіи лежащихъ въ ихъ основѣ эмоцій, интеллектуальный составъ этихъ видовъ также имѣетъ свои особенности. Въ составѣ правовыхъ переживаній, въ зависимости отъ аттрибутивнаго (притязательнаго) характера правовыхъ эмоцій, имѣются сверхъ представленій субъектовъ и объектовъ обязанности, еще представленія субъектовъ и объектовъ права, притязанія; праву свойственна парность субъектныхъ и объектныхъ представленій, въ отличіе отъ нравственности, составъ которой въ этомъ отношеніи бѣднѣе, проще, имѣетъ не парный, а простой, односторонній характеръ (здѣсь имѣются только субъекты и объекты обязанности, безъ субъектовъ и объектовъ притязаній).

Какъ извѣстно, съ природою правовыхъ и нравственныхъ эмоцій связано проецированіе во внѣ въ качествѣ объективно существующихъ, на самомъ дѣлѣ мнимыхъ, реальностей—обязанностей и нормъ. И опять-таки въ области права по той же причинѣ сверхъ проекцій обязанностей происходитъ проецированіе правъ, притязаній. Правовыя нормы (соотвѣтственныя правила поведенія), въ отличіе отъ нравственныхъ нормъ, представляются не только обременяющими, обязывающими, но въ то же время и надѣляющими, закрѣпляющими подлежащія обязанности за другими, какъ ихъ добро, активъ.

Затѣмъ, притязательнымъ же характеромъ права объясняются различія во внѣшнихъ формахъ отраженія и выраженія правовыхъ и нравственныхъ переживаній, въ структурѣ соотвѣтственныхъ выраженій на-

родныхъ языковъ, формѣ изложенія соотвѣтственныхъ памятниковъ и проч. Правовая символика, установленіе обязанностей путемъ договора, распоряженіе чужими обязанностями (уступка своихъ правъ) и т. под. явленія также причинно связаны съ аттрибутивностью права и потому не имѣютъ мѣста въ области нравственности.

Указанныя особенности правовой психики опровергаютъ общее воззрѣніе прежнихъ школъ на право, какъ на велѣнія (положительные приказы и запреты), обращенныя къ гражданамъ со стороны другихъ (государственной власти и т. п.), такъ какъ при такомъ пониманіи природы права „необъяснимо, откуда является указанный интеллектуальный составъ правовыхъ явленій, откуда являются правоотношенія, права сторонъ, противостоящихъ обязаннымъ, и т. д.“ („Теорія“, стр. 142). Съ другой стороны, указанныя и подлежащія еще указанію ниже особенности правовой психики имѣютъ мѣсто, несомнѣнно, не только въ области тѣхъ группъ явленій, которыя традиціонное воззрѣніе относитъ къ праву, но и въ области тѣхъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній, которыя традиціонное воззрѣніе къ праву не относитъ; они адэкватны, стоятъ въ причинной связи съ характернымъ признакомъ болѣе обширнаго класса явленій, чѣмъ право въ смыслѣ юридическаго словоупотребленія, а потому оправдываютъ объективно-научное значеніе не прежняго понятія права, а предложенное психологической теоріей понятіе права, какъ императивно-аттрибутивныхъ переживаній.

Продолжая объективное обоснованіе своихъ понятій права и нравственности, проф. Петражицкій указываетъ затѣмъ на различное мотиваціонное и воспитательное дѣйствіе нравственныхъ и правовыхъ переживаній.

„Существенное значеніе этическихъ переживаній и нравственнаго и правового типа въ человѣческой жизни состоитъ въ томъ, что они 1) дѣйствуютъ въ качествѣ мотивовъ поведенія, побуждаютъ къ совершенію однихъ дѣйствій, къ воздержанію отъ другихъ (мотиваціонное дѣйствіе этическихъ переживаній); 2) производятъ извѣстныя измѣненія въ самой (диспозитивной) психикѣ индивидовъ и массъ, развиваютъ и усиливаютъ однѣ привычки и склонности, ослабляютъ и искореняютъ другія (педагогическое, воспитательное дѣйствіе этическихъ переживаній)“ [1]).

Что касается мотиваціоннаго дѣйствія этическихъ переживаній, то сознаніе правового долга оказываетъ при прочихъ равныхъ условіяхъ болѣе сильное и рѣшительное давленіе на поведеніе, нежели сознаніе нравственнаго, безъ права для другихъ, долга, такъ какъ въ первомъ случаѣ имѣется не простая обязанность, а закрѣпленная за другимъ, какъ его добро, активъ, на который онъ можетъ притязать, сообразованіе поведенія происходитъ не только со своею обязанностью, но и съ притязаніемъ другого.

Еще болѣе ярко, по ученію проф. Петражицкаго, проявляется различіе между правомъ и нравственностью, какъ мотивами поведенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтственныя переживанія выступаютъ въ качествѣ сознанія долженствованій другихъ по нашему адресу. Безпритязательное, ничѣмъ насъ не надѣляющее нравственное сознаніе не оказываетъ въ данномъ случаѣ никакого специфическаго вліянія на наше поведеніе, тогда какъ притязательная, правовая психика, исходящая изъ сознанія своего права, а не простой обязанности другого, является поощряющимъ и авторитетно санкціонирующимъ побужденіемъ къ такому

[1]) „Теорія“, стр. 143.

поведенію, которое соотвѣтствуетъ содержанію нашего права; другими словами, въ области права существуетъ не только пассивная этическая мотивація (т.-е. мотивація, исходящая изъ сознанія своихъ обязанностей), но и активная этическая мотивація, исходящая изъ сознанія своихъ правъ, требованій.

Послѣдняя мотивація имѣетъ большое значеніе въ соціальной жизни. „При отсутствіи этого фактора соціальный строй въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, не могъ бы существовать. Существующее распредѣленіе имуществъ и соотвѣтственный экономическій строй и экономическая жизнь зиждутся не только на томъ, что члены общества уважаютъ и соблюдаютъ имущественныя права другихъ, но и на томъ, что эти другіе приписываютъ себѣ соотвѣтственныя права и поступаютъ сообразно съ этимъ“ (Теорія, стр. 148).

Всѣ эти различія въ мотиваціонномъ дѣйствіи права и нравственности отражаются и въ воспитательномъ дѣйствіи этихъ видовъ этики, такъ какъ воспитательное ихъ дѣйствіе есть не что иное, какъ продуктъ и результатъ безчисленнаго множества мотиваціонныхъ воздѣйствій. Въ частности сознаніе своихъ правъ оказываетъ на человѣка то важное воспитательное вліяніе, что оно дѣлаетъ его гражданиномъ по характеру, сообщаетъ ему сознаніе собственнаго достоинства и предохраняетъ его отъ развитія разныхъ недостатковъ характера и поведенія, связанныхъ съ отсутствіемъ надлежащаго сознанія собственнаго достоинства и уваженія къ самому себѣ. Нравственность не оказываетъ такого воспитательнаго вліянія, зато она подготовляетъ индивидовъ и массы къ воспріятію правового сознанія въ тѣхъ областяхъ жизни, гдѣ на данной ступени развитія психика индивида и народа не можетъ еще его воспринять: многое, чего нельзя потребовать въ качествѣ обязательнаго и закрѣпленнаго за дру-

гимъ, какъ его право, можетъ быть предписано, какъ просто обязательное, подлежащее исполненію не во что бы то ни стало, а въ предѣлахъ и по мѣрѣ силъ каждаго. Но есть и такія области поведенія, гдѣ, во всякомъ случаѣ, разумна и желательна только чисто императивная, а отнюдь не императивно-аттрибутивная нормировка.

Сообразно съ различною природою права и нравственности, различно и отношеніе этихъ вѣтвей этики къ исполненію и неисполненію соотвѣтственныхъ предписаній.

Съ точки зрѣнія правовой (притязательной) психики важно, главнымъ образомъ, чтобы было удовлетворено право, аттрибутивная сторона правоотношенія, исполненіе же обязаннымъ своего долга важно лишь какъ средство (и притомъ не единственно возможное средство) для осуществленія права. Напротивъ, въ безпритязательной (нравственной) психикѣ исполненіе долга важно само по себѣ, а не какъ средство удовлетворенія права другого. Этимъ объясняются разныя характерныя явленія въ области права и особенности его по отношенію къ нравственности, явленія, непонятныя съ точки зрѣнія господствующаго ученія о правѣ, какъ о велѣніяхъ гражданамъ со стороны государства или иныхъ общеній.

Главнѣйшими изъ такихъ характерныхъ особенностей права по сравненію съ нравственностью являются слѣдующія: 1) возможность исполненія правового долга посторонними лицами вмѣсто самихъ обязанныхъ. Такъ, если дядя уплачиваетъ долги своего племянника, хотя бы безъ вѣдома послѣдняго, обязанность племянника считается исполненной и кредиторъ удовлетвореннымъ. Подобное явленіе невозможно въ сферѣ нравственности; 2) возможность исполненія правового долга черезъ представителей, т.-е. третьихъ лицъ, дѣй-

ствующихъ отъ имени и за счетъ обязаннаго, хотя бы безъ его вѣдома и желанія, напр., совершеніе этихъ дѣйствій черезъ опекуновъ, управляющихъ имуществомъ обязаннаго и т. п. Опять-таки въ области исполненія нравственнаго долга представительство въ указанномъ смыслѣ недопустимо: оказаніе, напр., помощи ближнему во имя нравственнаго долга потеряло бы свой нравственный характеръ при исполненіи его безъ вѣдома или противъ желанія обязаннаго. Конечно, и здѣсь возможно порученіе другому, но не въ смыслѣ техническаго представительства; 3) возможность принудительнаго осуществленія требованій права при отсутствіи добровольнаго исполненія долга со стороны обязаннаго. Исполненіе же нравственныхъ обязанностей можетъ быть только добровольное; 4) возможность удовлетворенія правовой психики случайнымъ, безъ желанія и намѣренія обязаннаго, исполненіемъ долга, что также невозможно по отношенію къ нравственному долгу; 5) возможность удовлетворенія правовой психики независимо отъ мотивовъ исполненія обязанностей, хотя бы дѣйствіе обязаннаго было вызвано какими-либо посторонними для права мотивами, напр., эгоистическими, желаніемъ достигнуть для себя какой-либо выгоды, страхомъ невыгодъ и проч. Исполненіе же нравственнаго долга возможно лишь по нравственнымъ мотивамъ.

Опять-таки слѣдуетъ подчеркнуть, что и эти особенности права связаны не съ правомъ въ юридическомъ смыслѣ, а съ болѣе обширною группою явленій, со всѣми императивно-аттрибутивными переживаніями, и потому доказываютъ научно-объективную годность именно этого класса явленій, а не права въ смыслѣ традиціонной юриспруденціи.

То же самое относится и къ неисполненію нравственныхъ и правовыхъ обязанностей и къ вызы-

ваемымъ этимъ реакціямъ въ области нравственной и правовой психики.

Нѣкоторыя послѣдствія нарушенія долга общи для права и нравственности сообразно общей, родовой природѣ этихъ явленій. Такъ, дѣйствующіе вопреки своему этическому (какъ нравственному, такъ и правовому) сознанію переживаютъ приступы и усиленія этическихъ, авторитетно-порицающихъ эмоцій по адресу поведенія, нарушающаго долгъ, безпокойство и отрицательныя чувства (страданія). Нарушившіе свой долгъ впослѣдствіи переживаютъ угрызенія совѣсти и т. п. При возможности устранить послѣдствія нарушенія, повторные приступы соотвѣтственныхъ этическихъ переживаній побуждаютъ къ такой обратной передѣлкѣ сдѣланнаго, напр., къ возвращенію отнятаго и т. п. Нарушеніе какъ того, такъ и другого долга имѣетъ тенденцію одинаково вызывать извѣстную реакцію въ психикѣ и поведеніи третьихъ лицъ, именно, появленіе авторитетно-порицающихъ нарушеніе эмоцій и отрицательныхъ чувствъ, неудовольствій, а также соотвѣтственное отношеніе къ личности нарушителя, увѣщанія исправить дѣло и т. п.

Но, затѣмъ, сообразно специфическому различію эмоцій правовой и нравственной психики, имѣются, съ точки зрѣнія Петражицкаго, и специфическія различія въ области реакцій на нарушенія.

Правовой психикѣ, въ отличіе отъ нравственной, спеціально свойственно, во-первыхъ, стремленіе достигнуть осуществленія права независимо отъ желанія или нежеланія обязаннаго. Такъ какъ долгъ послѣдняго закрѣпленъ за противостоящимъ лицомъ, какъ его добро, то, естественно, за обязаннымъ не признается свобода усмотрѣнія исполнить или не исполнить его. Эта тенденція правовой психики проявляется въ обращеніи къ обязанному съ требованіями объ

исполненіи лежащаго на немъ долга, въ угрозахъ, физическомъ воздѣйствіи на личность обязаннаго, въ осуществленіи права, гдѣ это возможно, безъ испрашиванія согласія или несмотря на несогласіе или даже физическое сопротивленіе обязаннаго, въ обращеніи за помощью къ другимъ, къ членамъ рода въ эпоху родового быта, къ органамъ власти и т. п., и въ соотвѣтственной помощи этихъ другихъ. На низшихъ ступеняхъ культуры большую роль въ области осуществленія права играетъ самоуправство. На высшихъ ступеняхъ культуры оно постепенно вытѣсняется и замѣняется организованными дѣйствіями государственной власти, причемъ развивается цѣлая система правилъ, регулирующихъ принужденіе обязаннаго къ исполненію долга.

Въ противоположность вышеизложенному о правѣ, въ области нравственной психики, гдѣ обязанному предоставляется свобода выбора поведенія, гдѣ долгъ свободенъ отъ закрѣпленія его за другимъ, не только физическое принужденіе, но и словесное заявленіе требованій и притязаній сознается, какъ неумѣстное и противное природѣ этой вѣтви этики.

Небезынтересно отмѣтить, что указанная тенденція правовой психики на почвѣ пріемовъ изслѣдованія традиціонной юриспруденціи послужила источникомъ къ возведенію „принужденія“ въ существо права, и на этой почвѣ возникло ученіе, по которому общимъ и отличительнымъ признакомъ права является „принудительность“, „принудительная сила“ правовыхъ нормъ. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, принужденіе есть явленіе постороннее для самой сущности права и стоитъ съ послѣднимъ только въ причинной связи, а потому не всегда, не въ каждомъ конкретномъ случаѣ, имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности; бываетъ и такъ, что нарушеніе правового долга не влечетъ за

собою принужденія и тому под. реакціи.

Затѣмъ, такъ какъ исполненіе правовой обязанности представляется по отношенію къ другой сторонѣ не причиненіемъ ей добра, не благодѣяніемъ, а исполненіемъ того, что ей высшимъ авторитетомъ предоставлено и закрѣплено за нею, какъ ея добро, а неисполненіе такой обязанности является лишеніемъ причитающагося, посягательствомъ на добро другого, то сообразно съ общимъ закономъ эмоціональной психики неисполненіе правовыхъ обязанностей вызываетъ злостную и мстительную реакцію по адресу неисполняющаго свой долгъ, что выражается, между прочимъ, на низшихъ ступеняхъ культуры въ мщеніи нарушителю съ приглашеніемъ для помощи друзей, сосѣдей, сородичей и т. п., а на высшихъ—въ обращеніи къ представителямъ общей высшей власти съ жалобой на нарушителя и требованіемъ наказанія и т. п. Иное положеніе вещей въ данномъ случаѣ наблюдается въ области нравственной, безпритязательной психики. Такъ какъ нравственный долгъ не закрѣпленъ за другой стороной, какъ ея добро, а, напротивъ, свободенъ отъ притязаній другого, то и неисполненіе его не представляется причиненіемъ ущерба, минуса и лишеніемъ другой стороны того, что ей причитается, а потому здѣсь нѣтъ мѣста для мести по адресу не исполняющаго свой долгъ. Нравственная психика, въ противоположность правовой, имѣетъ мирный характеръ.

Этическія убѣжденія разныхъ лицъ могутъ не совпадать, возможны и очень часты несогласія въ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ о взаимныхъ обязанностяхъ и правахъ. При такомъ разногласіи мирный характеръ нравственности, конечно, не влечетъ за собою опасныхъ конфликтовъ и разрушительныхъ послѣдствій. Иное положеніе въ области права. Въ притязатель-

номъ характерѣ правовой психики „кроется опасное взрывчатое вещество, психическій источникъ разрушенія, злобы и мести", какъ говоритъ проф. Петражицкій.

Но съ этимъ связана и этимъ объясняется дальнѣйшая характерная особенность права, а именно тенденція права къ такому развитію и приспособленію, которое направлено на согласованіе и совпаденіе правовыхъ убѣжденій различныхъ лицъ. Эту тенденцію проф. Петражицкій называетъ унификаціонной или объединительной. Она проявляется въ разныхъ формахъ и направленіяхъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить процессъ выработки и признанія единыхъ общихъ правилъ права, единаго шаблона общихъ нормъ, изъ которыхъ должны выводиться конкретныя права и обязанности и по которымъ должны рѣшаться возникающія разногласія. Средствомъ для этого, прежде всего, является позитивное право, т.-е. такое право, въ области котораго мнѣнія о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ представляютъ не индивидуально - самостоятельныя, автономныя мнѣнія, а опредѣляются разными объективными фактами, напр., тѣмъ, что такъ поступали отцы и дѣды, таковъ установившійся порядокъ (обычное право), тѣмъ, что такъ установлено начальствомъ (законное право) и т. д. Такъ какъ эти факты для всѣхъ одинаково опредѣляютъ права и обязанности, то и получается (не абсолютное, конечно) совпаденіе соотвѣтственныхъ мнѣній у лицъ, ссылающихся на нихъ. Этой же задачѣ служатъ разныя другія средства. Такъ, въ случаѣ сомнѣній, какое позитивное право должно примѣняться въ извѣстныхъ случаяхъ, въ извѣстномъ мѣстѣ, къ извѣстнымъ лицамъ и т. д. — появляется выработка опредѣленныхъ правилъ для рѣшенія такихъ вопросовъ.

Указанную особенность права авторъ психологической теоріи называетъ тенденціей развитія единаго шаблона нормъ.

Процессъ выработки единаго шаблона нормъ сводитъ въ извѣстной степени къ одному знаменателю правовыя мнѣнія различныхъ лицъ, даетъ общія нормы; но этого еще недостаточно: возможны разногласія относительно содержанія общихъ нормъ, относительно размѣра правъ и обязанностей, условій ихъ возникновенія, прекращенія и т. п. Для предотвращенія и этихъ разногласій праву свойственно стремленіе къ точному опредѣленію объектовъ обязанностей-правъ, къ точному предопредѣленію тѣхъ обстоятельствъ, съ наличностью коихъ связывается наличность обязанностей-правъ и т. д. Эта особенность права носитъ названіе тенденціи точной опредѣленности содержанія и объема правовыхъ представленій и понятій. Напротивъ, нравственности свойственна противоположная тенденція: ея предписанія ограничиваются лишь указаніемъ общихъ направленій рекомендуемаго поведенія (будьте кротки, милосердны, помогайте нуждающимся и т. п.).

Но и точная опредѣленность не всегда достаточна, не всякій точно опредѣленный фактъ поддается контролю и доказательству. Не поддаются контролю многіе (но не всѣ) психическіе факты и нѣкоторые физическіе факты, напр., такой важный во многихъ областяхъ права (въ области наслѣдственныхъ, семейственныхъ, сословныхъ и иныхъ правъ) фактъ, какъ фактъ происхожденія (зачатія) даннаго лица отъ мужа его матери. Отсюда третья тенденція права, по понятнымъ причинамъ отсутствующая въ области безпритязательной, нравственной психики, — стремленіе права къ связыванію правъ съ такими фактами, которые поддаются контролю и доказуемости и тѣмъ

устраняютъ правовые споры, конфликты и т. п., иначе, стремленіе права къ достиженію контролируемости и доказуемости релевантныхъ фактовъ. Поэтому же большую роль въ правѣ играютъ письменные документы, нотаріальныя засвидѣтельствованія, свидѣтельскія показанія и проч.

Однако, указанное выше развитіе и приспособленіе права все-таки не исключаетъ абсолютно всякіе поводы для правовыхъ разногласій между сторонами. Стороны могутъ держаться однѣхъ и тѣхъ же общихъ нормъ права, но не сходиться въ подведеніи даннаго конкретнаго случая вполнѣ или въ части подъ данное общее правило. Необходима поэтому унификація (объединеніе) конкретныхъ правоотношеній. Средствомъ для этого является обращеніе спорящихъ къ третьему, незаинтересованному лицу съ просьбой разобрать и рѣшить ихъ споръ, и потому на почвѣ права и въ связи съ его притязательной природой возникаетъ явленіе суда. Послѣдній существуетъ не только въ области права въ юридическомъ смыслѣ, но въ области всѣхъ вообще императивно-аттрибутивныхъ переживаній. Съ другой стороны, явленіе суда, соотвѣтственное разбирательство споровъ объ обязанностяхъ и правахъ, отсутствуетъ въ области нравственности.

Въ результатѣ дѣйствія совокупности указанныхъ законовъ-тенденцій правовой психики и ея развитія получается прочная нормировка индивидуальнаго и массоваго поведенія, прочный и опредѣленный порядокъ. Отдѣльнымъ индивидамъ и массамъ можно и приходится сообразоваться съ этимъ порядкомъ, полагаться и разсчитывать на него въ такомъ или иномъ устроеніи жизни. Нравственность по природѣ своей не въ состояніи создать прочный и опредѣленный порядокъ. Она улучшаетъ и смягчаетъ со-

ціальное поведеніе, но потребности въ прочной нормировкѣ не удовлетворяетъ.

Общественныя функціи права. Для правильнаго представленія о соціальномъ значеніи права важно имѣть въ виду еще весьма существенныя для соціальной жизни функціи права: 1) распредѣлительную и 2) организаціонную. Существо первой сводится къ распредѣленію различныхъ благъ между отдѣльными индивидами и группами. Такъ, напр., участки земли и другія средства и орудія производства и предметы потребленія распредѣляются между индивидами и группами. Природа этого распредѣленія состоитъ въ надѣленіи индивидовъ и группъ различными правами на эти блага, въ силу которыхъ субъекты правъ получаютъ возможность пользоваться и распоряжаться ими. Сюда относится, прежде всего, право собственности, являющееся основнымъ типомъ и главнымъ базисомъ распредѣленія хозяйственныхъ благъ. Въ силу этого права собственникъ можетъ оказывать любое воздѣйствіе на вещь, за исключеніемъ особо изъятыхъ воздѣйствій, а всѣ прочіе обязаны терпѣть всякія воздѣйствія на вещь съ его стороны; вторымъ составнымъ элементомъ собственности является лежащая на всѣхъ, закрѣпленная активно за собственникомъ, общая обязанность воздержанія отъ посягательства на чужую вещь и соотвѣтствующее ей общее право собственника на свободу отъ посягательствъ со стороны другихъ. Сюда же относятся затѣмъ прочія такъ наз. вещныя права, права на чужія вещи, напр., сервитутъ водопоя или пастьбы скота на землѣ сосѣда; далѣе, разныя монопольныя права и многія другія.

На ряду съ распредѣленіемъ хозяйственныхъ благъ правовая психика производитъ надѣленіе гражданъ разными идеальными благами: неприкосновенностью

личности, чести, свободою совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ и проч.

Нравственность, чисто императивная этика, по природѣ своей никого ничѣмъ не надѣляетъ, никакихъ благъ ни за кѣмъ не закрѣпляетъ, никакой принадлежности не создаетъ.

Существо организаціонной функціи права состоитъ въ томъ, что правовая психика надѣляетъ разныхъ субъектовъ особыми представляемыми объектами—„властью". Реально существуютъ въ данномъ случаѣ, какъ и вообще въ области правовыхъ явленій, только правовыя переживанія (соотвѣтственныя сложныя эмоціонально-интеллектуальныя сочетанія), на почвѣ коихъ проецируются на разныя лица особыя права и обязанности. Содержаніе этихъ правъ-обязанностей состоитъ въ обязанностяхъ однихъ (подвластныхъ) исполнять извѣстныя или вообще всякія приказанія другихъ (надѣленныхъ властью) и терпѣть извѣстныя или вообще всякія воздѣйствія со стороны этихъ другихъ; обязанности эти закрѣплены за другими, какъ ихъ права (притязанія на послушаніе и правомочія на соотвѣтственныя дѣйствія,—кары и проч.).

Слѣдуетъ различать общія власти и спеціальныя. Въ первыхъ подвластные обязаны повиноваться всякимъ велѣніямъ властвующихъ и терпѣть всякія ихъ воздѣйствія, за исключеніемъ развѣ особо изъятыхъ. Во вторыхъ обязанности однихъ и права другихъ ограничены опредѣленною областью поведенія, напр., областью служебныхъ отношеній (власть университетскаго, гимназическаго начальства) по отношенію къ подчиненнымъ.

Далѣе, тѣ и другія власти слѣдуетъ дѣлить на 1) служебныя или соціальныя и 2) господскія. Къ первымъ относятся такія власти, съ которыми сочетаются правовыя обязанности заботиться о

благѣ подвластныхъ или объ общемъ благѣ извѣстнаго общественнаго союза (семьи, рода, племени, государства). Онѣ подлежатъ осуществленію въ предѣлахъ этой обязанности и какъ средство ея исполненія. Къ господскимъ относятся такія власти, которыя подлежатъ свободному пользованію со стороны господина для своихъ личныхъ, имущественныхъ или иныхъ цѣлей и интересовъ, напр., власть господина по отношенію къ рабу, помѣщика по отношенію къ крѣпостнымъ, барина по отношенію къ лакею и иной домашней прислугѣ и т. п.

На низшихъ ступеняхъ культуры власти различнаго рода имѣютъ неограниченный характеръ, включая право смертной казни по отношенію къ подвластнымъ и т. п. права распоряженія судьбою подвластнаго въ разныхъ отношеніяхъ. Эволюція власти происходитъ въ направленіи ограниченія ея въ различныхъ отношеніяхъ.

На почвѣ указанныхъ переживаній властвующихъ и подвластныхъ получается то, что одни повелѣваютъ, распоряжаются общими дѣлами, наказываютъ провинившихся и проч., а другіе это безропотно переносятъ, исполняютъ распоряженія первыхъ и проч. На этой именно почвѣ зиждутся различныя соціальныя организаціи. Для уясненія природы соціальныхъ организацій, въ особенности государства, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ этихъ организаціяхъ имѣется обыкновенно не одна власть, а нѣсколько или много властей и субъектовъ, ими надѣленныхъ: права повелѣнія и проч. приписываются многимъ лицамъ. Такъ, въ семьѣ дѣти обязаны повиноваться нянькѣ, матери, отцу, старшимъ вообще; въ родовыхъ группахъ, кромѣ семейныхъ властей, имѣются еще родовыя власти, власть родоначальника и т. д. Въ государствѣ властей и ихъ субъектовъ еще больше. Распоряженія этихъ

властей могутъ противорѣчить другъ другу, но во избѣжаніе могущихъ произойти на этой почвѣ столкновеній и недоразумѣній правовой психикѣ свойственно такое приспособленіе, что различныя власти и субъекты ихъ имѣютъ не одинаковое значеніе, распоряженія нѣкоторыхъ изъ нихъ признаются со стороны подвластныхъ и самихъ субъектовъ власти имѣющими обязательное значеніе только въ томъ случаѣ, если нѣтъ иныхъ распоряженій со стороны другихъ властей. Однимъ словомъ, при множественности властей онѣ дѣлятся на первенствующія (или преимущественныя) и послѣдующія (или уступающія).

Во многихъ областяхъ отношеніе между первенствующими и уступающими властями таково, что субъекты первыхъ имѣютъ власть надъ субъектами вторыхъ и притязаніе на то, чтобы подчиненные имъ субъекты власти заботились надлежащимъ образомъ о благѣ ввѣренныхъ ихъ попеченію подвластныхъ и вообще о надлежащемъ веденіи ввѣреннаго имъ дѣла, а субъекты уступающихъ властей обязаны надлежащимъ образомъ вести свое дѣло и исполнять указанія стоящихъ надъ ними субъектовъ первенствующихъ властей. Таково, напр., отношеніе властей няньки и родителей надъ дѣтьми, властей хозяина и приказчика надъ рабочими, властей монарха и министра и дальнѣйшихъ начальствъ, подчиненныхъ министру, и проч. Однимъ словомъ, получается іерархія властей и дѣленіе ихъ на іерархически высшія и низшія.

Общую соціально-служебную власть, надъ которой нѣтъ іерархически высшей власти, почему на субъектѣ ея лежатъ обязанности заботиться объ общемъ благѣ не по адресу другихъ властей, а только непосредственно по адресу подвластныхъ или по адресу самой соціальной группы, проф. Петражицкій называетъ верховною соціальною властью, а человѣче-

скія общества, объединенныя одною такою властью — самостоятельными или независимыми соціальными группами. Эти группы противопоставляютъ себя другимъ подобнымъ группамъ, члены ихъ и субъекты власти объединяются и сплачиваются сознаніемъ долга, взаимной солидарности и вѣрности, причемъ субъектамъ верховной власти принадлежитъ по адресу всякаго постороннаго (въ томъ числѣ и по отношенію другихъ соціальныхъ группъ) право на то, чтобы посторонніе терпѣли осуществленіе со стороны этихъ субъектовъ принадлежащей имъ власти надъ подвластными и не вмѣшивались во внутреннія дѣла группы.

Среди самостоятельныхъ соціальныхъ группъ слѣдуетъ различать группы, состоящія изъ людей, связанныхъ узами родства и соотвѣтственнымъ сознаніемъ взаимныхъ обязанностей и правъ, имущественныхъ (обязанностями и правами пропитанія, наслѣдованія и проч.) и личныхъ, и группы неродственныя, союзы между чужими, безъ приписыванія правоотношеній родства.

Неродственныя самостоятельныя соціальныя группы или союзы и суть государства. Вопреки взгляду традиціонной юриспруденціи, осѣдлость, наличность опредѣленной территоріи не требуются для бытія государства. Верховная власть въ государствахъ приписывается народною психикою разнымъ существамъ: въ теократическихъ государствахъ — божеству, такъ что фактическіе правители (жрецы и т. п.) являются іерархически подчиненными субъектами власти; въ свѣтскихъ государствахъ она принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ, монархамъ, или коллективнымъ учрежденіямъ, парламентамъ и т. п. [1]).

---

[1]) Въ нашемъ изложеніи мы за недостаткомъ мѣста не касаемся выясненія психологической теоріей существа семейныхъ властей, отеческой и мужней, и многихъ другихъ интересныхъ

Иное ученіе о сущности разныхъ властей, въ частности и государственной власти, даютъ прежнія школы. Подъ государственной властью онѣ понимаютъ единую, обладающую принудительною, непреодолимою силою волю государства, какъ особой личности. Какъ видно изъ изложеннаго выше, государственная и вообще всякая власть есть не воля и не сила, вообще не нѣчто реальное, а эмоціональная проекція, именно особый видъ приписываемыхъ извѣстнымъ лицамъ правъ. Реальныя же явленія, на почвѣ которыхъ возникаютъ эти проекціи, состоятъ въ соотвѣтственныхъ правовыхъ переживаніяхъ.

Отношеніе государства и права. Выше было выяснено, что правовой психикѣ, вслѣдствіе ея притязательной (аттрибутивной) природы, свойственно стремленіе добиваться силою осуществленія правъ, а также стремленіе къ репрессіи въ области правонарушеній. Съ природою же правовой психики связана потребность въ судѣ, въ рѣшеніи правовыхъ споровъ, потребность въ развитіи однообразнаго и точно опредѣленнаго правового шаблона, вообще въ объединеніи мнѣній относительно взаимныхъ обязанностей-правъ.

И вотъ этимъ потребностямъ идетъ навстрѣчу государство. Будучи продуктомъ права, государство и государственная власть являются слугою права, имѣютъ служебный по отношенію къ праву характеръ. Субъекты государственной власти, въ силу именно своей власти имѣютъ въ своемъ распоряженіи достаточную силу, чтобы доставить удовлетвореніе аттрибутивной сторонѣ правоотношенія въ случаѣ нарушенія ея правъ. Государственная власть удовлетворяетъ въ особенно развитой и приспособленной формѣ потребности въ

вопросовъ, которые находятъ себѣ легкое объясненіе при свѣтѣ психологической теоріи права.

судѣ, учреждая особые органы судебной власти, упорядочивая и нормируя особыми правилами ихъ дѣятельность и ограждая гражданъ отъ самовольнаго примѣненія къ нимъ принужденія и репрессій со стороны другихъ и помимо установленнаго для этого порядка. Государственная же власть удовлетворяетъ и потребности въ единомъ шаблонѣ нормъ. Этому служитъ законодательная функція государственной власти: государственные законы обыкновенно ложатся въ основу приписываемыхъ гражданами другъ другу правъ и обязанностей и т. д., и на этой почвѣ достигается въ извѣстной мѣрѣ объединеніе правовыхъ мнѣній.

Но есть и такія сферы правовой жизни, гдѣ вмѣшательство государственной власти неумѣстно и недопустимо. Помимо разныхъ мелкихъ, не имѣющихъ серьезнаго общественнаго значенія, правовыхъ вопросовъ, оффиціальное вмѣшательство представителей власти, грубыя мѣры принужденія и т. д. неумѣстны и недопустимы въ области интимной жизни, правъ и обязанностей на почвѣ любви и т. п., въ области научной, художественной и иной критики и оцѣнки заслугъ, характера, поведенія и т. п. Но есть и такія сферы правовой жизни, которыя не только не требуютъ и не заслуживаютъ поддержки со стороны государственной власти, но встрѣчаютъ съ ея стороны отрицательное отношеніе и преслѣдованіе, напр., право преступныхъ организацій.

Сообразно со всѣмъ этимъ все право, дѣйствующее внутри государства, дѣлится на двѣ категоріи: 1) право, подлежащее примѣненію и поддержкѣ со стороны представителей государственной власти по долгу ихъ общественнаго служенія (это право проф. Петражицкій называетъ о ф ф и ц і а л ь н ы м ъ), и 2) право, лишенное такого значенія въ государствѣ, иначе, н е о ф ф и ц і а л ь н о е.

Въ области международныхъ отношеній, т.-е. правовыхъ отношеній между государствами, гдѣ нѣтъ выше стоящей надъ ними власти, нѣтъ и соотвѣтственнаго дѣленія права.

Въ заключеніе обзора характерныхъ для права свойствъ и порожденныхъ имъ явленій, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ явленіи, имѣющемъ служебную роль по отношенію къ праву, именно о наукѣ и ученой профессіи—юриспруденціи. Эта наука и профессія есть продуктъ упомянутой выше объединительной тенденціи права и средство удовлетворенія соотвѣтственной соціальной потребности. Задачею ея является дальнѣйшее объединеніе позитивнаго права, приведеніе права въ систему безспорныхъ положеній, которая бы удовлетворяла потребности въ единствѣ въ болѣе полной и совершенной формѣ, чѣмъ само позитивное право.

Сообразно съ этимъ первою задачею юриспруденціи является достовѣрное установленіе тѣхъ нормативныхъ фактовъ, которые служатъ объединенію правовыхъ мнѣній и убѣжденій, какъ-то: законовъ, обычаевъ, судебной практики и т. п., и опредѣленіе истиннаго ихъ состава (текста). Къ этой дѣятельности, называемой „критикою", примыкаетъ дѣятельность, направленная на выясненіе областей примѣненія разныхъ категорій указанныхъ нормативныхъ фактовъ.

Второю задачею юриспруденціи является толкованіе содержанія нормативныхъ фактовъ, т.-е. уясненіе смысла подлежащихъ законодательныхъ изреченій и т. п. Сюда же относятся: 1) опредѣленіе различныхъ понятій, имѣющихъ правовое значеніе, точное опредѣленіе условій даннаго обязательнаго поведенія, категорій лицъ управомоченныхъ и обязанныхъ и т. д.; 2) производство рѣшеній для разныхъ непосредственно

непредусмотрѣнныхъ случаевъ; 3) устраненіе противорѣчій въ правовыхъ предписаніяхъ.

Третьею задачею юриспруденціи является такъ наз. научная обработка права. Эта дѣятельность состоитъ въ выведеніи изъ частныхъ правовыхъ положеній болѣе общихъ съ приведеніемъ ихъ въ систематическій порядокъ и въ обратномъ выводѣ изъ этихъ общихъ понятій и положеній новыхъ, болѣе спеціальныхъ положеній. Наконецъ, четвертою важною дѣятельностью юриспруденціи является рѣшеніе правовыхъ вопросовъ по аналогіи, т.-е. съ помощью законовъ или общихъ принциповъ, предусматривающихъ наиболѣе сходные по природѣ своей съ подлежащими рѣшенію случаи. Къ ней прибѣгаютъ, когда всѣ предыдущіе пріемы объединенія права не даютъ возможности рѣшить данный правовой вопросъ.

Вся эта работа догматической юриспруденціи облегчаетъ и сокращаетъ работу судебной практикѣ. Но несоизмѣримо важнѣе и цѣннѣе въ дѣятельности ученой юриспруденціи другое. Ея работа является болѣе объективной и безпристрастной, чѣмъ всякая иная подобная работа, а потому, вырабатывая систему правоположеній, она „сокращаетъ до минимума просторъ для разныхъ индивидуальныхъ мнѣній и конфликтовъ, тенденціозныхъ толкованій, произвола, попранія интересовъ слабыхъ и проч., — и въ этомъ оправданіе и высокая миссія позитивно-правовой, догматической юриспруденціи“ („Теорія“, 236).

Иное положеніе вещей находимъ въ области нравственности. Ея безпритязательная природа не вызываетъ потребности въ объединеніи мнѣній и устраненіи во что бы то ни стало разногласій. Здѣсь проявляются даже противоположныя правовымъ тенденціи. Напр., не стремленіе точно и безспорно опредѣлить объемъ понятій и различныхъ элементовъ нравствен-

ности, а наоборотъ, стремленіе придать имъ неопредѣленно-растяжимый смыслъ. Напр., точныя понятія убійства, прелюбодѣянія, кражи и т. п. юриспруденціи, въ смыслѣ преступленій противъ нравственности принимаютъ неопредѣленно-растяжимый характеръ: въ смыслѣ нравственномъ и тотъ убиваетъ, кто плохо кормитъ слугъ, не доставляетъ имъ здоровой квартиры и т. п.; кто вводитъ другихъ въ соблазнъ, кто плохо воспитываетъ дѣтей и т. п. Для прелюбодѣянія, съ точки зрѣнія нравственности, достаточно соотвѣтственныхъ взглядовъ, мыслей и т. п.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что указанная выше постановка вопроса о разграниченіи права и нравственности, какъ двухъ качественно-отличныхъ видовъ этики, повидимому, не произвела должнаго впечатлѣнія; по крайней мѣрѣ, высказавшіе свое несогласіе съ обосновываемымъ въ психологической теоріи разграниченіемъ между правомъ и нравственностью, проходятъ мимо обоснованія объективнаго значенія тѣхъ классовъ явленій, которыя охватываются понятіями права и нравственности, предложенными психологической теоріей. Обстоятельство это весьма характерно и симптоматично. Оно указываетъ, что критики не отдаютъ себѣ отчета въ научномъ значеніи такой постановки и рѣшенія подлежащаго вопроса. Для нихъ, повидимому, здѣсь нѣтъ ничего новаго и особеннаго. На самомъ же дѣлѣ, такая постановка дѣла не имѣетъ прецедента въ исторіи науки и означаетъ, какъ уже выяснено выше, выведеніе теоретической науки о правѣ на почву объективнаго изученія и провѣрки ея построеній. Мало того, ученіе психологической теоріи о характерныхъ свойствахъ и тенденціяхъ права и нравственности представляетъ первую попытку создать дѣйствительно научную т е о р і ю права, основанную на сознательныхъ методологическихъ предпосылкахъ,

въ отличіе отъ существовавшей до сихъ поръ совокупности взглядовъ на существо права и нравственности и ихъ элементовъ и разныхъ другихъ ученій, отчасти теоретическаго, отчасти практическаго характера, имѣющихъ болѣе или менѣе общее значеніе. Традиціонной теоріи права недоставало именно того, что въ сущности только и составляетъ содержаніе теоріи, теоретическаго изученія, именно ученія о характерныхъ свойствахъ и тенденціяхъ права, т. е. о томъ, что логически или причинно связано съ существомъ права, имѣется и возникаетъ въ области права и нигдѣ больше. Психологическая теорія представляетъ попытку создать такое ученіе, и въ этомъ, съ научной точки зрѣнія, центръ тяжести въ обоснованіи всѣхъ построеній этой теоріи.

Софія Рынкевичъ.

О природѣ собственности.

Изъ всѣхъ явленій окружающей насъ дѣйствительности, закрѣпленіе благъ за отдѣльными лицами и группами лицъ въ юридической формѣ собственности, несомнѣнно, представляется явленіемъ, наиболѣе тѣсно связаннымъ со всѣми мелкими и крупными, значительными и незамѣтными, сторонами частной и общественной жизни. Различіе между „моимъ“ и „твоимъ“, такъ властно управляющее судьбами человѣчества въ теченіе тысячелѣтій, вросло въ эту жизнь такими прочными корнями, что о немъ создалось представленіе не какъ о результатѣ творческаго взаимодѣйствія человѣческихъ отношеній, а какъ о чемъ-то извѣчномъ, неизмѣнномъ и существующемъ само по себѣ. Но критическая мысль человѣка не можетъ удовлетвориться простымъ констатированіемъ того или иного факта безъ объясненія причинъ его возникновенія; распредѣленіе экономическихъ благъ, какъ фактъ первостепеннаго значенія, вызвало, поэтому, разнообразнѣйшія попытки выясненія факторовъ, въ которыхъ оно находитъ свое обоснованіе и опору, и попытки эти въ области науки права представляютъ особенный интересъ.

Обращаясь къ прошлой и настоящей жизни общества, мы видимъ, что распредѣленіе благъ можетъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ коллективной или индивидуальной собственности—племенной, родовой, семейной, строго-индивидуальной римской, какой мы застаемъ ее въ историческія времена Рима, германской—болѣе проникнутой началами общественности, наконецъ, нашей—современной,—но вездѣ и всегда ему свойствененъ одинъ и тотъ же признакъ: закрѣпленіе опредѣленныхъ благъ за опредѣленнымъ единоличнымъ или коллективнымъ субъектомъ, причемъ закрѣпленіе это переживается, какъ должное, и вызываетъ соотвѣтственное поведеніе въ окружающей средѣ. Насколько постояненъ этотъ признакъ, настолько разнообразны объекты закрѣпленія: ими могутъ быть вещи движимыя и недвижимыя, неодушевленныя и одушевленныя, въ томъ числѣ еще такъ, сравнительно, недавно человѣкъ—рабъ или крѣпостной, ничтожныя и огромныя по размѣру—цѣлыя страны въ періодъ патримоніальныхъ воззрѣній на отношенія монарха къ государству или даже весь міръ въ понятіи dominii Populi Romani, и т. д. Всѣ эти объекты, отнесенныя къ имущественной сферѣ того или иного субъекта, разсматриваются, какъ состоящіе въ его исключительномъ распоряженіи; между ними и постороннимъ лицомъ какъ бы лежитъ невидимая преграда, охраняющая ихъ отъ произвольнаго воздѣйствія со стороны не-собственника и побуждающая всякаго нормальнаго человѣка воздерживаться отъ какихъ бы то ни было посягательствъ на ихъ неприкосновенность. Вслѣдствіе этого создается опредѣленное поведеніе, направленное на уваженіе чужой собственности, независимо отъ того, имѣетъ ли собственникъ возможность непосредственно, путемъ физической силы, отразить нападеніе на принадлежащее

ему имущество или такая активная защита ему недоступна. Значеніе этого поведенія сказывается особенно сильно по отношенію къ такимъ вещамъ, какъ, напр., недвижимость, занимающая иногда грандіозныя пространства, порой самыхъ причудливыхъ очертаній,— или къ такимъ субъектамъ права собственности, какъ дѣти, сумасшедшіе, дряхлые старики. Само собою разумѣется, что ни въ одномъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о примѣненіи физической силы собственника къ огражденію собственности отъ посягательствъ, но, тѣмъ не менѣе, въ обоихъ—указанная выше преграда будетъ дѣйствовать въ томъ же психологическомъ направленіи, оберегая установившійся порядокъ закрѣпленія благъ.

Въ чемъ же состоитъ существо этого закрѣпленія? Иными словами,—въ чемъ состоитъ существо права собственности, санкціонирующаго это закрѣпленіе?

Одну изъ попытокъ рѣшенія этого вопроса мы находимъ въ ученіи о собственности Канта [1]). Согласно съ нимъ, собственность имѣется въ томъ случаѣ, когда вещь въ своей субстанціи принадлежитъ кому-нибудь (das Seine von Jemandem ist), включая въ понятіе принадлежности всѣ права на эту вещь, какъ акциденціи субстанціи, вмѣстѣ съ правомъ собственника распоряжаться ею по своему усмотрѣнію (jus disponendi de re sua). Ключемъ къ пониманію собственности по Канту является, такимъ образомъ, понятіе „принадлежности". Въ общихъ чертахъ оно состоитъ въ слѣдующемъ: „Мое по праву, (juris meum)", говоритъ Кантъ, „есть то, съ чѣмъ я настолько связанъ, что употребленіе его постороннимъ безъ моего согласія могло бы нанести мнѣ ущербъ" [1]). Этотъ ущербъ мо-

[1]) Metaphysische Anfangsgründe einer allgemeinen Rechteslehre, §§ 1—17, Изданіе Hartenstein'a, 1868 г.

[1]) Ibid., стр. 43.

жетъ произойти вслѣдствіе насильственнаго отнятія вещи, находящейся въ моемъ непосредственномъ владѣніи; но такого моего отношенія къ вещи, которое выражается только въ непосредственномъ обладаніи ею, еще не достаточно для того, чтобы она была или сдѣлалась „моею". Для установленія ея принадлежности мнѣ необходимо, чтобы ущербъ испытывался мною и въ томъ случаѣ, если я ею фактически не обладаю, т.-е. если принадлежность мнѣ вещи существуетъ независимо отъ того, находится-ли она при мнѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Содержаніе понятія „моего" и „твоего" выражается въ положеніи: внѣшнее „мое" есть то, что подлежитъ моему употребленію, причемъ всякое стѣсненіе меня въ этомъ употребленіи должно быть для меня ущербомъ, хотя бы въ этотъ моментъ у меня владѣнія (обладанія) и не было. Владѣніе является, вообще, субъективнымъ условіемъ возможности употребленія вещи, а такъ какъ ущербъ осуществляется именно въ области употребленія, то безъ владѣнія невозможенъ и ущербъ. Но владѣніе, какъ отношеніе лица къ вещи, имѣетъ два значенія: съ одной стороны, это—фактическое обладаніе вещью, чувственное владѣніе, съ другой—владѣніе чисто-юридическое, умопостигаемое. Только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно представить себѣ владѣніе, какъ понятіе разума (Vernunftbesitz), и только такое владѣніе безъ фактическаго обладанія (detentio) есть владѣніе умопостигаемое, которое, согласно Канту, и есть непремѣнный признакъ принадлежности вещи опредѣленному субъекту. Возможность ущерба при отсутствіи фактическаго обладанія вещью есть необходимое условіе для того, чтобы она сдѣлалась „моею" или „твоею". Умопостигаемое владѣніе (possessio noumenon) Кантъ, такимъ образомъ, противополагаетъ владѣнію эмпирическому—

физическому обладанію (possessio phaenomenon), не имѣющему для рѣшенія вопроса о принадлежности вещи никакого значенія.

Итакъ, „моимъ“ предметъ становится только при наличности умопостигаемаго владѣнія. Но что же можетъ стать „моимъ“? Нѣтъ ли границъ, дальше которыхъ мой произволъ не можетъ перешагнуть? Нѣтъ,—потенціально „моимъ“ можетъ сдѣлаться каждый внѣшній предметъ, могущій подпасть моему произволу, т.-е.—употребить который по моему усмотрѣнію физически въ моей власти. Отсутствіе такой возможности шло бы въ разрѣзъ съ общимъ закономъ свободы каждаго индивида (mit der Freiheit von Jedermann). Произволъ, т.-е. свободное усмотрѣніе, подлежитъ, какъ и всякое другое понятіе, однимъ и тѣмъ же формальнымъ законамъ чистаго практическаго разума; въ основаніи его лежитъ формальный законъ, регулирующій употребленіе вообще, и, разсматривая произволъ, какъ абстракцію, его нельзя ограничить въ примѣненіи къ внѣшнимъ предметамъ, такъ ккаъ направленный противъ него запретъ былъ бы противорѣчіемъ по отношенію къ внѣшней свободѣ каждаго (Jedermanns). Каждый предметъ, подчиненный моему свободному усмотрѣнію, можно, поэтому, разсматривать, какъ обыкновенно способный сдѣлаться „моимъ“ и „твоимъ:“ это — апріорное предположеніе, постулатъ практическаго разума. Постулатъ этотъ Кантъ называетъ „дозволительнымъ закономъ практическаго разума (Erlaubnissgesetz — lex permissiva) и выводитъ изъ него то полномочіе, которое, по его мнѣнію, вообще нельзя было бы вывести изъ чисто-правовыхъ понятій, а именно—полномочіе (Befugniss) возлагать на другихъ обязанность, иначе не существовавшую бы, воздерживаться отъ употребленія извѣстныхъ предметовъ, подлежащихъ нашему произволу вслѣдствіе того, что они

уже находятся въ нашемъ владѣніи. Постулатъ гласитъ: „Правовая обязанность состоитъ въ такомъ образѣ дѣйствій относительно другихъ, при которомъ каждый могъ-бы сдѣлать своимъ находящееся внѣ его (äussere—Brauchbare) и доступное употребленію [1])". Это „внѣшнее", доступное употребленію,—предметы опыта, т.-е. объекты, существующіе во времени и пространствѣ, а такъ какъ понятіе чисто-юридическаго, умопостигаемаго владѣнія, принадлежа къ области разума, отъ условій пространства и времени не зависитъ, то необходимо найти промежуточную ступень, черезъ которую понятіе умопостигаемаго владѣнія могло бы спуститься въ сферу предметовъ опыта. Этой ступенью служитъ разсудочное понятіе (Verstandesbegriff) владѣнія в о о б щ е, говоря о которомъ, мы представляемъ себѣ не эмпирическое обладаніе (detentio), а способность „имѣть"—das Haben—во-первыхъ, и предметъ, находящійся въ нашей власти—во-вторыхъ. При наличности такого представленія, намъ становится яснымъ, почему вещь, можетъ-быть, весьма удаленная отъ насъ, тѣмъ не менѣе, есть и остается „нашей", въ нашемъ владѣніи: это происходитъ оттого, что отношеніе лица къ вещи—чисто разсудочное. Иначе это и быть не можетъ, такъ какъ только разсудочное понятіе можетъ быть включено въ число понятій правовыхъ, въ свою очередь входящихъ въ кругъ понятій разума.

Умопостигаемое владѣніе (possessio noumenon) обладаетъ „дѣйствительностью законодательства", имѣетъ характеръ общаго закона, и основаніе этой общей дѣйствительности лежитъ именно въ томъ, что практическій разумъ разсматриваетъ владѣніе не какъ эмпирическое явленіе, а какъ разсудочное понятіе, вы-

[1]) Ibid., стр. 50.

текающее изъ общаго понятія свободы. Возможность умопостигаемаго владѣнія не можетъ быть доказана: она существуетъ, какъ непосредственное слѣдствіе правового постулата, практическаго разума. „Никто не долженъ удивляться", говоритъ Кантъ, „что теоретическіе принципы внѣшняго „моего" и „твоего" теряются въ Умопостигаемомъ, не поддаваясь дальнѣйшему познаванію, такъ какъ возможность понятія свободы, на которомъ они (т.-е. эти принципы) покоятся, не можетъ быть теоретически дедуцирована, и о ней можно заключить только изъ практическаго закона разума (категорическаго императива), какъ о его фактѣ [1])".

Такимъ образомъ, умопостигаемое владѣніе, являющееся необходимой предпосылкой возникновенія „моего" и „твоего", т.-е. собственности, само есть слѣдствіе осуществленія лицомъ свободы, выразившагося въ его свободной волѣ (усмотрѣніи, произволѣ). Но для того, чтобы результатъ этой воли—пріобрѣтеніе собственности на вещь,—былъ обязателенъ для всѣхъ, воля не должна быть односторонней: она должна входить, какъ элементъ, въ абсолютно повелѣвающую волю, образовавшуюся черезъ объединеніе воль (произвола) всѣхъ индивидовъ, могущихъ вступить въ практическое отношеніе другъ къ другу. Только такая апріорная, необходимо объединенная воля можетъ быть законодательной, т.-е. порождающей обязанности и права, ибо только въ такомъ случаѣ „возможно согласованіе свободнаго произвола отдѣльнаго лица со свободой каждаго, возможно право вообще, а, слѣдовательно, также внѣшнее „мое" и „твое" [2])".

Таково, въ самомъ суммарномъ изложеніи, ученіе Канта о собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что это ме-

[1]) Ibid., стр. 50.
[2]) Ibid., стр. 63.

тафизическое построеніе страдаетъ чрезвычайной искусственностью и отвлеченностью вообще, спеціальноже для юриста оно является особенно неудовлетворительнымъ изъ-за смѣшенія совершенно разныхъ понятій собственности и владѣнія. Но обойти его молчаніемъ нельзя, такъ какъ помимо значенія личности автора, важно отмѣтить также, что нѣкоторые элементы его какъ, напр., власть собственника надъ вещью и обязанность третьихъ лицъ воздерживаться отъ недозволеннаго воздѣйствія на нее встрѣчаются во всѣхъ послѣдующихъ теоріяхъ прежнихъ и современныхъ намъ цивилистовъ.

Преимущественную важность пріобрѣлъ въ опредѣленіи понятія собственности признакъ власти. Въ господствѣ собственника надъ объектомъ теорія долго видѣла самое существо собственности; варіанты этого ученія о ея природѣ разнились только въ методѣ выясненія предѣловъ и содержанія власти собственника. Старая цивилистика прибѣгала къ подробному перечисленію его полномочій, дѣля ихъ, какъ, напр., Тибо [1]), на два класса: правъ собственности въ строгомъ смыслѣ и правъ пользованія,—но невозможность исчерпать все разнообразіе возможности способовъ использованія вещи собственникомъ привела къ замѣнѣ такого перечисленія однимъ общимъ понятіемъ собственности, которое должно было охватить это явленіе въ наиболѣе яркой, выпуклой формѣ. Собственность характеризуется, какъ право лица на вещь, состоящее въ господствѣ надъ нею. Это господство есть «безусловное полномочіе распоряжаться тѣлесною вещью по произволу въ цѣляхъ собственной пользы» [2]), «полное правовое подчиненіе вещи, полное правовое господство

[1]) System des Pandekten-Rechts, II Buch, § 242. 1846.
[2]) Ibid.

надъ тѣлеснымъ предметомъ» [1]), «непосредственное правовое господство» [2]), преисполняющая существо вещи правовая власть лица» [3]), «право общаго господства» [4]) и т. п. Такое отношеніе лица къ вещи устанавливаетъ между ними связь, которая выражается во внѣ въ двухъ направленіяхъ: собственникъ можетъ дѣлать съ вещью все, что пожелаетъ, и онъ можетъ воспрещать какое бы то ни было воздѣйствіе на нее всякому третьему лицу, другими словами,—онъ надѣленъ положительными и отрицательными полномочіями, по существу своему (an und für sich) совершенно абсолютными и неограниченными, а потому и не поддающимися какому бы то ни было перечисленію [5]).

Теорія эта, несмотря на поддержку ея крупными авторитетами пандектнаго права, вызвала серьезную и основательную критику, указывавшую на несовмѣстимость ея съ вещными правами въ чужой вещи. «Полное», «непосредственное», «безусловное» господство ни въ коемъ случаѣ не мирится съ ограниченіями, налагаемыми на собственность сосѣдскими правами, личными и вещными сервитутами, правомъ вѣчно-наслѣдственнной аренды, залоговыми. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., пожизненное пользовладѣніе, или, еще болѣе,—вѣчно-наслѣдственная аренда, сводятъ право собственника къ минимуму, при которомъ о какомъ бы то ни было господствѣ не можетъ быть и рѣчи. Наличность этихъ ограниченій, конечно, не отрицалась и защитниками теоріи господства; примиреніе создававшагося такимъ образомъ противорѣчія они постарались обосновать

---

[1]) Puchta. Pandekten, § 144. 1866.

[2]) Wächter. Pandekten, § 118.

[3]) Pagenstecher. Die römische Lehre vom Eigentum. § 1.

[4]) Dernburg. Pandekten, §

[5]) Sell. Römische Lehre der dinglichen Rechte oder Sachen-Rechte. § 9. 1852.

ссылкой на такъ наз. jus recadentiae—т.-е. на эластичность права собственности, въ силу которой собственность, подобно сжатому упругому тѣлу, стремится, по отпаденіи сжимающихъ ее ограниченій, принять прежнюю форму и объемъ. Но, если таковъ именно результатъ отпаденія ограниченій, то на время ихъ существованія господство, все-таки, болѣе или менѣе исключено, а слѣдовательно, и не можетъ быть постояннымъ признакомъ для образованія понятія о природѣ собственности какъ самостоятельнаго правового явленія. «Если бы господство входило въ понятіе собственности, то права въ чужой вещи могли бы существовать только за счетъ этого понятія... существованіе правъ въ чужой вещи было бы длящимся нарушеніемъ существа собственности», говоритъ Виртъ [1]). Протестуя противъ оспариваемаго имъ взгляда, онъ предлагаетъ новую конструкцію, воспринятую затѣмъ Бринцемъ [2]) и подтвержденную Вангеровымъ [3]), а именно: собственность есть правовое отношеніе принадлежностности—ein rechtliches Pertinenzverhältniss. Вещь есть принадлежность человѣка, дополненіе и какъ бы продолженіе его личности—sein verlängertes ego: въ этомъ и заключается самое существо собственности, тогда какъ господство собственника надъ вещью является лишь естественнымъ слѣдствіемъ отношенія принадлежности, которое само по себѣ есть чисто объективная основа такого господства. При такомъ построеніи собственности вещныя права постороннихъ лицъ на ту же вещь, о которыхъ говорилось выше, не нарушаютъ, по мнѣнію Вирта, цѣлостности ея существа. Разница между ними и правомъ собственности, лежитъ, во-первыхъ, въ опредѣленности границъ власти, которыя при соб-

[1]) Wirth. Beiträge zur Systematik des römischen Rechts. § 35.
[2]) Brinz. Pandekten, 2 Auflage, § 130.
[3]) S. Wangerow. Lehrbuch der Pandekten, § 295.

ственности совпадаютъ съ предѣлами самой тѣлесной вещи и внутри коихъ власть собственника выражается въ свободномъ произволѣ, между тѣмъ какъ объемъ права посторонних лицъ зависитъ отъ основанія, на которомъ зиждется это право (напр., сервитутъ прохода по чужому участку, залогъ и т. п.). Во-вторыхъ, они отличаются другъ отъ друга и характеромъ господства: господство собственника естественно вытекаетъ изъ принадлежности ему вещи, надъ которою онъ властвуетъ, «какъ надъ самимъ собою», права же третьихъ лицъ создаютъ искусственное господство, исчезающее вмѣстѣ съ отпаденіемъ основанія этихъ правъ. Исчезновеніе господства надъ вещью третьихъ лицъ возвращаетъ собственнику его неопредѣленно-обширное полномочіе и эластичность собственности проявляется во всей ея полнотѣ, не противорѣча идеѣ правовой принадлежности, остающейся неизмѣнною при любомъ объемѣ этихъ полномочій.

Эластичность собственности составляетъ, по мнѣнію почти всѣхъ теоретиковъ этого вопроса, ея существенный и необходимый элементъ.—Пагенштехеръ видитъ въ ней «безошибочный признакъ настоящей собственности», но не меньшее вниманіе отводится нѣкоторыми также и ея отрицательной сторонѣ—элементу исключительности правъ собственника, въ силу коей онъ можетъ воспрепятствовать всякому постороннему воздѣйствію на вещь. Однако, одно указаніе на содержаніе права собственности не въ состояніи, согласно Бекингу [1]), вскрыть истинную природу этого правового явленія: единственно правильный путь—путь логическаго отвлеченія. Существо собственности—чисто абстрактное, и господство собственника

[1]) Böcking. Einleitung in die Pandekten des gemeinen Ziwilrechts, § 134.

надъ тѣлесною вещью характеризуется неопредѣленностью, способной къ разнообразнѣйшимъ опредѣленнымъ проявленіямъ во-внѣ.

Какъ видно изъ изложеннаго, обѣ теоріи, различно подходя къ рѣшенію вопроса, сходятся въ одномъ: собственность представлена въ нихъ, какъ связь лица съ вещью. Иначе отвѣчаетъ на него теорія, видящая въ вещномъ правѣ, какъ и во всѣхъ правоотношеніяхъ вообще, только связь лица съ лицомъ. Съ этой точки зрѣнія, оспариваемой Дернбургомъ [1]) и защищаемой Виндшейдомъ [2]), а также, въ новѣйшее время, Киппомъ [3]), (отчасти и Гирке [4]), вещное право содержитъ въ себѣ только запреты. Оно по существу своему отрицательно и направлено только на предоставленіе управомоченному возможности рѣшать по своему усмотрѣнію судьбу вещи. Возможность эта по отношенію къ собственности достигается изданіемъ общаго запрета воздѣйствовать на вещь, направленнаго противъ всѣхъ, за исключеніемъ собственника. Господство его надъ нею осуществляется, поэтому, черезъ обязанность воздержанія, возложенную на третьихъ лицъ правовымъ запретомъ, и приводитъ къ полной свободѣ распоряженія вещью, поскольку собственникъ не стѣсненъ въ ней особыми правовыми ограниченіями. Возможность такихъ ограниченій должна быть принята въ соображеніе при формулировкѣ понятія собственности, которое, поэтому, выразится такъ: «собственность есть то право, которое само по себѣ (an sich) сообщаетъ волѣ управомо-

---

[1]) Pandekten, § 22.

[2]) Windscheid. Lehrbuch des Pandekten-Rechts, § 38.

[3]) Примѣчанія къ 9-му переработанному изданію учебника Виндшейда.

[4]) Gierke. Lehrbuch des deutschen Privatrechts, I, § 29.

ченнаго рѣшающее значеніе для вещи въ совокупности ея отношеній» [1]).

Болѣе новыя теоріи, также оспаривающія опредѣленіе собственности, какъ господства, исходятъ въ своихъ положеніяхъ или изъ чисто формальныхъ моментовъ, или изъ идеи общественнаго интереса, подчиняющаго себѣ интересы частные во имя общаго блага. Новое формальное построеніе собственности даетъ Штаммлеръ [2]). Крушеніе попытокъ ея опредѣленія онъ объясняетъ стремленіемъ теоретиковъ искать ея differentia specifica въ ея содержаніи, тогда какъ единственно возможная почва для отысканія такого признака,—формальная, такъ какъ собственность всегда и при всякихъ обстоятельствахъ исключительно правовое понятіе. Необходимо, поэтому, обратиться къ такому признаку, который одинаково продолжалъ бы оставаться неизмѣннымъ и при существованіи правъ третьихъ лицъ на вещь, и при любомъ правопорядкѣ, хотя бы коммунистическомъ. Этимъ признакомъ Штаммлеръ считаетъ право окончательнаго распоряженія: „собственникъ есть то лицо, правовое усмотрѣніе котораго, по закону, въ конечномъ счетѣ рѣшаетъ судьбу вещи“. Какъ бы ни были широки права временнаго или вѣчно-наслѣдственнаго владѣльца измѣнить правовое положеніе вещи—отчуждить ее,—онъ не можетъ: это право исключительно собственника и въ этомъ смыслѣ ему принадлежитъ послѣднее рѣшающее слово.

На совершенно другой, матеріальной точкѣ зрѣнія стоитъ графъ Пининьскій [3]. Возражая противъ сведе-

---

[1]) Ibid., § 167, п. 5.

[2]) Konrads Handwörterbuch der Staatswissenschaften; v. Eigentum.

[3]) Gr. Pinin'ski. Begriff und Grenzen des Eigentumsrechts nach römischem Recht.

нія понятія собственности къ понятію господства, какъ совершенно невѣрному и противорѣчащему всѣмъ явленіямъ нашего экономическаго оборота, Пининьскій выдѣляетъ, какъ рѣшающій, моментъ хозяйственнаго использованія вещи, что заставляетъ его приравнять собственность къ владѣнію, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ человѣкъ стремится къ хозяйственному употребленію вещи и извлеченію изъ нея выгодъ. По содержанію, такимъ образомъ, собственность и владѣніе одинаковы, но въ то время, какъ владѣніе—только „фактическое хозяйственное отношеніе между лицомъ и вещью, состоящее въ томъ, что вещь принадлежитъ къ исключительной хозяйственной сферѣ лица“ [1]), собственность есть такое-же отношеніе, но признанное правомъ. Признаніе это находитъ мѣсто, поскольку этого требуетъ разумный интересъ собственника, но оно прекращается или ограничивается, какъ только интересъ единичной личности вступаетъ въ столкновеніе съ благомъ противостоящей ему общественной массы. Ограниченія собственности, поэтому, представляющіяся сторонникамъ теоріи господства, какъ нѣчто неестественное и противорѣчащее ея природѣ, — наоборотъ, естественно и необходимо вытекаютъ изъ отстаиваемаго правомъ согласованія частныхъ и общихъ интересовъ. Ихъ взаимная связь, существующая и по отношенію къ движимости, особенно рѣзко сказывается въ области правъ на недвижимость, гдѣ полномочія собственника стѣсняются все болѣе и болѣе, какъ нормами такъ наз. „сосѣдскаго права“, такъ и публично-правовыми ограниченіями (преимущественно въ большихъ городахъ). Прежнее пониманіе права собственника дѣйствовать въ предѣлахъ своего участка—какъ произвола частнаго лица, уступаетъ воззрѣнію, тол-

[1]) Ibid., стр. 15.

кующему это право строго-ограничительно: согласно Іерингу и Унгеру, не только непосредственное, но и посредственное воздѣйствіе собственника участка на участокъ сосѣда (напр., въ видѣ рытья ямъ около сосѣдской стѣны, угрожающаго цѣлости зданія и т. п.) не должно быть терпимо, поскольку оно переходитъ дозволенные предѣлы. Воззрѣніе это раздѣляется и современнымъ законодательствомъ, какъ, напр., германскимъ гражданскимъ уложеніемъ (§ 906), подробно предусматривающимъ случаи такого дозволеннаго вторженія въ сосѣдскіе предѣлы. Наконецъ, не только вредъ непосредственнаго воздѣйствія для сосѣдняго участка, но обременительность его для личности сосѣда тоже должна быть принята во вниманіе и можетъ повести къ ограниченію собственника, если только по условіямъ даннаго случая такое ограниченіе будетъ диктоваться разумнымъ, а потому заслуживающимъ правового признанія, интересомъ третьяго лица, и, тѣмъ болѣе,—общественной группы. „Разумный интересъ единичной личности ни въ коемъ случаѣ не требуетъ безграничной свободы распоряженія собственностью, тогда какъ ограниченіе индивидуальнаго произвола безусловно вынуждается интересомъ общества“ [1]), говоритъ Пининьскій, подчеркивая этими словами вліяніе современныхъ соціальныхъ воззрѣній на тѣсно связанныя съ ними общностью происхожденія и сферой примѣненія правовыя убѣжденія.

Таковы, въ краткихъ чертахъ, измѣненія во взглядѣ гражданско-правовой теоріи на существо собственности, приведшія, въ конечномъ итогѣ, къ полному отрицанію того начала, въ которомъ теоретики прошлаго времени видѣли самое raison d'être института собственности. Однако, оглядываясь на попытки

[1]) Ibid., стр. 126.

ея опредѣленія, нельзя не признать, что существо ея, несмотря на тщательное и всестороннее изслѣдованіе вопроса, тѣмъ не менѣе такъ и осталось невыясненнымъ. Не говоря о теоріи господства, подвергшейся уничтожающей критикѣ уже со стороны юристовъ-классиковъ, — и теоріи, находящія это существо въ отвлеченіи понятія собственности отъ ея конкретныхъ проявленій, какъ это дѣлаютъ Бёкингъ и Виртъ, не достигаютъ цѣли. Опредѣленія ихъ или не даютъ ничего, или даютъ метафору, что приводитъ къ результату весьма сомнительной научности. Возможно ли, дѣйствительно, признать за научныя опредѣленія указанія Бёкинга, какъ на природу собственности,—на „способную къ разнообразнѣйшимъ опредѣленіямъ во-внѣ неопредѣленность", или мнѣніе Вирта о смыслѣ принадлежностнаго отношенія вещи къ собственнику, какъ части личности собственника, его „продолжающагося *я*" — „verlängertes ego"? [1]). За такими словами скрывается полная спутанность представленій.—Что же касается теоріи запретовъ, то, при всей правильности указанія на наличность преграды, выражающуюся въ сознаніи запретности чужой собственности, она, все-таки, не объясняетъ происхожденія и сущности этой преграды.—Не вполнѣ удовлетворительна и попытка Пининьскаго, неправильность которой, впрочемъ, характера чисто-догматическаго, а потому отдѣльное ея разсмотрѣніе въ задачу этой статьи не входитъ.

Отсутствіе научнаго понятія собственности сказывается также въ существованіи такого длящагося недоразумѣнія, какъ отдѣленіе собственности отъ понятія права собственности.

Оно встрѣчается еще въ трудѣ Лейста [2]), который

[1]) Ibid., стр. 39.

[2]) Leist. Über die Natur des Eigentums. Zivilistische Studien, 3 Heft. 1857.

считаетъ, что собственность, какъ отношеніе, существуетъ уже до права. Она не продуктъ права и покоится не на правовомъ, а на естественномъ началѣ, которое, задолго до возникновенія субъективныхъ правъ, уже породило понятіе матеріальнаго субъективнаго полномочія по отношенію къ вещи. Собственность „первоначально чисто фактическое естественное понятіе“ [1]), тогда какъ право собственности возникаетъ лишь послѣ установленія извѣстнаго правопорядка, и существуетъ постольку, поскольку признается положительнымъ правомъ. — Такое же дѣленіе находится и въ одной изъ новѣйшихъ работъ по данному вопросу, у Шлоссмана [2]), для котораго собственность, въ отличіе отъ права собственности, также, хотя и по другимъ основаніямъ, чѣмъ у Лейста, — лишь чисто фактическое, независимое отъ вліянія права явленіе, относимое имъ всецѣло къ области политической экономіи и политики права. Принимая (подъ вліяніемъ ученія Петражицкаго въ его соч.: „Lehre vom Einkommen“ о функціи права собственности и гражданскаго права вообще) за основаніе права собственности распредѣленіе экономическихъ благъ, вслѣдствіе чего онъ формулируетъ самое понятіе его, какъ „положеніе отдѣльнаго лица относительно вещи, присвоенное ему на основаніи принциповъ распредѣленія“, Шлоссманъ не замѣчаетъ противорѣчія, въ которое впадаетъ его теорія съ его же опредѣленіемъ. Несомнѣнно, слово „собственность“ на обыденномъ языкѣ часто отожествляется съ самимъ объектомъ и фактическимъ отношеніемъ къ нему лица, но понятіе собственности именно тѣмъ и отличается отъ подобнаго отношенія—владѣнія, что право

[1]) Ibid., стр. 227.

[2]) Schlossmann. Über den Begriff des Eigentums. Jahrbücher für Dogmatik des deutschen römischen Rechts. B. 45, 1903.

признаетъ за нимъ опредѣленныя послѣдствія и обезпечиваетъ ему опредѣленную защиту этихъ послѣдствій. Экономическое понятіе собственности, противополагаемое Шлоссманомъ юридическому понятію права собственности, вовсе не нѣчто самостоятельное и отличное отъ послѣдняго: если политическая экономія изучаетъ и объясняетъ явленіе собственности подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ это дѣлаетъ наука права, то это не значитъ, что она имѣетъ въ виду явленіе другого порядка. Для нея, какъ и для всякой другой научной дисциплины, которая занялась бы этимъ вопросомъ, собственность,—не только фактическое отношеніе, не тотъ или другой образъ дѣйствій, а понятіе правовое, извѣстный правовой институтъ, тѣмъ и разнящійся отъ простого владѣнія, что вытекающія изъ него послѣдствія санкціонируются правомъ въ опредѣленномъ направленіи, что и обезпечиваетъ ему его экономическую роль. Тамъ, гдѣ такая санкція на-лицо, будетъ и собственность, гдѣ этой санкціи нѣтъ—можетъ быть совершенно одинаковое по своему внѣшнему проявленію отношеніе лица къ вещи, но собственности не будетъ.

Совершенно новое, своеобразное и устраняющее многіе спорные пункты опредѣленіе собственности даетъ новая, психологическая теорія права [1]). Предыдущія статьи, посвященныя выясненію сущности этой теоріи и ея отличія отъ другихъ, традиціонныхъ, настолько полно передали новое психологическое понятіе права вообще, что возвращеніе къ этому вопросу было-бы здѣсь излишне. Мы остановимся отдѣльно только на томъ, что представляетъ изъ себя собственность, согласно психологической теоріи права.

---

[1]) Л. І. Петражицкій. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. 2-е изд.

Въ противоположность традиціоннымъ ученіямъ о собственности, психологическая теорія ставитъ вопросъ о ея существѣ на почву реально-опытнаго изученія. Объектомъ этого изученія является психика человѣка. Изслѣдуя ее, мы находимъ въ ней особыя специфическія переживанія, въ силу которыхъ намъ кажется, что мы можемъ обращаться съ тѣми или другими вещами, какъ намъ заблагоразсудится, не спрашивая на то ни у кого никакого разрѣшенія, и одновременно можемъ требовать, чтобы другіе терпѣли такія наши дѣйствія по отношенію къ вещи и не вмѣшивались въ нихъ безъ нашего разрѣшенія. Полномочія такого характера мы называемъ собственностью. Такимъ образомъ, тотъ, кто приписываетъ ее самому себѣ, считаетъ себя въ правѣ дѣлать съ вещью все, что ему угодно, а всѣхъ другихъ считаетъ обязанными терпѣть это воздѣйствіе и въ него не вступаться. Въ свою очередь, кто приписываетъ право собственности другому, тотъ считаетъ себя и другихъ обязанными терпѣть всякое обращеніе съ вещью со стороны этого собственника, въ чемъ бы это обращеніе ни выразилось, и воздерживаться отъ какого бы то ни было воздѣйствія на нее безъ дозволенія собственника. При этомъ упомянутое воздѣйствіе на вещь и свобода отъ вмѣшательства постороннихъ представляются и собственникомъ, и третьими лицами, какъ нѣчто причитающееся собственнику, нѣчто такое, на что онъ можетъ *притязать* и исполненіе чего можетъ *требовать*, т. е. переживаются императивно-аттрибутивно. Собственность, такимъ образомъ, есть не что иное, какъ психическое императивно-аттрибутивное переживаніе, — эмоціонально-интеллектуальный процессъ, происходящій въ психикѣ того, кто приписываетъ себѣ или другимъ права воздѣйствія и обязанности воздержанія и терпѣнія. Собственность есть вполнѣ реальный фено-

менъ, но она имѣется не гдѣ-то въ пространствѣ въ видѣ какихъ-то „невидимыхъ связей" между людьми или между людьми и вещами, и не въ видѣ совокупности запрещеній, изданныхъ кѣмъ бы то ни было по адресу неопредѣленныхъ лицъ, какъ это утверждаютъ прежнія теоріи: собственность—явленіе субъективное и существуетъ единственно въ сознаніи, которое и есть здѣсь единственная, доступная опыту, реальность. Всякое построеніе собственности, какъ чего-то объективнаго и самостоятельнаго, будетъ, поэтому, лишь „эмоціональной фантазмой", продуктомъ эмоціональной фантазіи, т.-е.—величиной идеологической, а не реальной.

Воздѣйствіе собственника на вещь можетъ проявляться въ любой формѣ: онъ управомоченъ рѣшительно на всякія дѣйствія, какія только можно себѣ вообразить по отношенію къ данной вещи,—будетъ ли то полезное хозяйственное или иное употребленіе, или злоупотребленіе (uti et abuti), за исключеніемъ развѣ особыхъ спеціальныхъ изъятій, согласно существующему праву. Аттрибутивъ—притязаніе—собственника на эти права направленъ противъ любыхъ третьихъ лицъ; указанныя обязанности терпѣнія и воздержанія возлагаются на всѣхъ и каждаго, кто, такъ сказать, попадаетъ въ поле зрѣнія собственника. Но выраженіе это не означаетъ, что право собственности, приписываемое себѣ тѣмъ или инымъ лицомъ, обязываетъ по отношенію къ нему все населеніе земного шара или хотя бы даннаго государства, какъ это полагаетъ, напр., Бирлингъ [1]) въ своей теоріи запретовъ: „всѣ и каждый" означаетъ именно то, что обозначаютъ эти мѣстоимѣнія, т.-е. соотвѣтственное представляемое; это только особаго рода идея, находящаяся въ умѣ. Въ этомъ смыслѣ право собственности, какъ дѣй-

[1]) Bierling. Juristiche Principienlehre, стр. 184 и сл.

ствующее противъ „всякаго“, есть право абсолютное.

Для выраженія того, что собственникъ имѣетъ право именно на всякія любыя (за исключеніемъ развѣ особо и опредѣленно изъятыхъ), а не только на спеціальныя и особо перечисленныя дѣйствія, право собственности можно охарактеризовать техническимъ терминомъ „общаго“. Этотъ условный терминъ не означаетъ абсолютной общности: общее правомочіе собственника можетъ подлежать и особымъ изъятіямъ, опредѣленнымъ ограниченіямъ въ зависимости отъ права даннаго времени и даннаго мѣста.

Импульсивная сила императивно-аттрибутивныхъ (обязательно-притязательныхъ) эмоцій оказываетъ на поведеніе лицъ, приписывающихъ себѣ и другимъ право собственности, такое давленіе, въ результатѣ котораго получается специфическое индивидуальное и массовое поведеніе. Сознаніе своего права на любое обращеніе съ вещью создаетъ у хозяевъ соотвѣтственную поощрительную мотивацію и соотвѣтственное поведеніе; точно такъ же у постороннихъ сознаніе своего долга воздерживаться отъ недозволенныхъ воздѣйствій на чужія вещи и терпѣть любое хозяйничанье собственниковъ вызываютъ такую мотивацію и соотвѣтственное поведеніе, которыя состоятъ въ уваженіи чужой собственности. Всякое иное отношеніе сознается, какъ посягательство на чужое право, на то, что авторитетно причитается собственнику.

Результатомъ такой двусторонней мотивации и вытекающаго изъ нея поведенія является реальный порядокъ распредѣленія хозяйственныхъ благъ: приписывая разнымъ лицамъ полномочія собственниковъ, право тѣмъ самымъ надѣляетъ ихъ опредѣленными благами, выполняетъ свою распредѣлительную функцію. Если тѣ или иные предметы представляются намъ, какъ соединенные съ людьми „невидимою связью“, то именно

въ силу соціальнаго процесса, основывающагося на этой мотивацiи и соотвѣтственномъ поведеніи. Надѣленіе людей хозяйственными благами и закрѣпленіе за ними этихъ благъ есть, такимъ образомъ, необходимое слѣдствіе аттрибутивной природы правовой психики.

Въ связи съ опредѣленіемъ собственности, какъ чисто-психическаго явленія, стоитъ и разрѣшеніе психологической теоріей вопроса о функціи собственности. Форма собственности находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ уровня психическаго развитія человѣка. На извѣстной стадіи этого развитія личная собственность есть главный, если не единственный, стимулъ экономической дѣятельности и трудолюбія: безъ гарантіи закрѣпленія за отдѣльнымъ лицомъ и его семьею, или, вообще, его близкими, произведенныхъ имъ экономическихъ цѣнностей, самое производство ихъ теряетъ для него смыслъ и интересъ. Сохраненіе частной собственности, побуждающей къ накопленію личнаго, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и народнаго богатства, является, поэтому, въ такомъ періодѣ настоятельной необходимостью. Наоборотъ, на стадіи высшей, еще не достигнутой нами культуры, психика человѣка перестанетъ нуждаться въ подобномъ стимулѣ: для побужденія его къ производительной хозяйственной дѣятельности уже не понадобятся личныя награды въ видѣ закрѣпленія именно за нимъ продуктовъ этой дѣятельности. Частная собственность станетъ ненужной, отпадетъ и замѣнится собственностью коллективной, обслуживающей потребности всѣхъ членовъ общежитія.

Современное намъ общество находится пока въ періодѣ переходномъ: служеніе общимъ, а не только личнымъ, интересамъ внѣ соображеній своей частной выгоды все больше выдвигается на передній планъ, но,

вмѣстѣ съ тѣмъ, психика большинства еще слишкомъ слабо проникнута альтруизмомъ, чтобы идеалъ общественнаго блага могъ замѣнить частную собственность въ качествѣ собственнаго стимула. Уничтоженіе ея до соотвѣтственнаго измѣненія психики былобы источникомъ уменьшенія, а можетъ быть, и полнаго разрушенія народнаго благосостоянія. Это измѣненіе психики въ смыслѣ развитія высшаго альтруизма и созданія мотиваціи, не требующей личныхъ поощреній, есть конечная цѣль права, которой можно достигнуть путемъ сознательнаго правового воспитанія психики. Въ этомъ отношеніи психологическая теорія, подчеркивающая культурно-воспитательное дѣйствіе права, открываетъ самыя широкія перспективы для будущаго соціальнаго строительства, основой котораго явится высшій по сравненію съ современнымъ этическій уровень человѣка.

Изд-ство „**ОБРАЗОВАНІЕ**“, С.-Петербургъ.

Новыя идеи въ философіи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей **Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.**

Сборникъ № 1. Философія и ея проблемы.—А. Бергсонъ. Философская интуиція.—Э. Бутру. Объ отношеніи философіи къ наукѣ.—Г. Гомперцъ. Задачи ученія о міровоззрѣніи.—Э. Махъ. Философ. и естеств.-научное мышленіе.—В. Дильтей. Типы міровоззр. и обнаруженіе ихъ въ метафизич. системахъ. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе.—А. Рей. Общій духъ современн. физики и цѣнность физич. науки.—Г. Мило. Раціональная наука.—Э. Махъ. Основныя идеи моей естеств.-научной теоріи познанія и отношеніе къ ней моихъ современниковъ.—М. Планкъ. Теорія физ. познанія Маха.—Г. Гельмъ. Границы прим. въ физикѣ мех. моделей.—П. Дюгемъ. Физика качества.—Къ литературѣ вопроса. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 3. Теорія познанія I.—Н. О. Лосскій. Имманентная философія В. Шуппе.—Д. В. Викторовъ. Психол. и философ. воззрѣнія Рихарда Авенаріуса.—Б. Яковенко. Теоретическая философія Э. Гуссерля. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 4. Что такое психологія?—В. Шуппе. Понятіе психологіи и ея границы.—К. Штумпфъ. Явленія и психическія функціи.—В. Джемсъ. Существуетъ ли сознаніе?—Т. Липпсъ. Пути психологіи. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 5. Теорія познанія II.—В. Е. Сеземанъ. Теоретическая философія Марбургской школы.—Э. Л. Радловъ. Мистицизмъ въ современной философіи.—Л. Нельсонъ. Невозможность теоріи познанія.—П. Наторпъ. Кантъ и Марбургская школа.—Р. Эйслеръ. Сознаніе и бытіе. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ?—М. Фришейзенъ-Кёлеръ. Ученіе о субъективности чувственныхъ качествъ и его противники.—І. Ремке. О достовѣрности внѣшняго міра для насъ.—В. Шуппе. Соллипсизмъ. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 7. Теорія познанія III.—Г. Риккертъ. Два пути теоріи познанія.—Т. Райновъ. Гносеологія Лотце.—С. Л. Франкъ. Прагматизмъ, какъ гносеологическое ученіе. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 8. Душа и тѣло.—Г. Риккертъ. Психофизическая причинность и психофизическій параллелизмъ.—Э. Бехеръ. Законъ сохраненія энергіи и допущеніе взаимодѣйствія между душой и тѣломъ.—К. Штумпфъ. Душа и тѣло.—Ж. Лёбъ. Значеніе тропизмовъ для психологіи. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 9. Методы психологіи I.—Э. Л. Радловъ. Самонаблюденіе въ психологіи.—Г. И. Челпановъ. Объ экспериментальномъ методѣ въ психологіи.—Г. П. Зеленый. Современная біологія и психологія.—А. О. Кони. Психологія и свидѣтельскія показанія.—Г. Геймансъ. Методы спеціальной психологіи. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 10. Методы психологіи II.—Ю. Филиппченко. Предметъ зоопсихологіи и ея методы.—С. Сухановъ. Патопсихологія.—Л. Оршанскій. Пути и методы дѣтской психологіи.—В. Вундтъ. Психологія въ борьбѣ за существованіе. **Ц. 80 к.**

Сборникъ № 11. Теорія познанія и точныя науки.—К. Лассвицъ. Современная энергетика и ея значеніе для теоріи познанія.—Г. Герцъ. Три картины міра.—Ф. Кунтце. Математика и точное изложеніе теоретико-познавательной проблемы. **Ц. 80 к.**

Изд-ство „ОБРАЗОВАНІЕ“, С.-Петербургъ.

Сборникъ № 12. Къ исторіи теоріи познанія I.—Ф. Якоби. О трансцендентальномъ идеализмѣ.—І. Г. Фихте. Первое введеніе въ наукословіе.—Ф. Шеллингъ. Философскія письма о догматизмѣ и критицизмѣ.—І. Г. Фихте. Наукословіе въ его общихъ чертахъ.—Ф. Шеллингъ. Иммануилъ Кантъ. Ц. 80 к.

Сборникъ № 13. Современные метафизики I.—Н. Г. Дебольскій. Трансцендентальный реализмъ Гартмана.—И. И. Лапшинъ. Неокритицизмъ Шарля Ренувье.—А. Крогіусъ. Очеркъ философіи В. Вундта. Ц. 80 к.

Сборникъ № 14. Этика I.—Э. Целлеръ. Кантовскій принципъ морали и противоположность формальныхъ и матеріальныхъ принциповъ морали.—Б. Баухъ. Этика.—Х. Зигвартъ. Основные вопросы этики. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ соціологіи.

Неперіод. изд., выход. подъ ред. проф. **М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти.**

Сборникъ № 1. Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе.—М. М. Ковалевскій. Соціологія на Западѣ и въ Россіи.—Е. В. де-Роберти. Современное состояніе соціологіи.—П. Сорокинъ. Границы и предметъ соціологіи.—Г. Зиммель. Задачи соціологіи. Ц. 80 к.

Сборникъ № 2. Соціологія и психологія.—Е. В. де-Роберти. Соціологія и психологія.—Э. Дюркгеймъ. Соціологія и теорія познанія.—Г. Тардъ. Психологія и соціологія.—П. Коллэ. Отношеніе соціологіи къ психологіи и біо-соціальная гипотеза.—Д. Драгическо. Отношенія между психологіей и соціологіей.—Г. Палантъ. Антиномія между личностью (индивидомъ) и группою (обществомъ) въ области духовной, преимущественно умственной жизни. Ц. 80 к.

Сборникъ № 3. Что такое прогрессъ? I.—Е. В. де-Роберти. Идея прогресса въ соціологіи.—В. Оствальдъ. Энергетика общихъ законовъ прогресса.—І. Новиковъ. Сущность прогресса.—А. Лоріа. Послѣдняя эволюція теоріи эволюціи.—Мануврье. Антропологическій прогрессъ.—Ф. Бюиссонъ. Политическій прогрессъ. Обзоръ теорій прогресса. Литература по вопросу о прогрессѣ. Ц. 80 к.

Сборникъ № 4. Генетическая соціологія I.—А. Л. Погодинъ. Эволюція современной этнологіи.—П. Сорокинъ. Проф. Эспинасъ о происхожденіи и исторіи техники.—Н. Кондратьевъ. Г. Куновъ о происхожденіи религіи и религіозныхъ вѣрованій.—М. М. Ковалевскій. Происхожденіе дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣйствій.—А. Бруно. Происхожденіе семьи. Ц. 80 к.

Новыя идеи въ экономикѣ.

Неперіод. изд., выход. подъ редакціей проф. **М. И. Тугана-Барановскаго.**

Сборникъ № 1. Ученіе о распредѣленіи общественнаго дохода.—С. Солицевъ. Новѣйшія теченія въ ученіи о распредѣленіи.—С. Солицевъ. Проф. Муръ о законахъ заработной платы.—Р. Шюллеръ. Спросъ на рабочую силу. Ц. 80 к.

Сборникъ № 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство.—М. Туганъ-Барановскій. Теорія народонаселенія при свѣтѣ новыхъ фактовъ.—М. Туганъ-Барановскій. Взгляды Каутскаго на вопросы народонаселенія.—Л. Эльстеръ. Экономисты современной эпохи и Робертъ Мальтусъ.—Ю. Вольфъ. Средства борьбы съ уменьшеніемъ рождаемости.—Ю. Вольфъ. Законъ народонаселенія. Ц. 80 к.

Новыя книги:

Новыя идеи въ философіи:

Сборникъ № 15. Безсознательное.—З. Гартманнъ. Къ понятію безсознательности.—Э. Брентано. О внутреннемъ сознаніи.—Гюго Мюнстербергъ, Теодоръ Рибо, Пьеръ Жане, Мортонъ Принсъ, Бернаръ Хартъ. Подсознательныя явленія, ц. 80 к.

Сборникъ № 16. Психологія мышленія.—И. И. Лапшинъ. Психологія эмоціональнаго мышленія Г. Майера.—Освальдъ Кюльпе. Современная психологія.—А. И. Кундманъ. Психологія мышленія.—А. А. Крагіусъ. Вюрцбургская школа, ц. 80 к.

Сборникъ № 17. Современные метафизики. П.—Б. Яковенко.—Ройсъ.—Н. Г. Дебольскій.—Гринъ.—Н. Вальтаваръ.— Метафизика Левенской школы, ц. 80 к.

Новыя идеи въ экономикѣ:

Сборникъ № 3. Раціонализація хозяйства I.—М. И. Ароновъ. Раціональная организація хозяйственныхъ принадлежностей.—Гуго Мюнстербергъ. Прикладная психологія—Рихардъ Вольдтъ. Система Тейлора, ц. 80 к.

Сборникъ № 4. Вздорожаніе жизни.—Людвигъ ф. Мизесъ. Всеобщее вздорожаніе жизни въ свѣтѣ теоріи политической экономіи.—В. Эгенштвеллеръ. О причинахъ вздорожанія жизни.—Жанъ Лескюръ. Всеобщее повышеніе и пониженіе цѣнъ.—С. О. Морголинъ. Вздорожаніе жизни и количественная теорія денегъ Ирвинга Фишера.—Артуръ Зальцъ. Вздорожаніе хлѣба на міровомъ рынкѣ, ц. 80 к.

Сборникъ № 5. Закономѣрность общественнаго развитія.—Н. Д. Кондратьевъ. Основныя ученія о законахъ развитія общественной жизни.—М. И. Назаревскій. По вопросу о теоріи экономической эволюціи.—М. П. Туганъ-Барановскій. Подчиняется ли исторіи общества законамъ развитія.—А. Д. Ксенополь. Соціологическіе законы развитія, ц. 80 к.

Новыя идеи въ правовѣдѣніи.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора

Л. І. Петражицкаго.

При ближайшемъ участіи профессоровъ Б. А. Кистяковскаго, М. М. Ковалевскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Люблинскаго, Б. Э. Нольде, М. Я. Пергамента и М. П. Чубинскаго.

Сборникъ № 1. Цѣли наказанія.—П. И. Люблинскій. О дѣйствіи наказанія. Ф. Листъ. Цѣли наказанія и борьба школъ.—Карлъ Биндингъ. Противорѣчія въ теоріяхъ наказанія.—А. Н. Трайнинъ. Споръ классической и соціологической школъ о цѣляхъ наказанія.—В. Б. Станкевичъ. Борьба съ опаснымъ состояніемъ, какъ основная задача новаго уголовнаго права. Ц. 80 к.

Сборникъ № 2. Философія права и нравственности.—П. Е. Михайловъ. О разныхъ видахъ науки въ правѣ.—Г. А. Ивановъ. Методологическія и психологическія предпосылки изученія права.

Сборникъ № 3. Эволюція преступленія и наказанія.—Г. Оппенгеймеръ. Историческое изслѣдованіе о происхожденіи наказанія. К. Биндингъ. О возникновеніи публичнаго наказанія въ германо-нѣмецкомъ правѣ.—П. А. Сорокинъ. Законы развитія наказанія съ точки зрѣнія психологической теоріи права.

Сборникъ № 4. Философія права и нравственности II.—П. Е. Михайловъ. Проблема права.—Т. А. Ивановъ. Характерныя свойства и тенденціи права и нравственности.—С. Рынкевичъ. О природѣ собственности.

Новыя идеи въ философіи.

Непеpiод. изд., выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.

Сборники: № 1. Философія и ея проблемы.—№ 2. Борьба за физическое міровоззрѣніе.—№ 3. Теорія познанія I.—№ 4. Что такое психологія?—№ 5. Теорія познанія II.—№ 6. Существуетъ ли внѣшній міръ?—№ 7. Теорія познанія III.—№ 8. Душа и тѣло.—№ 9. Методы психологіи I.—№ 10. Методы психологіи II.—№ 11. Теорія познанія и точныя науки.—№ 12. Къ исторіи теоріи познанія I.—№ 13. Современные метафизики I.—№ 14. Этика I.—№ 15. Безсознательное.—№ 16. Психологія мышленія.—№ 17. Современные метафизики II.—№ 18. Этика II (печ.).

Цѣна каждаго сборника 80 к.

Новыя идеи въ соціологіи.

Непеpiод. изд., выход. подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго и Е. В. де-Роберти.

Сборники: № 1. Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе.—№ 2. Соціологія и психологія.—3. Что такое прогрессъ? I.—№ 4. Генетическая соціологія.—№ 5. Этика и право (печ.).

Цѣна каждаго сборника 80 к.

Новыя идеи въ экономикѣ.

Непеpiод. изд., выход. подъ редакц. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.

Сборники: № 1. Ученіе о распредѣленіи общественнаго дохода.—№ 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство.—№ 3. Раціонализація хозяйства I.—№ 4. Вздорожаніе жизни.—№ 5. Закономѣрность общественнаго развитія.—№ 6. Теорія денегъ Кнаппа.

Цѣна каждаго сборника 80 к.

Новыя идеи въ правовѣдѣніи

Непеpiод. изд., [illegible] ж. участіи проф.: Б. [illegible] М. Ковалевска[illegible] Перга-мента и [illegible]

Сборн[illegible] и нравственности [illegible] 4. Философія прав[illegible]

Цѣна к[illegible]

Непеpiодическо[illegible]

Сборни[illegible] удовая школа.—№ 3. [illegible]

Цѣна к[illegible]

Непеpiод. изд., [illegible] йкова.

Сборни[illegible] анія.—№ 2. Препода[illegible] новѣйшей учебной [illegible] знанію I.—№ 4. Преп[illegible] бной и учебно-вспомо[illegible] Общіе вопросы преп[illegible] ники.

Цѣна ка[illegible]

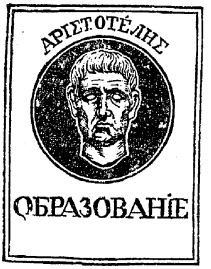
Непеpiодическое [illegible]

Сборник[illegible] сографіи въ средне[illegible]

Цѣна ка[illegible]

100

Цѣна 80 коп.



Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНІЕ“,
Петроградъ, Поварской, 12. Тел. № 75-51.

20 ЯНВ 1956

Тип. „Печатный Трудъ“ Спб. Прачешный пер.4.